Академия Родная

Андрей Анатольевич Ломачинский

SHOUT
SHARE
IT

Ломачинский Андрей Анатольевич

АКАДЕМИЯ РОДНАЯ

ПОВЕСТЬ

* * *

Вместо предисловия:
(Воспоминания курсантов, седых и лысых)

А ПОМНИТЕ...?
или 20 лет спустя

- Ну что мужики, у всех налито? Давай за встречу всего курса - двадцать лет не виделись... Ух, хорошо пошла! Сейчас закусим и поговорим обо всем. Всё вспомним, сейчас всё можно, сейчас демократия. Не то, что тогда...

А помните, как замполит Факультета, полковник Вася

Кононов, нас за приемники гонял? Проверял, чтоб коротких волн не было. Особенно злостно в Андроповский период. И за "гражданку" гонял. Правда знал, что в увольнение никто в форме не ходит, а поэтому постоянно причитал "уж если и оденется военнослужащий в цивильную одежду, то только без западной символики!" Ну а все на него забили и покупали джинсы исключительно "фирменные", а приемники с "запрещенными" диапазонами. Делает полковник шмон - под матрасом у одного курка находит американские джинсы с флажком на положенном месте. Замполит разозлился и всю нашу комнату к себе в кабинет вызвал. А у него там по тем временам система супер стояла - "Ленинград-006", первый стерео в стране. Мы глядь на приемник - а он как раз на 41-м метре на вражью волну настроен. Вася разошелся, мол вот я никогда до такого лизоблюдства перед Западом не упаду, чтобы национальный флаг ГэПэ на советской заднице красовался (ГП - это "главный противник"; тогда так Америку звали). А кто-то взял и врубил его "Ленинград" на полную катушку. Как раз на заставку попало - "тили-тили-тили... Говорит Голос Америки из Ва-ашингтона..." Все заржали, а замполит пустился в отмазки, что это ему для контрпропаганды надо.

А помните, как Амёба был ответственным за радиорубку. В той "рубке" отродясь никакого радио не было, а был виды видавший магнитофон "Весна" и допотопный усилитель. Помню застроил нас замполит по какому-то торжественному поводу во дворе Факультета, а Амёбе наказал по взмаху его руки включить гимн Советского Союза. А тот плёнки перепутал, да как врубит какой-то блатной шлягер - "лучше весилиться, чем работать, лучше водку пить, чем воевать..."

А помните, как Петю-Панариция воинская служба достала, и он решил по болячке комиссоваться. Сам был здоров, как бык, вот и решил закосить под дурака - уйти через Психиатрию. А чтобы попасть в дурку, Панариций на утреннем построении вышел из строя и запел "Интернационал" под общее ржание, якобы нас поднимал на борьбу с армейскими порядками. Поет, косит, аж самому смешно, едва сдерживается. Хорошо, что замполит такую "шизу" схавал.

А помните, как Миша-Циста рассказывал про матку на Анатомии, а сам показывал ее по желудку на трупе с мужским половым членом? Такой был хохот, когда препод пинцетом член поднял. Ну и двойка с отработкой, конечно.

Ха, вот у нашей группы доцент Твардовская анатомию вела. Ну Кикушка у нее кликуха была, помните? Опрашивает курсантов по теме "Женская половая система" и вызвала Валерку-Аспирина отвечать:

Доцент: - Покажите, где располагается матка?
Курсант (задумчиво): - Матка у нас располагается...
Доцент: (удивленно): - У ВАС?
Курсант: - Нет, я имел ввиду у вас.
Доцент: - У меня ?!
Курсант (испугавшись): - Нет, у всех женщин, кроме вас.

Помню, курсе на пятом наблюдали мы за тем, как при операции на открытом сердце его сначала ледяным физраствором заливают (холодовая остановка сердца). И вот стоит академик Колесов с поднятыми стерильными руками и смотрит, как операционная сестра Маша заливает сердце из керамического кувшина, а в другой руке держит электроотсос. Взгляд же её направлен на нас, молодых еще и почти на все готовых. Сердце уже остановилось, пора удалять жидкость из операционной раны, а Маша все ещё изучает пионеров. И академик изрёк: "Маша! У меня уже давно стоит. Почему не сосете?" Если бы клиент был не под наркозом, то смеялся бы и он.

А помните, в лекционном зале, где Биохимия, была доска из двух половинок, передвигающихся вверх-вниз. У доцента Хромосомы поломался ее проектор, где она писала свои формулы. Тогда Хромосома Стефановна всучила листок одному курсанту, ну Ваське-Эозину, и попросила его переписать формулы мелом на доску, пока она будет объяснять. Тот опускает доску вниз, чтобы писать было удобнее. Доцент: "Курсант, зачем вы так быстро спустили, а я же ещё не кончила?" Вся аудитория полчаса ржала! Двести мужиков с одной бабы.

А помните, как генералу Дыскину экзамен сдавали? Профессор делал свои дела и хрен чего слушал. Начинал вслушиваться, только если запинаешься или молчишь. Кто не боялся, одно и тоже по три-четыре раза ему повторял. Лишь бы бойко и уверенным голосом. В конце дед подводил к трупу, задавал элементарный вопрос и ставил пятёрку по анатомии, где надо было ставить "неуд". А запинающиеся отличники попадали под такой его прессинг, что и трояк за радость считали. Не было халявней препода, но и дурней не было!

А помните как другой анатом, профессор Лев, прятал мелкие кости кисти или стопы под полу халата, а потом заставлял на на ощупь определить какая это косточка, да еще правая или левая! Садист был, мне на экзамене достал какой-то позвонок, в руку не дает, а подкидывает. И сам тут же ловит. Пока в воздухе летит - смотри. И скажи ему, что это? Что позвонок шейный, я разглядел, а вот какой по номеру... Помню, ляпнул цифру наобум и угадал! Как в лото. Лев "пять" поставил.

А профессор Шостак с Нормальной Физиологии? Вот то был дурак! Куда там Дыскину. Сей полкаш вне зависимости от ответа первому курсанту на экзамене всегда ставил "отлично". Хоть вообще молчи. А потом объявлял, что он, профессор, на пятёрку физиологию не знает, а мы и подавно. У него система была двухбальная - тройки и четверки. "Бананов" не ставил принципиально. Для двоечников халява, кто к нему шел, тот нормфиз вообще не учил, а отличники всеми правдами и неправдами в другие группы перебегали. С кого же экзамен начнётся, всегда по жребию разыгрывали.

Ну да, а ты лучше вспомни, как Серега-Гематома пошел в винно-водочный напротив Штаба, ну в "Антимир". Купил там пять бутылок водки на все отделение, 7-е Ноября праздновать. Сложил водку в свой громадный дипломат, как тут же замполит Академии, генерал-лейтенат Логинов в тот же магазин заходит. Гемыч честь отдал, а дипломат раскрылся и вся водка побилась! Мы в праздники трезвые остались, а Гематома трезвый, да ещё и на губе!

А помните, как на младших курсах в коридоре общежития в хоккей играли? Проигравшая команда должна была на закорках катать победителей. Ну мы проиграли, понасажали победителей на спину и бегаем туда-сюда по коридору. Тут дежурный по Академии полковник Новицкий появляется (самая строевая гнида в Штабе была). Стал тихонько у двери и на такое ребячество смотрит. Потом как заорет: "Дежурный, что такое происходит!!!" А дежурным был Юрка-Мафия, он ему и рапортует: "Товарищ полковник, идет практическая отработка навыков эвакуации раненых с поля боя!" Дурак Новицкий на Мафию уставился и снова орет: "Это я вижу. Я спрашиваю, почему форму одежды нарушаете!?"

А другой хоккей помните - ну тот, настольный? Во что на задних рядах на лекциях играли. Вот картинка была - идет курс

строем, а замыкающая четверка сзади строя подмышками настольные хоккеи тащит! Если кто из начальства останавливал, то говорили что несем шефские подарки в детдом.

А помните, как ночи напролет в преферанс играли? Пулю на полтинник конов расписывали. А курили - точно топоры вешай! Коля Миляев купит канарейку, посадит ее в свою клеточку, ну та и живет у него до первой игры. Как ночку посидим - так на утро Милина канарейка дохлая. Дымом травилась!

А помните как наворовали в тире мелкокалиберных патронов? Ну да, а потом сделали винтовку из оконного шпингалета, пружины от кровати и трубки от зонтика! Вот же было дело - поехали в Парголово охотиться. Бух, пуля вжжжить со свистом! Да помню, как ты с дуру орал "лиса, лиса!" А как подошли - чья-то собака, да с ошейником. Дёру давали потом.

А помните, как полковник Качмазов "Тактику" принимал? "О, тебя я на лекции видел - добавляю к оценке один балл, а тебя не видел - снимаю с оценки один балл". А Изя ему отмазку кидает, типа товарищ полковник, я за колонной сидел. После этого все, кого он не видел, ему говорили, что за колонной сидели. Экзамен прошел, а этот дурак поплелся в аудиторию смотреть, как на трёх местах мог целый взвод разместиться...

А помните, как прапорщик Щекочихин поспорил с прапорщиком Климовичем, что за бутылку водки съест живого жука-вонючку? Типа на уроках выживания. Ну да, Щекочихин съел, а Климович с ним переспорил на тоже самое, но уже в отношении себя. И тоже съел. В результате оба скушали по вонючему насекомому и остались при своих с той же бутылкой водки. Как в том анекдоте - за просто так говна нажрались!

А вспомни, как Сив отдал честь пирожком! Генерал-полковники Иванов и Комаров из Штаба выходят, а тот на беду рядом идёт и Устав нарушает - на ходу пирожок жрёт. Со страха перед большим начальством влудил строевым шагом да так и козырнул надкушенным пирожком!

Или как Саня Хутиев вел на факультет бабу, а Пуля с Фторычем, увидев его с балкона, изобразили при входе на курс... как бы помягче выразиться... гомосексуальный половой акт. Взяли

длинную колбасу, ну ту, розовую такую за два двадцать - прям как у коня выглядело. А как бедная девочка бежала вниз по лестнице, увидев ЭТО!

Пацаны, а помните, как майор Санька Иваныч, будучи дежурным по Факультету, подвыпил с полковником Исаевым, а потом ссал с козырька над парадным входом? Днём, при всём честном народе на проспекте Карла Маркса и в присутствии интуристов с гостиницы "Ленинград"! Картинка - обхохотались бы, но, блин, нормы профессиональной этики не позволяют поведать миру об этом в деталях.

А кто помнит, как сержанту Коробке в его родном десантном взводе ночью на первом курсе ефрейторские лычки пришили? Он с ними чуть не целый день проходил, пока Абаж его не потоптал, как петух цыпленка. Или как на 8-е Марта голый Леня-Бегемот после бани бегал по "взлетке" на лыжах - стадион то наш был тоже в центре Ленинграда, и прожекторов вокруг... Мороз и молоденькие зрительницы - романтика! Или как те же десантники ночью катнули вдоль коридора младшекурсников штангу. Вот было хохоту, когда те в исподнем на грохот из своих комнат вылетали! Наверное думали - землетрясение или ядерный удар. Я уж не говорю о том, как храпящего Гриню-Лизола в туалет выносили на кровати. А потом Лизол просыпался, и три минуты не мог понять, где он...

А кто помнит Бицепса, того майора, начальника физподготовки нашего взвода? Что, все помнят?! Да уж, какой перл он нам выдал: "Товарищи курсанты! У настоящего военврача путь в медицину лежит через гирю, коня, брусья и на перекладину!" А в нашем взводе начфиз был из медиков, но тоже будь здоров - гиревик Колосик, помянем его, благо не к ночи. Переходил в капитанах и так к этому привык, что когда ему наконец дали майора, по телефону представлялся: "Майор медицинской службы капитан Колосик!" А старшие ребята прозвали его Майор Гагарин. Кто видел, тот поймёт. Гагарин в шлеме. А еще - Голова Босиком и Много Лица. Этого нашего Гагарина девятнадцатом веке, на шпагах, чтоб, значит, как муху проколоть. Портос был чемпионом округа по фехтованию, и Голова Босиком как ошпаренный выбежал из кабинета под защиту дневального. А я вот в Академию вернулся. Теперь сам начальник курса. Скажу, что особо-то ничего и не изменилось за двадцать лет, особенно в столовой. Как тогда, бачки по-прежнему пропадают, в основном у первокуров. Правда, чтобы хоть как-то

сдать наряд, они моют за второй курс посуду точно так же, как это делал второй курс, когда был первым. И недостаток посуды пополняют за счёт поварих. Всегда есть какая-нибудь Светочка, которая достаёт посуду. А наряд уж с ней рассчитается. Может, и на гормональном уровне, а может, та деньгами уже берет. Там есть комнатка, доверху набитая бачками и прочим потерявшимся инвентарем. За небольшой калым и сам начальник столовой может пополнить недостаток... А мы, помню, когда были первокурами, как-то раз сожрали на варке все мясо, которое предназначалось дежурному по Академии и иной начальствующей компании, уж очень голодные были. Такой мог скандал быть! Но наряд вовремя сообразил, что к чему, и исправил ситуацию - сами своровали на мясообвалке, а затем нажарили в нижнем цеху. А ещё ведь многие, думаю, помнят повариху Мальвину, которая до сих пор достаёт бедных овощников. Ну, чтоб переспать за плохо почищенную картошку...

- Так ты что, Начальник Курса, уже отупел на новой должности? Как Исаев стал? Шучу, шучу... Помните старшего офицера Факультета? У того кликуха была Штирлиц, но чаще Пяточная Кость. Только вспомни, приперся как-то раз он на построение. Увидел кого-то в грязных ботинках. Родил сей шедевр: "Вы посмотрите на свои ботинки! Они, наверно, грязнее, чем ноги!" Судя по всему, у легендарного Штирлица дела обстояли наоборот - ноги грязнее, чем ботинки. Опять Пяточная Кость на построении. Любил он это дело, а в строю, как обычно, где-то пол курса, остальные по своим делам. Долго-долго ходил взад-вперед, наконец, изрек: "Будем строиться до тех пор, пока не добьемся стабильного прихода!" Потом долго обижался, почему все смеются. Снова Пяточная Кость обходит очередной строй с понурым взглядом вниз, то есть на любимые ботинки: "У вас НОГИ НЕ УСТАВНЫЕ, товарищ курсант! А у вас, товарищ курсант, почему ботинки блестят! Свеженачищенные ботинки НЕ ДОЛЖНЫ блестеть!" А помните, как он сообщил шестому курсу: "Товарищи курсанты, вы скоро станете офицерами - это же страшное дело!"

- Кто в армии служил тот в цирке не смеётся....

- Чем больше в армии...

- А ты, правда, помнишь? Нет, не в двух словах, а подробненько так? От начала до конца все наши забавные шесть курсантских лет при развитом социализме? Ты же в "Боевой Листок" и в курсовую стенгазету писал. Не ври - точно помню, писал! Вот и давай, вспоминай!

* * *

"Ты помнишь, как всё начиналось?"
Макаревич, Маш. Вр.

КОНИ

В самом начале 80-х годов 20-го века государство Российское жило дружненько в составе громадной страны под названием "великий могучий Советский Союз". Воевать особо никто не собирался, а поэтому службы в армии народ не страшился. Наоборот даже, если говорить об офицерской службе, то туда молодёжь стремилась - хорошая зарплата, возможность карьерного роста и почет в обществе гарантированы. Всякие там афганистаны да анголы общей картины не протили. Ну а какие самые военные профессии среди офицеров? Артиллерист, танкист, минёр-подрывник? Не-а! Нет в названии этих специальностей и намёка на слово "военный". Самых военных професий две - военный дирижер и военный врач. Про военных дирижеров ничего не знаю, а вот на военврача мне довелось поучиться. Дело было в городе-герое Ленинграде в Военно-Медицинской Краснознаменной, много раз орденов всяких, и прочая, и прочая Академии (тогда) имени Кирова. Вообще-то верхнее медицинское образование, да еще с военным в довесок, дело тяжкое и серьёзное. Но пока его получишь, столько разного случится! Самый первый прикол вспоминается еще до того, как это самое образование началось. Так вот с этого момента и все оставшиеся шесть лет грызня гранита науки и смех от незатейливых житейских ситуаций шли у нас одним непрерывным сериалом, под названием "курсантская жизнь". Начнешь вспоминать, и приходит ностальгия - и по исчезнувшей стране, но больше по молодости.

Вроде было это всего-ничего тому назад, ну если не вчера, то на прошлой неделе. Помню краснеющую рябину и спеющие маленькие яблочки-дичку. Последние дни августа, холодное северное солнце греет плохо, руки охота засунуть в карманы. А туда их засовывать нельзя, их положено держать по швам, вытянувшись по команде "равнение на средину". И чтоб "подбородок на второй этаж". Рекомендация такая для красоты и строевого порядка на плацу, где застыли несколько сотен будущих военврачей, пока семнадцатилетних мальчишек. На этой самой середине, куда все равняются, происходит таинство

передачи власти - КМБ, или курс молодого бойца, заканчивается, начинается учеба. А это значит, что через минуты мы сядем в автобусы и поедем из Красного Села в Ленинград. Там примем присягу и станем настоящими военнослужащими. Ведь мы пока солдаты понарошку. Хоть форму и одели, но даже до звания "рядовой" не дослужились. Уже не абитуриенты, но еще и не курсанты. Просто зачисленные. И тут такой момент...

В начищенных до зеркального блеска хромовых сапогах начальника лагерного сбора отражается мирное советское небо и такие же сапоги идущего рядом замполита. Под бравурные звуки оркестра парочка переходит на строевой шаг. Оба полковника маршируют чётко, с правильной отмашкой рук и вытягивая носок. Словно рисуются своим мастерством перед нами, сопляками. Оркестр у Академии хороший, только вот флейту едва слышно. Кто-то подставил специальный микрофон под нос флейтиста, теперь нормально - музыка точно как на Красной Площади. Полковники подходят к микрофонам перед трибуной. На трибуне высокое начальство - сам генерал-полковник Иванов с кучей генералов пониже. Царь всея Академии со свитой. Полковники ему рапортуют чеканными голосами. Репродукторов вокруг плаца много понавешено, вместо речи получаются какие-то наложения непрерывного эха. Но громко. Однако в конце рапорта последние фразы слышны превосходно:

- Докладывал начальник лагерного сбора полковник Белоконь! ...-конь-конь-конь...

- Докладывал замполит лагерного сбора полковник Сивакобыла! ...-кобыла-кобыла-кобыла...

- Ко-о-они... -они-они-они...

Это флейтист сказал. Ну а мы... громко пёрднули, потому что смеяться в строю нельзя.

* * *

Первокуры-Минуса

РАЗВОД
в день смерти Брежнева

В Советской Армии, как и в любой другой, существовали наряды, Наряды по роте, или наряды по курсу, как их называли в нашей Академии, служили обычным наказанием для нарушителей, и за то их боялись. Сходишь в наряд - день на

свалку, занятия пропустил, иди вечерами отработки сдавай, заочного образования в медицине не бывает. А еще их боялись за развод - обязательную процедуру, которую ежедневно устраивало начальство для новых суточников. Этакий смотр, какой ты молодец, как у тебя блестят сапоги и бляха, и насколько же воин в боеготовности пребывает - точно ли знает порученное ему дело по мытью казармы и туалетов, а также охраны своих товарищей. Точнее про товарищей мало интересовались, больше наших командиров волновали нарушители порядка и неприкосновенность комнат с оружием.

Проучились мы всего пару месяцев, ну совсем еще зеленые первоклашки. Подошла моя очередь заступать в наряд. Перед разводом все сознательные курсанты Устав читают про то, где положено находиться дневальному, что он делает и за что отвечает. А я был несознательный. Я анатомию читал, вот и поплатился за это. Пришли мы на развод, что проводился перед Штабом, построились, гавкнули хором "здравия желаю" дежурному по Академии и замерли. Дежурным был полковник Новицкий - гроза и буквоед. Ходит этот солдафон, в каждого третьего пальцем тычет, осматривает как подшит, побрит, подмыт, как подстрижен и начищен, ну и конечно, спрашивает знание Устава. Угораздило меня в эти третьи залететь. Вопрос стандартный - обязанности дневального. У меня, салабона, от волнения в голове закружилось, все мысли в ком сбились где-то в районе спинного мозга. Но делать нечего, и я быстро залепетал слова из Устава. А знаете как трудно, когда не знал, да еще и забыл:

- Дневальный по курсу назначается из курсантов и выставляется из дверей недалеко от комнаты с тумбочками вблизи входного оружия... Эээ, виноват, товарищ полковник! Назначается из тумбочек, что у входных курсантов вблизи дверей с комнатами и оружием...

Лицо Новицкого, и без того длинное, вытянулось еще больше. Он позеленел от злости и рявкнул два слова:

- Снять!!! Доложить!!!

Споро подбежал майор, помощник дежурного или помдеж сокращенно, он меня снял и прилепил еще пять нарядов, чтоб тренировался. Оставшийся день я усиленно читал Устав, точнее учил его наизусть, а потом пошел заступать в наряды, как патрон в патронник при стрельбе очередями. Поотстал я, пооброс хвостами и отработками, поназаваливал зачетов, наконец остался мой последний наряд. И тут утром объявляют о смерти Брежнева.

Ах какой день - траурная классическая музыка по телевизору, флаги везде приспущены, народ грустный, все о будущем гадают. Однако отцы-командиры расслабляться не дают - в такой день, сами понимаете, там всякие происки империалистические, да провокации НАТО должны случиться. На происки и на НАТО мы плевали, а вот Брежнева, генсека партии-рулевого и главгера советского анекдота, нам по правде было жалко.

И вот я снова на разводе. Всем курсам навтыкано по уши про усиление дисциплины, мы стоим и дрожим, мерзнем на морозце. Но дрожим не от погоды - слух прошел, что опять Новицкий дежурным заступает, специально к такому дню. Меня-то он точно помнит, поэтому и настроение мое обреченно-созерцательное. Кружатся белые мушки-снежинки в холодном свете ртутных прожекторов, 18-00, уже темно. В последние минуты делать нечего, мы разглядываем народ за забором Штаба. Народу там полно, идут плотным потоком по проспекту Лебедева, хоть день и траурный, но в центре Ленинграда час пик никто не отменял. Наконец за ярко освещенными желтыми стеклами, что в дверях Штаба, проплывает полковничья папаха. Все подтянулись. Распахиваются двери и... И по строю разносится гулкий вздох облегчения - дежурным по Академии заступает полковник медицинской службы доцент Тумка из кафедры Биологии. Биолог Тумка был человек очень добрый и за исключением полковничьей формы, абсолютно "невоенный". А помдеж - капитан-служака с Первого Факультета, там где из врачей на командиров переучивают. Курсанты, все же чувствуя тяжесть момента, подтянулись, подравнялись, наряд, как ни крути, особенный - сам начальник СССР на одре возлежит! Но тут развод превращается в цирк:

Начало обычное - помдеж, выпучив глаза и тоже трясясь от волнения, орет:

- Наря-а-ад!!! К выходу дежурного по Академии, смирно!!!

Все застыли. Обычно дежурный после этих слов должен вдарить лихим строевым шагом до своей "точки" - специально нарисованного на асфальте квадратика. Там он замирает, а потом тоже орет привычное "Здравствуйте товарищи курсанты!". Тумка этого делать не стал. Натягивая на ходу портупею, он весьма вольной походкой подошел к стою. Встал на каком-то случайном месте и в своей протяжной сибирской манере говорит:

- Добрый вечер. День то какой... Да-а-а... Ну что, все готовы? Тогда идите...

А потом поворачивается и плетется обратно к дверям

Штаба. Помдеж, меняясь в лице, бегом догоняет Тумку и начинает что-то быстро говорить ему на ухо. Наряд и караул стоят в нерешительности - развод то по сути ещё и не начался. Полковник Тумка останавливается и молча слушает капитана. Наконец помдеж выговорился, и Тумка, поворачиваясь к нам, изрекает:

- А-а-а, понятно! Подождите пока все, я имел в виду о-о-отставить!

Все замирают с улыбками на лицах, а помдеж пулей улетает в Штаб. Через минуту возвращается с "пакетом" (конверт с паролем для караула) в одной руке и пистолетом в другой. Тумка наконец застегнул портупею, а про пистолет, видимо, вообще забыл. Строй с интересом наблюдает разворачивающееся шоу. Тумка не обращает внимания на пистолет, но берет конверт, вскрывает, надевает очки и начинает читать, повернув бумагу к свету. Затем громко объявляет:

- Наря-а-ад, слушай СЕКРЕТНОЕ СЛОВО!

Бредущий за забором Штаба народ, как по команде поворачивает головы в нашу сторону и с интересом прислушивается. Помдеж подпрыгивает словно ужаленный и опять что-то объясняет Тумке. По Уставу положено пароль сообщать только начальнику караула, и то шепотом на ухо. Похоже эти прописные истины воинского поведения и пытается втолковать капитан своему начальнику. Наконец они до начальника доходят, и Тумка, напуская серьезности и срываясь в фальцет, очень громко кричит:

- Карау-у-ул!!!

Прохожие за оградой Штаба останавливаются, как бы всматриваясь, кто и по какому бедствию взывает о помощи в такой скорбный день. Нашему строю их реакция хорошо видна, и курсанты уже откровенно хихикают в голос. Тумка хмурится - такая публичная дискредитация совершенно выбивает его из колеи. Но полковник старается выглядеть грозным и пытается исправить сложившуюся дурацкую ситуацию:

- О-о-отставить караул!

Все ржут. Тумка жестом подзывает помдежа и что-то в полголоса уточняет у него. В морозном воздухе хорошо слышны слова обоих. Прослушав короткую лекцию, полковник браво повторяет только что произнесенное изречение капитана:

- Начальник караула, ко мне!

Подбегает начкар, и Тумка суёт ему конверт. Помдеж опять

что-то бубнит Тумке. Слышно, как он пытается ему объяснить, что конверт по прочтению необходимо уничтожить путем сжигания, что пароль в письменном виде не хранится и на руки никому не выдается. Тумка вроде это понял и забирает конверт из рук начкара. По его лицу заметно, что развод ему уже порядком надоел. Скорчив недовольную мину, он поворачивается к капитану, нетерпеливо и громко спрашивая:

- Всё-о-о?!

- Никак нет, товарищ полковник... - помдеж с надеждой смотрит на Тумку, вроде тот должен сам догадаться, что дальше делать.

- А когда всё?

Помдеж дает инструкции в полный голос, уже не стесняясь нас:

- После осмотра и опроса обязанностей, товарищ полковник!

Тумка расстроено:

- А-а-а, ну чтож, по-о-ошли посмо-о-отрим, по-о-оспрашиваем.

Полковник подходит к нескольким дневальным, те начинают бойко тарараторить свои обязанности, а помдеж, как дурак, ходит за Тумкой хвостом с пистолетом дежурного в руке. Наконец формальный опрос обязанностей закончен, и офицеры возвращаются на своё место перед строем. Помдеж ловит момент и всучивает в Тумкины руки пистолет. Тумка рассеяно смотрит на оружие:

- Спасибо...

Потом с минуту крутит пистолет в руках, похоже опять пребывая в полной нерешительности - разглядывает кобуру и свою портупею, видимо не совсем понимая, как его туда цеплять. Похоже, что с табельным оружием доцент биологии не знаком. Наверное решив, что с этим сложным делом он разберется после развода, полковник пытается засунуть пистолет в карман своей шинели. Пистолет в кобуре туда лезет с трудом. Вдруг Тумка одергивает руку, как будто испугался чего, и нервно спрашивает:

- А заряжено?

Помдеж:

- Э-э-э, должно быть, товарищ полковник...Э-э-э, не знаю, товарищ полковник... Э-э-э, виноват, товарищ полковник, не проверял!

Тумка медленно достаёт пистолет из кобуры, пустая кобура падает вниз и болтается на ремешке, которым пристегнута к

рукоятке. Несколько секунд полковник внимательно разглядывает оружие, видимо ищет предохранитель. Раздается слабый щелчок. Довольный Тумка невозмутимо передёргивает пистолет и .... СТРЕЛЯЕТ в асфальт перед собою! Ба-бах!!!

Наряд и весь народ на Лебедева подпрыгивают от неожиданности. Тумка, видя что развод испорчен окончательно, с досадой машет рукой, зажав в ней тот же пистолет. Курсанты испуганно втягивают головы в плечи. Увидав такую реакцию строя, полковник хмыкает что-то себе под нос, поворачивается и молча уходит в Штаб. Оставшись в одиночестве помдеж облегченно вздыхает и дает наряду "строевым на выход".

Не знаю, сохранилась ли сейчас эта история в устном фольклоре Академии, но все последующие шесть лет когда я учился, об этом разводе знал каждый курсант.

ЦИСТИЦЕРК МОЗГА

Забыли, что это такое? Да и я бы забыл, кабы не этот случай. Если просто - это глиста в башке. Заболевание серьезное, но очень редкое. Мало кто из врачей эту патологию наблюдал, да и те единицы, кому это удавалось, были в основном патологоанатомы.

В общем свой последний наряд я отстоял без приключений. Отстоял и вновь окунулся в учебу. Изучали мы тогда самые базисные предметы и, конечно, ничего о врачебном деле еще не знали. Но как-то раз на Кафедре Медицинской Биологии тот самый полковник Тумка, читая нам лекцию об очередном глисте, упомянул симптоматику цистицеркоза мозга. Упомянул вскользь, типа, детки, вам невропатологию знать еще рано - как подрастете, то на Нервных Болезнях вас всему основательно научат. Получается, что на тот период это были единственные крупицы по-настоящему медицинского знания. А через неделю мы впервые столкнулись с реальной медициной - у нас началась санитарная практика! Дело особых интеллектуальных усилий не требовало: помыть полы, поменять судно и постель у тяжелых больных, ну и как самая ответственная работа - больных на каталках катать, да на носилках таскать.

Был у нас один курсант - Алексей Гапликов. И попало этому курсанту отрабатывать санитарную практику в Клинике

Нейрохирургии. Полы на вверенной территории он помыл, какашки все из-под больных в вверенных палатах вынес, и вроде бы ему делать нечего. А в тот день на кафедре, по какому-то нам неведомому поводу, весь цвет военной нейрохирургии собрался - от начкафа и доцентов, до ведущих специалистов всех крупных госпиталей. И так случилось, что поступил один острый больной, и никто толком определить не может, что с ним. Вроде как инсульт, но со странностями. Собрались вокруг него эти светила, всякие неврологические симптомы проверили, рнтгенконтастом все сосуды в голове нарисовали, пункцию сделали, послали спинномозговую жидкость, да кровь на экспресс-анализ и прочие дела - короче диагностика на уровне высшего пилотажа.

Стоят они у каталки с этим тяжелым случаем и коллективно думу гадают - что же это такое? Тут какой-то молодой адъюнктик с очередной глупостью вылез. Начальник кафедры как зашумит на него - мол наш уважаемый консилиум уже это обсуждал, нечего время тратить, с таким же успехом можно спросить у любого прохожего, да хотя бы вот у этого зелёного курсанта! А Леха Гапликов на беду рядом оказался, по коридору, да над стеночкой мимо хотел прокрасться. А на него пальцем... И тут Лешу какая-то муха укусила. Подходит он к этому неясному больному, ну и те парочку симптомов, что биолог Тумка на своей лекции упомянул, проверяет. Генерал потрепал по-отечески Леху по плечу, мол вот какой молодец - на первом семестре, а уже смотри-ка, решимость демонстрирует!

Леха же, вместо конфуза под недоуменные взгляды корифеев-нейрохирургов, так это бодро и четко заявляет:

- Товарищ генерал-майор, разрешите доложить! У данного больного цистицерк мозга! Докладывал курсант первого курса Алексей Гапликов.

Ну высокие чины ухмыльнулись, похоже они уже лет двадцать, как забыли слово "цистицерк". Генерал с иронией спрашивает:

- Курсант, в двух словах объясните нам, а что это?

А Леха с детской наивностью и отвечает:

- Ну, товарищ генерал, глиста такая... Только вот по-латыни я забыл...

Под общий смех стоящих рядом полковников генерал слегка иронизируя говорит:

- Ладно, курсант, свободны. Как вспомните, тогда нас и просветите!

Прошло дня четыре. Была у нас лекция по Нормальной Анатомии в той аудитории, что рядом с Патаном. Читал лекцию генерал-майор Дыскин. Вдруг в середине лекции появляется в дверях профессор из Патанатомии и Дыскина пальцем подзывает, вроде как на пару слов. Тот подошел на секунду, что-то краткое выслушал, а затем объявляет:

- Курсант Гапликов, пройдите в секционный зал. Там вам начальники кафедр Нейрохирургии и Патанатомии цистицерк мозга показать хотят.

Вот и оказался Лехин диагноз единственно верным. Вскрытие подтвердило. Генералы-профессора его правоту признали. Случайность? Пожалуй да, но только в какой-то степени. Потому что Леха и далее диагност был отменный. Взять хотя бы тот факт, что через двадцать лет преподаватель и учёный Алексей Гапликов свои полковничьи погоны на ТУВе получал (Кафедра Терапии Усовершенствования Врачей). И кстати, был очень известен своим лояльным отношением к курсантам-первогодкам, отрабатывающих у него санитарную практику.

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ РАЗГОВОР

Вообще-то нам с начальниками кафедр везло. Несмотря на свои лампасы и папахи, советская профессура у нас вызывала уважения куда больше, чем страха. Но страха тоже хватало. Вспомнить хотя бы начальника Кафедры Биофизики генерала Самойлова. Этот профессор был очень интеллигентной личностью. За его белую кость и голубую кровь (голубую не в новом, а в стародворянском смысле, так как с ориентацией у Владимир Олегыча все нормально), за предельную вежливость и снисходительное отношение к "маленьким", то есть к курсашкам-первоклашкам, мы его просто почитали. Хоть за глаза и величали Сэмом, но как сейчас принято говорить, дядя был в авторитете. От Сэма никто никогда и ни при каких обстоятельствах грубого слова не слышал, а уж тем более матюка. Я тоже не слышал, но все же один интересный момент припоминается.

После окончания санитарной практики курсанты всё ещё на шугняках - нервы натянуты как рояльные струны. В нашем отделении только один курок подходил к обстановке здраво - Шура Потехин. Был он простой сухумский парень и в простоте своей так освоил главный экзистенциальный принцип бытия "здесь и сейчас", что ему позавидовали бы и ботхисатва, и дедушка Фрейд. Парень расслаблялся где мог, лишнего в голову

не брал и реактивными неврозами не страдал.

Биофизику у нас вел капитан Соловьев. И выпало этому капитану не то приболеть, не то отлучиться. Да такое он неудачное время выбрал, что и некому его подменить. Пришлось аж самому профессору Самойлову к нам явиться, чтоб занятие не сорвалось. Сэм в лабораторию - у всех уровень шугливости моментально возрастает на порядок. У каждого нейрона в мозгах одни сплошные спайк-потенциалы, от страха все ионные каналы во всех клеточных мембранах попробивало. Ну что, вспоминается биофизика? Веселое было времечко...

В тот день был у нас в классе какой-то демонстрационный опыт по ЭМП. Кто забыл, напомню - это так на первом курсе электромагнитное поле обзывали. Давным-давно старик Максвелл в перерывах между запоями нацарапал четыре уравненьица (точнее два, но если долго вглядываться - тогда четыре). Так вот добрую половину первого семестра вся кафедра эти математические выкрутасы в головы будущих врачей вложить пыталась. В основном безуспешно - ведь для врача всё, что выше дважды два, уже высшая математика. Поэтому, чтобы хоть как-то мудреную теорию этого невидимого ЭМП народу наглядно показать, наши медицинские физики делали всякие опыты с электричеством.

В тот день в лаборатории стояла громадная электрокатушка с кучей проводов и клемм. Что конкретно демонстрировалось, я не помню, не то Холл-эффект, не то токи Фуко, не то банальные повороты рамки с током по векторам. Да и вспоминать нечего - это врачам не интересно. Короче куча громоздкого электрического хлама на преподавательском столе, и все контакты открыты.

Заходит Сэм. Поздоровался, поспрашивал, пожурил, покорил и давай новый материал объяснять. Дело доходит до опыта. Врубает агрегат. На столе дым и искры, в лаборатории вонь и треск. Не фурычит. Сразу извиняется, типа зашел к вам по случаю, демонстрационную установку не проверял, так что с опытом будет задержка. Начинает среди проводов копаться. Вроде починил. Опять врубает. Теперь совсем не контачит - в катушке тока нет. Профессор сует руку в контакты, пытается клеммы-"крокодильчики" поправить. Его слегка долбает 220В. Сэм злится, выдергивает вилку из розетки и начинает чинить уже обесточенную установку. Возится довольно долго. Он стоит к нам

спиной и не поворачиваясь громко объявляет:

- Ну наконец! Сейчас я подам ток, и вы всё сразу увидите!

А Шура Потехин расслабился на задней парте и так в полголоса, как бы сам себя спрашивает:

- А не ебанёт?

Профессор Самойлов:

- Да не должно-о-о-э-э-э... Ой, кто это сказал!?

ПЕРЛЫ ИЗ ЛЕКЦИЙ

Вообще-то биофизику мы до головной боли учили, всё тщательно конспектировали. Я на лекциях любил рядышком с одним курсантом сидеть, с Колькой Миляевым. Или просто с Милей. Он очень быстро писать умел, и конспекты у него получались первый сорт - подробные, и что редкость, написанные разборчивым почерком. Я частенько всё запечатлеть не успевал, а потом переписывал из Милиных тетрадок. И заметил я, что втечение лекции Коля иногда тетрадку переворачивает и с другой стороны что-то коротенькое пишет. Оказалось - "Академические Перлы" по каждой науке. В конце предметного курса забавная коллекция получалась! Взять хотябы туже биофизику:

На семинаре у доцента Соловьева:

-- Как вы будете себя чувствовать, если у вас отнять 1% электронов?

-- Положительно.

Или вот:

-- Это число вы уже знаете, это постоянная */e*. Полезно заучить первые несколько знаков... (пишет 2,7. Пауза. Под нарастающий курсантский смех дописывает 2,718281828459045...) Ну а дальше никто не помнит. А запомнить то легко! 2,7 знают все, 1828 - год рождения Толстого - его два раза; ну еще 45, год Победы над фашистской Германией, и это два раза - будет 90; затем снова 45... *(Проф. Самойлов)*

-- Доктора, я хочу вас математизировать! Это просто приятная функция, а это - функция, приятнейшая во всех отношениях. Поэтому решать такое уравнение будет сплошное удовольствие. Смотрите! Сейчас на нас будут вываливаться корни... Так-так, один интеграл конечен, а другой - бесконечен. Видите, какая чушь! Если знак альфа не очень велик... Чего-то я его слишком большим написал... А здесь интеграл убивает дифференциал. Понятно? Ну и галиматья! Вообще-то эти функции совершенно аналогичны, только не полностью.

Доказательство заключается в том, что вот здесь мы стираем звездочку... Получается, что мы не совсем доказали, зато всю теорему. Я уже смотрю на часы, так что преобразовать ЭТО можете сами. Лекция закончена. Курс, встать! *(Из монолога того же профессора - не укладывается по времени и торопится)*

Как и положено, всякая военная книжка должна иметь "Приложения". Наша не исключение - кому интересно, там в конце и смотрите остальные "Академические Перлы" по соответствующим разделам.

ПРОЛЁТ ЖОПЫ

Вот и закончился первый семестр, подошла сессия. Первые экзамены - ох и страшно! Ну кто не помнит свою собственную персональную ритуализацию страха перед экзаменом? Особенно, если учишься ответственно и рассматриваешь каждую оценку на сессии, как некую ступенечку к чему-то бОльшему, называемому "будущим", "карьерой", "успехом" и т.д. В советское время, когда финансовые возможности граждан были более-менее равными, такая "мелочь" как хороший диплом играла весьма важную роль. Соответственно и страх перед сессией был на порядок выше.

Давайте чуть вспомним психологию - страх, это топливо процесса вытеснения, то бишь забывания травмирующего момента. А если "травмирующий момент" есть предстоящий экзамен? Трояк - и прощай мечта о красном дипломе! Ну как такое "вытеснить"? Значит нет полноценного невроза, но реакция уже вполне невротическая - надо этот страх ритуализировать. На индивидуальном уровне просто - кто-то глотает ноотропил с полививитаминами и сиднокарбом (типа от таблеток хочет умным стать на уровне нейрохимии), кто-то концентрацию трентала с аспирином в крови всю сессию поддерживает (и такие уникумы были - мозговой кровоток улучшали), кто-то медный пятак в носок под левую пятку подкладывает, ну а кто-то просто за день до экзамена в Лавру или какой-другой собор идет полтинную свечу перед иконой Миколы Угодника-Чудотворца ставить (дает церкви 50 копеек будучи 100%-ным атеистом). Да разве всё перечислишь? При этом любой коллективный культовый ритуал освобождает от щемящей тревожности куда эффективней! Вот и родилась традиция.

Первое упоминание о "Жопе" относят еще ко временам Императорской Медико-Хирургической Академии 19-го века.

Якобы перед экзаменом по Нормальной Анатомии их высокблагородия завели привычку до полуночи оставаться в анатомическом театре (чёрт, во какое солидное было название для наших трупопотрошилок). Там стояли здоровые напольные часы с боем. Персонал Кафедры и профессура давно по домам спят, во всем Морфологическом Корпусе только пьяные сторожа и дрожащие перед экзаменом слушатели. Ну и трупы, разумеется, но этим вроде как всё равно. Так вот на двенадцатом ударе кафедральных часов все дворянско-аристократские сынки разом забывали своё благородное происхождение, приличное воспитание и культурные манеры и во всю глотку орали: "Жооо-паааа!!!". Этот коллективный вопль, от которого проезжающие мимо извозчики пускали лошадей в галоп и быстро крестились, якобы гарантировал успешный экзамен на завтра. Точнее уже на сегодня, так как с "Жопы" этот трудный денёк и начинался. При этом естественно понималось, что за великим категорийным метафизическим понятием стоит сам предмет Нормальной Анатомии. Ну а экзамен по этому предмету, сами знаете - жопа.

Что было с "Жопой" в Октябрьскую Революцию и довоенные годы я не знаю и врать не буду. Тема открыта и всё ещё ждёт своего исследователя в области Истории Военной Медицины. Взялся бы кто, хотя бы на уровне курсантских тезисов для ежегодной конференции.

Доподлинно известно из абсолютно надежных источников, что "Жопа" расцвела в 1950-х, а создание Третьего Авиационного Факультета трансформировало просто "Жопу" в "Пролёт Жопы". Золотым периодом "Пролёта Жопы" безусловно являются 60-е годы 20-го века. В начале 80-х в бытность рядового курсанта, мне выпало наслушаться занимательнейших свидетельств очевидцев в генеральских лампасах и полковничьих погонах, когда старпёры предыдущих поколений съезжались в родную Академию на "четвертак после выпуска". В 70-х годах случилось одно событие, заметно ослабившее традицию. Было построено отдельное здание общежития Второго Факультета и произошло отселение краснопогонников из "Пентагона" - здоровущей общаги, по форме напоминающей знаменитый американский военный департамент. "Пролёт Жопы" требовал массовости, и географическая разбивка мероприятия пагубно сказалась на его маштабности. С этой поры отблески былой "Жопы" по-настоящему можно было наблюдать только во внутреннем дворе "Пентагона", где были задействованы силы Третьего и Четвертого факультетов - летчиков и моряков. У сухопутчиков зрелище было намного тусклее, хотя для

неподготовленного тоже выглядело достаточно грандиозным.

В отличие от остальных краснопогонников, первый курс Второго Факультета всё ещё обитал в "Пентагоне". Вход туда был отдельный, но окна казармы выходили на внутренний двор, поэтому я мог своими глазами наблюдать настоящий ритуал "Пролёта Жопы" зимой на своей самой первой сессии. Правда первокашки в этом ритуале мало участвовали - эта академическая святыня всецело была посвящена вторым курсам.

Зимняя сессия на втором курсе самая короткая, но весьма тяжёлая - так называемый "Кирпич". "Кирпичом" именовалось очень неблагоприятное сочетание двух наук - Нормальной Анатомии и Гистологии, науки о тканях. Если "Кирпич" выпадал в виде двух простых занятий в один день, то можно было не сомневаться, что на одно из них придешь неподготовленным. Выучить одновременно Гисту и Анатомию было крайне трудно. Ну а в сессию деваться некуда - "Кирпич" сдавали все. И все через "Жопу", хотя некоторым всё равно на экзамене была жопа.

Так вот, перед первым экзаменом "Кирпича" тайком для ритуала "Жопы" оповещался всякий слушатель Академии вне зависимости от курса. Даже если ты шестикурсник, давным-давно забывший анатомию, отказаться от поддержки вторых курсов, кому это удовольствие только грозило, считалось опасным западло. На астральном и трансцендентальном уровнях всякие боги, архетипы и эгрегорные силы такого негодяя-отказника наверняка должны были страшно покарать - ну хоть на Госах засыпать или распределить на Новую Землю. Народ боялся, и поэтому в первой части ритуала участвовали все. Массовость делало мероприятие безопасным - ни один патруль или там дежурный по Академии ничего не могут сделать. Ритуал считался настолько священным, что для короткого сакрального участия в нём на факультеты приезжали все женатики и ленинградцы, живущие дома.

В те давние советские времена обязательным пунктом массового агитпропа было наличие проволочного радио в любом жилом помещении. Казармы были исключением лишь в том смысле, что там было несколько радио на одно помещение. Советский день начинался и заканчивался на протяжении десятилетий на удивление одинаково для всех жителей СССР. Утром и в полночь радио начинало звенеть боем Кремлевских Курантов. Прозвенев с полминуты, без шести секунд шесть утра и

без двенадцати секунд двенадцать ночи Куранты переходили на единичный бой какого-то здорового колокола с точным секундным интервалом. Шестой удар утром и двенадцатый вечером означали начало и конец каждого дня. После последнего удара начинался Гимн Советского Союза, а после гимна - или мёртвая ночная тишина, или наоборот, утренняя радиопередача.

В назначенную полночь надо было содрать наклеенную бумагу с оконных щелей и широко открыть окно. Затем надо было врубить радио на всю громкость. Когда Кремлевские Куранты начинали свою мелодичную заставку надо было орать, что есть мочи через раскрытое окно в зимнюю ночь. Все зависело от того какой экзамен надо было сдавать. Например мы, первокурсники, орали "химия - жопа", а шестикурсники, что "ОТМС или там инфекционные болезни - жопа". ОТМС это организация и тактика медицинской службы. Мы-то еще и слов таких не знали, но кричали вместе со всеми. Крик должен был быть личным, насущным и исходить из души, хоть и через голосовые связки. Громкость крика должна была быть максимальной, а переход в истошный визг, срыв на фальцет или иные тембро-частотные вариации были крайне желательны.

Но вот после колокольной заставки Куранты начинают свой секундный бой. На каждый удар необходимо было скандировать одно лишь слово: "Жо-па!!!" Когда пара тысяч глоток в тихую морозную полночь заснувшего Ленинграда орут "Жопа", то зрелище и слышище почище парада Победы. Пробит последний, двенадцатый удар и раздаётся первый аккорд Советского Гимна. В этот момент все орут одну короткую фразу: "Жопа пролетела!", после чего надо вырубить свет и стать по стойке смирно. Наиболее суеверные накрывали голову подушкой, чтобы пролетающая в ночи страшная Жопа их не зацепила. Во внезапно наступившей тишине гордо звучит Гимн Советского Союза. По окончании гимна ритуал считался законченным, можно было включать свет и продолжать подготовку к экзаменам. На следующий день добрая четверть курсантов отвечала на экзаменах заметно охрипшими голосами.

Для второкурсников же ритуал имел продолжение, и эту часть "Пролёта Жопы" уже по-праву можно назвать настоящим праздником. Все остальные являлись только зрителями, хотя и простое наблюдение было занятием небезопасным для здоровья - можно было запросто получить черепно-мозговую травму. После сдачи "Кирпича", вторые курсы дружно выходили подкупить

спиртных напитков. Эта часть программы была не просто обыденным обмыванием последнего экзамена, а непременным условием второго акта "Пролетевшей Жопы". Сразу после всяких обязательных построений необходимо было начинать бухать. В этот особый день предпочтение отдавалось не водке и коньяку, а как ни странно сухим винам и пиву. Делалось это по одной простой причине - необходимо было к полуночи собрать как можно больше пустых бутылок для "Вечернего Звона".

Как только Куранты начинали бить свой перезвон, второкурсники открывали окна и во всю глотку орали кто во что горазд что-нибудь морфологическое или курсантско-медицинское. Например можно было в пафосном и алкогольном угарах декламировать стишок: "Как на Lamina cribrosa поселился Crista galle, перед ним Foramen caecum, сзади Os sphenoidale!", или "Lingua latina non Penis canina!", или "Musculus sternocleidomastoideus", "Ligamentum calcanooccipitalis, Nervus linguavaginalis" и т.д. Популярны были и лозунги типа "Анатомию сдали - можем влюбиться, Фарму сдадим - сможем жениться!", "Три года - крематорий. Три года - санаторий. Ура! Экватор крематория!!!" и тому подобные мудрые изречения. Но вот Куранты начинают бой по секундам. На каждую секунду необходимо было в окно выбрасывать пустые бутылки. Бутылки падали и громко разбивались об асфальт под окнами. Этот замечательный эффект и назывался "Вечерним Звоном". И именно "Вечерний Звон" мог быть череповат травмой головы стороннего наблюдателя.

Но вот и отгремели двенадцать салютных залпов. И тут начиналось самое страшное - "Казнь Черепа", "Похороны Тонкова", и "Обсыкание Синельникова". Нам на каждое отделение в обязаловку надо было за курс Анатомии общипать три мацерированных в щёлоке человечьих головы под черепА. После этого любому можно было взять себе одну "вареную" голову и сделать череп уже в личную собственность. А что, дело проще пареной репы - требуется только анатомический пинцет для щипки, да кусок проволоки, чтобы мозги выскребать, плюс терпение, и страшная вареная человеческая голова с отстающими ошмётками превращается в красивый, блестящий, чистый череп. Так вот на курс (а иногда и на взвод) делался Жертвенный Череп. Лицо, схватившее "банан" по Анатомии, или же наоборот, умник, схвативший "автомат" по сей науке назначалось в верховные жрецы. Задачей жреца было шмякнуть осточертевший череп об асфальт перед входом на Факультет, ну а остальным оставалось

только дробить в крошку осколки кованными каблуками. Такое вот культовое служение в виде проявления прямой агрессии к сидящему в печёнках объекту.

"Похороны Тонкова" состояли в том, что изыскивался старый учебник по Нормальной Анатомии под редакцией Тонкова. На каждом курсе находилось с десяток таких учебников - из-за ветхости их отказывались принимать назад в библиотеку. Это было западло, так как приходилось платить тройную цену в виде штрафа. Так вот эту старую макулатуру надо было хором закопать в сугробах внутреннего двора. Профессор Тонков был родом из Кафедры Нормальной Анатомии ВМА, поэтому на его похоронах вольности и оскорбления не допускались.

А с трёхтомным "Атласом Человеческого Тела", под редакцией Синельникова дело обстояло несколько сложнее. Не только потому, что профессор Синельников не "академик", и соответственно любое глумление над ним приемлемо, но и дело в том, что "синельниковы" были сравнительно новые. Если не удавалось найти экземпляры, пригодные для жертвоприношения, то тогда перед экзекуцией эти здоровенные книги завёртывались в полиэтиленовые мешки, а после казни извлекались оттуда и неслись в библиотеку. Хотя настоящих ценителей "Пролетевшей Жопы" такой вариант не устраивал - в реале "Синельников" должен быть насквозь пропитан мочёй и превратиться в жёлтую глыбу льда, которую утром наряд брезгливо выкинет на помойку. Но судя по тому, что многие атласы имели характерный запах, многоразово-челночный вариант Shuttle-Sinelnikoff практиковался весьма часто.

Итак отгремел последний залп "Вечернего Звона". Толпа второкурсников с победным кличем "Жопа пролетела!!!" вываливается из дверей Факультета. Клич уже означает не летящую над головой страшную жопу, а жопу уже не опасную - благополучно пролетевшую. Форма одежды каждого курсанта строго символична и традиционно регламентирована. Молодые люди одеты в сапоги или морские прогары (портянки и носки допускаются) и белую простынь, символизирующую мертвецкий саван и трупную накидку. Больше ничего одевать нельзя. Анатомия - это наука красоты нагого тела. Вот нагота участников и символизирует надоевшие до рвоты трупы. Мороз крепок, поэтому действия голых курсантов весьма быстры. Мгновенно крошится череп с победным криком "жопа пролетела", затем с тем же криком погребаются "тонковы", а "синельниковы" пока просто

бросаются на снег. Затем толпа, скандируя вечное "жопа пролетела", оббегает по периметру внутренний двор "Пентагона" от одного до трёх раз (зависит от стойкости каждого участника и крепости мороза в эту ночь). Пробежав круги голому на морозе, да ещё после пива и вина, очень хочется писать (гиперволюмарная и холодовая стимуляция диуреза), тут все и мочатся на надоевшего "Синельникова". При этом деяние совершается под величественные звуки Гимна Советского Союза, льющегося из раскрытых окон. Всё, ритуал окончен. Все забегают на курс догуливать или спать - завтра начинается зимний отпуск. "Кирпич" сдан, жопа пролетела, можно ехать домой.

В современной России крепчает строительство капитализма. Мир капитала, как известно из социальной психологии, усиливает индивидуалистические тенденции в развитии каждой личности. Исходя из этих посылок, можно предположить, что побуждающий мотив для столь ярко выраженного ритуала сублимации коллективного эго будет слабеть. Традиция может претерпеть существенные изменения, а то и просто погибнуть, как нежизнеспособный в сегодняшней действительности реликт.

Но как бы там ни было: ЖО-ПА! ЖО-ПА! ЖО-ПА! ЖОПА ПРОЛЕТЕЛА!!!

ЛЕНИН С АНТИМАТЕРИЕЙ

Прямо напротив нашего Штаба в добрые советские времена находился винно-водочный магазин, всего-то улицу перейти - ровно 43 шага, если от ворот до дверей. Так как эти два заведения являли собой (философски) диалектические противоположности, то этот магазин получил у нас название "Антимир". Ну а водку, которую там продавали, само собой окрестили "антиматерией". Всем хорош был этот магазин, за исключением одного факта - очередь в ликёро-водочном отделе всегда наполовину состояла из офицеров медицинской службы.

Первый семестр закончился, мигом пролетел и первый зимний отпуск. Вот уж и второй семестр на дворе. Предметов разных добавилось, мы уже некоторые медицинские слова понимать научились. Доучились мы до середины семестра. А 22-го апреля, как тогда было всем известно (как сейчас - не знаю) День Рождения Дедушки Ленина. Академия в этот день не училась - проводилась конференция ВНОС (было тогда такое

полезное общество - Военно-Научное Общество Слушателей, а может и до сих пор существует, пардон, опять не знаю). И был тогда такой весёлый предмет с двумя экзаменами и итоговой оценкой - История Партии назывался. Так вот, к этому самому 22-му апреля, кафедра Истории Партии устраивала нам, курсантам-первоклашкам, такой праздник, что лошадям свадьбу - чтоб были все в цветах, а морды в мыле! И был на этой Истории КПСС главный дядька - специалист политико-воспитательной работы полковник Гудков - ну самый страшный из общественников-философов, да ещё и солдафон порядочный.

Назначил нам этот Гудков на 21-е апреля праздничный супер-семинар в Ленинской Комнате нашего общежития. Понятно, Ленинскую Комнату убрали как следует - вся в кумаче, в лозунгах, а между ними боевые листки и стенгазеты наш патриотизм показывают. Как во всякой порядочной Ленинской Комнате centerpiece - гипсовый бюст Вождя на красной тумбе. Мы купили цветов, Вождя украсили, лысину ему от пыли протёрли - порядок! А чтоб кто ненароком натюрморт не попортил, то Вождя отнесли в конец помещения и поставили за партами - ну как в Президиуме Верховного Совета СССР, кто помнит.

Сидим мы с Колей вечером 20-го апреля в курилке и рассуждаем, как бы лучше халявный день провести. Ну там конспекты Маркса-Энгельса с Лениным по-коммунистически "законспектированы" за час и на год вперёд - куплены за червонец у второго курса, подписи преподов сведены, обложки и титульные листы переклеены. К семинару готовиться - что воду в решете носить, что Гудкову стукнет, то и поставит, он больше правильность мысли любил и ещё, чтоб отвечали убеждённо, так чтоб кулаком себя в грудь. И решили мы, что самое время водки выпить - уроков то делать не надо. Водку на первом курсе мы пили без комфорта, в туалете после отбоя, когда сержанты и старшина уже спят, ну и если дневальные надёжные насчет "стука". В питейное время дневалил Сив, курсант Сивохин, парень свой, проверенный, к тому же потенциальный участник мероприятия. Один риск оставался - к нему "на тумбочку" со стаканом бегать. А службу мы на первом курсе несли ответственно - хоть даже выпьем, но пост не оставим!

Послали мы Колю Миляева в "Антимир" за антиматерией. Он мужик ушлый, выбрал момент, когда очередь цивильная была - ну, в смысле из гражданских людей. Подходит к прилавку, платит, отоваривается, начинает засовывать антиматерию в

портфель. И тут, как назло, подваливает какой-то кэп с Первого Факультета. Коля, ясное дело, ноги в руки и бегом на выход шагом марш. Но чинно так, всё как надо по уставу, даже честь капитану отдать успел. А капитан тот с гнильцой оказался. О курсанте же вся информация на форме написана - сам зелёный, погон красный, змейки в петлице, на рукаве жёлтая нашивка - гордый "минус", первый курс. Посмотрела та гнида в справочник телефонов Академии, звонит начальнику курса и докладывает ситацию. Слава Богу, хоть сам на опознание перед строем не припёрся, что частенько случалось в то тяжёлое время.

Шеф наш, майор Коклюшин, как Зевс на Олимпе гром и молнии мечет, велит старшине курса водку найти, изъять, виновных наказать. Весь вечер Сашка-Абаж, он же Апулаз, старшина в смысле, шмон делал, всё перерыл, много чего интересного у курков нашёл - одной гражданки, хоть магазин открывай, а водки нету. Он уже Шерлока Холмса переплюнул, и в толчки лазил, и плафоны вскрывал, и огнетушители тряс, и чердак осмотрел, и кусты перед входом на предмет свежевскопанной земли, ну нигде нет! Нет водки. Сашка злой, приказ не выполнен - ни водки, ни виновников.

Утром следующего дня после завтрака возвращается к девяти ноль-ноль наш многострадальный Первый Десантный Взвод на курс. Входят все в Ленинскую Комнату аки агнцы на заклание. Рассаживаемся, у всех уже вместо крови чистый адреналин в венах - злого Деда Гудка ждём. А этот политический гуру что-то задерживается, что вообще для Гудка нетипично было, уж очень он военный полковник был. Наконец появляется. Запыхавшийся и красный, вроде как кросс на три кэмэ сдавал. И ещё здоровенный портфель тащит. Ну мы, конечно, думаем: наверное полное собрание сочинений В.И. Ленина с собой принёс, все 53 тома, да ещё и 4 тома "Капитала" Маркса сверху.

Ну Гудок как на убранство нашей славной Ленинской Комнаты посмотрел - и в ярость. Глаза как у быка на корриде выпучил и орёт: "Товарррищщщи курррсанты! Это что за безобразие! Это кто до такого додумался! Как вы смели! Завтра такой великий день! Для всего прогрессивного человечества! День Рождения гения! Весь мир как один! А вы! Никакой политической сознательности! Кто Ленина сзади поставил?!"

Командир нашего взвода, прапорщик ЧудЫк Василь Петрович, или попросту Вася ЧудАк, чуть тут не обосрался. Это

же надо так оплошать - семинар не начался, а Гудка уже завели. Ну Чудак заикаясь пытается ситуёвину поправить: "Сс-сейчас ввв-ппперёд переместим. Чтобы все видели! Задний ряд встать! Быстро бюст на перёд!" Вообще Васька Чудак неплохой мужик был, простой как валенок, но за нашего брата всегда заступался, что средь кусков редко случалось. Ну и мы его старались не подводить, по возможности конечно.

Ребятки тумбу под Лениным со всех сторон облепили, нежно подняли и на перёд понесли, да бережно так, как неразорвавшуюся бомбу. Не хотят, чтоб цветы посыпались, и чтоб Гудок ещё сильнее разошёлся. А Гудок свой портфель открыл, достал оттуда учебник по своей долбанной партейной истории, журнал, ручку, а сам портфель не закрыл, а просто прикрыл и возле своего стола поставил. Потом из-за стола вышел и между рядами ходит, патриотические лозунги выкрикивает. Ребята Ленина по другому ряду несут, не там где полковник Гудков, а там, где его портфель. Уже из поля зрения Гудка вышли, как один курсант, что задом наперёд шёл, через грёбанный Гудков портфель спотыкается. Ленин опасно кренится, и его тут же подхватывает куча рук, но тумбу то они бросили. И тут с тумбы вылетает бутылка водки и хрясь на пол вдребезги. Всем, кроме Гудка, видно, что она просто стояла на тумбе под пустым изнутри гипсовым бюстом.

Гудок замолкает на полуслове, вздрагивает и почему-то втягивает голову в плечи. Будто это он уронил. Несколько секунд тишины, как на минуте молчания. По всей Ленинской Комнате шмонит водярой. Затем Гудок медленно поворачивается, а все вытягиваются со своих мест, чтобы лучше рассмотреть место происшествия. На полу в луже лежит раскрытый портфель полковника Гудкова, рядом осколки стекла и ТРИ бутылки водки. Из портфеля выкатились. Но похоже не все. Похоже в портфеле ещё как минимум столько же осталось. Портфель теперь сдутый и формы проступают чётче. Видно Гудок их своей идеологической макулатурой перекладывал, чтоб не звенели. И ещё видно, что вояки общественных наук отмечают День Рождения Вождя, как свой собственный. И наконец совсем видно, что Гудков думает, что это ЕГО водку разбили. И видно, что Гудку такой неудобняк, что его, такого правильного, на разлагающем примере столько рыл засветило.

Гудок (тихо): "Убрать надо бы..."
Чудык: "Есть убрать, товарищ полковник!"

Семинар прошёл, как по маслу. Никогда Гудок таким смирным не был. Вася Чудык, правда потом нам морали читал. Всем вместе для профилактики, но конкретных виновных даже искать не пытался. Хороший был прапор.

КУРАГА

Все знают, что это такое - сушёные абрикосы. Калия много, можно больным-сердечникам давать. Да и просто так штука вкусная.

Пролетели последние апрельские дни, вот и май за окном. Возле Морфологического Корпуса какие-то кусты жёлтым цветут. Природа проснулась и зовёт на подвиги. А нам надо учить анатомию. На подвиги ещё не хочется, а спланхи (спланхнологию, науку о человеческих внутренностях) учить уже не хочется, зато постоянно хочется жрать. Не то, что бы нас мало кормили, но как-то выходило, что через час по выходу из столовой наши изнеженные организмы требовали пищи. Желательно не из той же курсантской столовой. Раем казался килограмм еды. Любой еды со стороны. Ну что, вспомнили status presens первого курса?

Перерыв на занятии по анатомии. Потрошили подсохших заформалининых трупаков. Кожа на них уже золотисто-коричневого цвета. Запах не беспокоит, к тому же воняет в основном формалин. Страх перед мертвечиной и брезгливость прошли полгода назад. Перчатки одни на отделение, да и на фиг они нужны - в них уже трупного жира, что снаружи, что внутри. Старший лейтенант медицинской службы, молоденький наш препод, Гайворонский вышел первым и в коридоре не топчется - значит можно руки не мыть, не корчить из себя утончённых интеллигентов.

Было у нас во взводе два кадета-суворовца - Кривенков и Толкачёв. Разные Суворовские Училища они закончили, но кадетская юность их крепко связывала. Так вот с того момента стал Крив врагом Толкачёву:

У окна стоит Толкачёв и ест курагу. Нет, не ест - жрёт! По несколько штук в рот пихает. И глотает как анаконда. Боится, что сейчас просить начнём. Да видим мы, с какой скоростью ты абрикоски аннигилируешь! Не будем просить. Крив его друг, ему не западло. Он подходит и становится плечом к плечу. Толкачёв

усиливает темп. Уже поглощает питательное вещество, как чёрная дыра в центре преморбиальной галлактики. В руках осталось всего две кураги.

Крив: "Угости!"
Толкачёв: "Закрой глаза, открой рот".

Тот делает, как сказано. Толкачёв суёт ему в рот бОльшую курагу, из тех, что в руках. Крив со смаком сжимает челюсти. Потом открывает глаза. Глаза округляются, зрачки расширяются. Выплёвывает курагу на ладонь. На ладони лежит мумифицированное трупное ухо. Все ржут. Крив бежит к крану полоскать рот.

Через пару лет прислали мне из дому урюк. Это тоже сушённый абрикос, только мелкий и с косточкой. Сели мы перекусить перед отбоем. Случайно в комнату забегает Крив. "Крив, будешь урюк?" К горлу Крива подкатывается комок. Видно, что парень борется с рвотным рефлексом. Позыв на рвоту побеждает. Крив выскакивает в коридор и там блюёт фонтаном. Мы мудро заключаем: "Ага, ситуационная фиксация!"

ЖЕВАТЕЛЬНАЯ ИЛИ МИМИЧЕСКАЯ?

Вот и маю конец. Подходит зачетная неделя - страшная страда перед летней сессией. Зачеты по анатомии своему преподавателю редко кто сдавал, такое на кафедре считали дурным тоном. Нашему отделению выпадает сдавать зачёт профессору Льву. Лев, это не кличка, это настоящая полковничья фамилия, которую тот вполне оправдывал, хотя и был известный шутник.

Мышцы лица делятся на жевательные (ими, понятно, жуют) и мимические (ими, понятно, мимику выражают, рожи строят). Что такое большая ягодичная мышца (Musculus gluteus maximus) тоже знает каждый. В интеллигентной среде это называется ягодицей, а в просторечье просто жопой. Анатомически эти образования и понятия вроде никак не связаны. Так вот частенько профессор Лев в подходящих ситуациях совершенно серьёзно задавал опрашиваемому курсанту такой глупый вопрос: "Товарищ курсант! Скажите, милейший, Musculus gluteus maximus к какой группе мышц относится? К жевательным или мимическим?"

Ну 99% курсантов этот прикол знало и с улыбкой

объясняли, что такого быть не может. Но были уникумы. Например, у "пеликанов" (курс годом старше моего) один грамотей сказал, что это жевательная мышца. Тогда профессор Лев достал из портфеля шоколадку и предложил её этому незадачливому анатому со словами: "Ставлю вам пять, если вы мне продемонстрируете участие большой ягодичной мышцы в акте жевания".

На нашем же курсе курсант Аслан Бахтадзе заявил, что это мимическая мышца. Профессора Льва такой ответ совсем не смутил: "Бахтадзе, сразу ставлю вам пятёрку, как только вы мне этой мышцей улыбнётесь. Даю неделю на тренировку вашей низовой театральной мимики. Через семь дней в это же время в этот же класс заходите с большой ягодичной улыбкой. Ну а если не получится - тогда попробуете просто пересдать зачёт".

ДЛИНА ДВЕНАДЦАТИПЕРСТНОЙ КИШКИ

Зачёт по мышцам сдан, остались всё те же спланхи. Любому нормальному курсанту, более-менее прилежно изучавшему анатомию, такой вопрос кажется сущей халявой - чего тут думать, двенадцать перст по-старинному, ну а один перст около двух сантиметров, или что-то около (прижмите палец к линейке). Значит элементарно глупый вопрос - такую длину высчитать проблем нет. Но всегда найдутся уникумы, которые на зубок зная талямо-лимбическую и стрио-паллидарную системы мозга или еще что-нибудь более мудреное, в таких простых вещах теряются.

И этот факт тоже был любимым коньком профессора Льва на зачётах, не говоря уж об экзамене. Казалось об этом козырном вопросе знали все поколения курков с самого первого занятия. Парадокс, но несколько раз в году в эту ловушку попадало от одного до пяти незадачливых "счастливцев". На моих глазах это случилось с нашим Васькой-Чудаком. Учился он весьма прилично, но как говорится, и на старуху бывает поруха:

Идёт зачет по кишкам и прочей требухе. Вась Петрович уверенно отвечает на все вопросы. Всем присутствующим ясно, что зачёт успешно сдан. Бодро декламируются последние факты о строении ТОНКОГО кишечника (его длина 6-8 метров). Профессор Лев изображает крайне участливую физиономию и как бы не расслышав переспрашивает: "Товарищ Чудык, так какова по-вашему длина ДВЕНАДЦАТИПЕРСТНОЙ кишки?"

Ясно, что мысли нашего взводного летают совсем не в той области, и он уверенно повторяет только что сказанное: "6-8 метров, товарищ профессор!"

Лев, как будто ничего не произошло: "Подойдите к трупу".

Довольный Васька подходит.

Лев: "Так, теперь от трупа строевым шагом отмерьте мне приблизительно эту длину, ну хотя бы по направлению к двери."

Прапор, всё ещё ничего не подозревая, начинает грюкать восемь строевых шагов. Подходит почти вплотную к двери. Лев улыбаясь смотрит на него и с лёгкой иронией дает команду: "Один шаг вперёд, дверь открыть!"

Васька выполняет и оказывается в коридоре на пороге анатомички спиной к профессору. Профессор Лев берет за уголок его зачетку и как ниндзя швыряет ее Чудыку между лопаток. Оторопевший Васька растеряно оборачивается.

Лев: "Зачёт вы с позором провалили. Длина двенадцатиперстной кишки равна ширине двенадцати пальцев, то есть сантиметров тридцать в максимуме. Очень простой был вопрос! Вам придётся пересдавать".

ПОБЕГАЙТЕ!

Уж если зашел разговор о прапорщиках и швырянии зачеток, то эту историю не обойти. После "требухи" у нас зачёт по Гисте был, ну это так Гистологию сокращенно называют. Наука такая, где разные ткани да клеточки под мелкоскопом смотреть надо. Наверное мадам Хилову, этого доцента-гистолога, наследную дочку великого профессора Хилова, "изобретателя" уникальной схемы гистогенеза (может и "великого" надо было взять в кавычки, уж несколько нестандартным его учение было) помнить будут многие поколения курсантов. И есть за что. Ну то, что она тётка была очень умная и Гисту знала в совершенстве - факт бесспорный. Но за одно это народной любви не получишь. А вот то, что личностью она была незаурядной, хотя и с большой долей всевозрастающей год от года стервозности, здорово ее выделяло от остальных преподов. Хилова в пантеоне лиц Академии стояла особняком десятилетиями. Я не профессиональный биограф-хилововед, но ее исключительность могу подтвердить хотя бы эпизодом, происшедшим пару дней спустя.

С нами учился еще один прапорщик, Тумаев или Тума по-нашему. Был он весьма неглупым, что для прапоров в общем-то не характерно. И в довершение ко всему Тума был отличный спортсмен. Мастер спорта по лыжам и биатлону, он постоянно выступал на соревнованиях. Да и вся остальная физкультура, кроме шахмат, прогибалась под его мышцами между первым разрядом и мастером спорта. Мужик был очень высокий, сложения правильного, атлетического, размер ноги этак 46 или более. Короче моложавые преподаватели (-льнецы) женского пола на Туму посматривали с интересом, что последнему порой выходило плюсом в оценках. Но не у Хиловой - это ещё тот синий чулок.

Приходит Тума на зачет по Гистологии. Один вопрос ответил более-менее, на втором поплыл. Ну доцент решила "помочь" - подкинула с полдесятка дополнительных вопросов. Результат тот же: 50 на 50. Хилова сквозь свои очки на Туму уставилась, как Наполеон в трубу под Ватерлоо, и с издевочкой

спрашивает: "Красавец прапорщик, уважаемый Тумаев! Объясните мне, как такое возможно, что вы довольно прилично знаете первую половину пройденного материала и совершенно не владеете тем, что изучалось после?"

Ну Тума, как все крупногабаритные силачи, был в чем-то мужиком простым и до наивности честным. Вот он своим громогласным басом ей и отвечает: "Товарищ Доцент! Первую половину я учил как все, а вот на второй половине началась полоса соревнований - то бег, то кросс, то эстафета, то лёгкая атлетика, а как снег лежал, то вообще подумать страшно - биатлон и лыжи без перерыва. На беду свою спортсмен я - выступаю и за Академию, и за Ленинградский гарнизон, и за сам округ. Вы меня простите, но как военный человек, я под приказом - отказаться не могу. А это время... время, которое должно бы потратится на гистологию..."

Честно всё Тума сказал. За такую речь любой обычный доцент сразу один балл добавляет. Но Хилова это не обычный доцент - это Хилова: "Хм-м-м, прапорщик. Так вы бегать любите? Так побегайте!"

С этими словами Хилова подходит к окну и в открытую форточку выбрасывает зачетку Тумаева во двор Морфологического Корпуса.

И вы думаете, что Тумаевский случай нечто особенное? Ничуть не бывало! Это была её старая привычка. У нас же она выкинула зачётку одного фехтовальщика, и доподлинно известно, что у "пеликанов" она точно такое же действо совершила с каким-то чемпионом-гиревиком, а уж у "дебилов" (два года разницы с нами) выкинула аж четыре зачетки. Ходили слухи, что слава о её неординарных выходках в отношении курсантов-спортсменов разлетелась по многим советским ВУЗам. Потом добренькие доцентики кучу спортсменских зачеток в окна повыкидывали, подражая нашей незабвенной Хиловой. На такие изобретения патент не требуется и копирайт никто не соблюдает. Однако есть весьма веские основания полагать, что доцент Хилова была первооткрывателем этого славного почина. А дальше что, дурное дело - заразное!

ОЧАГОВАЯ РЫБАЛКА

Сдали мы последние злючие зачёты, но перед летней

сессией нас ожидало еще одно интересное мероприятие под названием "Очаг". "Очаг" - это зона ядерного, химического и бактериологического заражения. Только понарошку. Ежегодные учения такие. Завезли нас, первокурсников, в Красное Село - ходить в атаку с "Бэтээрами", да изображать из себя убитых и раненных, после того как над нами ядерная бомба взорвется.

И попало нашему отделению идти помогать эту ядерную бомбу делать. Интересно сооружать собственными руками собственное завтра - завтра эта бомба нас убить-поразить должна. Тогда бомбу делали основательно: из досок сооружался весьма крепенький высокий настил-эшафот, на нем строилась из бочек с соляркой некое подобие египетской пирамиды (если не Хеопса, то уж Рамзеса точно), а в каждую бочку опускался взрыватель с небольшой толовой шашкой в полиэтиленовом пакете. На следующий день над этим местом пролетал самолет и бросал макет ядерного фугаса на парашюте. Макет падал на землю недалеко от места "бомбы", и в этот момент подрывалась установка. Громадный гриб пламени и здоровое черно-оранжевое облако характерной формы давали хорошую иллюзию ядерного взрыва. Мы все падали на траву, и начиналась показушная работа военных медиков по этапам эвакуации и ликвидации последствий очага поражения.

Так вот, за день до Апокалипсиса-Армагеддона работаем мы спокойненько, катаем себе бочки, и тут видим как два прапора-подрывника на пару с капитаном-сапером решили одну бочку умыкнуть. Выбрали ту, что поновее да без вмятин, и закатили в свой крытый "Газон". А взрывчатку они достали и примотали изолентой к другому запалу из соседней бочки. Провод же просто обрезали. Ну мы это дело смекнули, и пока следующий ряд бочек не поставили, быстренько и незаметно из этой бочки запал достали и лишнюю тротиловую шашку отмотали. От греха подальше спрятали ее тут же недалеко в кустах. Шашка как была в полиэтилене, так мы ее даже не разматывали. Землицей и дерном присыпали, чтоб не сдетонировала по соседству с "ядерным" взрывом. Ну и чтоб никто не нашел, если пропажи хватятся. Потом эту бочку другими бочками заставили. Только мы работу закончили, как офицеры пригнали солдат и выставили возле "бомбы" боевой караул. Значит тротил нам сегодня ночью не забрать, а мы и не торопимся. Похоже, что пропажу никто не заметил.

На утро все в атаку, потом самолеты над головами, взрыв,

затем разнос-развоз кого куда по площадкам дегазации-дезактивации и дальше по медпунктами, медбатам и госпиталям. Короче, "Очаг" в разгаре. Только вечером следующего дня нам удалось в "эпицентр" сбегать. Лежит себе наша шашка, ничего с ней не сталось. Решили мы ее в наш домик принести. Принесли, сели и думаем, что с ней делать. А тут у нас один взвод в наряде по столовке ошивался и за столовкой костер из старых досок палил. Вот и стукнула нам идея словить немного рыбки и у них на том костерке ухи сварить. Тогда терроризма не было и тротил использовался исключительно в мирных и благородных целях.

Пошли мы через дырку в сетчатом заборе, что еще с абитуры была известна, вниз за железную дорогу - сразу за ней здоровые пруды. К пруду подошли когда уже вечерело. Но надвигаются белые ночи - темноты не жди. Подумали, где место получше и куда кидать. Вот и позиция выбрана. Коля Миляев где-то надыбал (наверное стырил у того же сапера) сантиметров 30-40 бикфордова шнура. Такого плотного, в черной полупрозрачной изоляции, что и под водой горит. Мы аккуратно проволоку от патрона обрезали, а усики от капсюля отогнули. Потом этими усиками к капсюлю прикрепили бикфордов шнур. Затем капсюль-детонатор со шнуром опять в шашку засунули.

Огляделись - вроде вокруг никого нет. Еще раз осмотрели место, куда кидать. На вид самое глубокое место получается. Засунули в пакет небольшой камень, чтоб уверенно шашку на дно пустить, подожгли шнур, кинули и бегом от берега за бугорок. Проходит минута. По нашим понятиям уже взрыв должен быть. Ничего. Встаем и идём к берегу. Ещё с минуту всматриваемся в воду. И тут замечаем нашу шашку - лежит она почти на поверхности на здоровой куче из плавающих водорослей, листьев кувшинок и стеблей тростника. Коля говорит с досадой: "Всё, просрало! Наверное шнур потух. Щас полезу доставать". И с этими словами начинает скидывать свое ХэБэ-галифе.

И тут как бабахнет!!! Грохот такой, что мы все сразу оглохли. Затем на нас с неба посыпался плотный дождь из водорослей, ила и другого мусора. Оказывается, во-первых, если взрывать не электротоком, то этот детонатор имеет приличную отсрочку, а во-вторых, пруд именно в том месте, куда мы нашу глушилку закинули был глубиной сантиметров 20-30 с очень илистым дном. Коля же нас уверял, что если два-три метра воды будет - то глушить безопасно и почти не слышно. Рыбу мы искать не стали, да наверное кроме каких-нибудь мальков там ничего и быть не могло. А стали мы тикать с того места, что было у нас

сил. Уж больно громко и заметно все получилось. Потом полночи втихаря форму от ила отстирировали. Не-е, на рыбалку лучше с удочкой. Надежней.

* * *

"Демократы" или знак равенства на рукаве. Второй курс:

КРОЛИК ПОД СМЕТАНОЙ

А что, вкусное блюдо. Берется тушка кролика, разделывается на кусочки, обжаривается, затем лук и соль, еще чуть жарим, перец по вкусу, заливаем сметаной и тушим. Готово. Пальчики оближешь! Не знаю, как сейчас, но в мои курсантские годы, крольчатины в Военно-Медицинской Академии было завались. Правда не в столовой.

Сессию мы сдали, уехали в летний отпуск. Месяца отдыха как не бывало - и вот снова мы в стенах нашей Alma Mater. Это так родной ВУЗ по старинно-студенчески. Что по-латыми "мать-кормилица" буквально значит. Да только кормилица нас в теле держала, чувство голода не ослабевало.

Началось все с полковника Шостока - профессора Кафедры Нормальной Физиологии. Он на лекции сболтнул, что все кролики после острых опытов выбрасываются. Кто забыл, напомню - острый опыт, это когда подопытному каюк. Затем Биохимия пошла - кролик на кролике. А уж про ПатФиз вообще молчу - сплошной садизм. Там мы кроликов изводили, как немцев под Сталинградом. Вот значит после очередной бойни пошли мы на ужин. На ужине, как и на лекциях, я рядом с Колей сидел. Обычно ковыряли мы малоаппетитную водянистую картошечку-пюре, да травили друг другу чего-нибудь. Понятно в переносном смысле, словами, хотя той картошкой и без яда отравиться не долго было. Но сегодня привычного застольного разговора не получалось - Николай был как-то рассеяно-молчалив, и мысли его явно витали где-то далеко от столовой.

-- Ты чё? Идею мирового масштаба обмысливаешь, а мож о дамах мечтаешь? Мировой Империализм али спермотоксикоз замучал? - спросил, наконец я, чтобы хоть как-то прервать молчание.

-- Что..? - Коля с трудом вернулся к реальности.

-- Ну, ты целый вечер как сомнамбула в аутизме - всё о чем-то своём думаешь... Прорыв в современной медицине готовишь?

-- Лучше. Много лучше. Ты помнишь, что сказал на лекции Шостак? - он слегка наклонился ко мне и произнес эту фразу полушепотом.

-- Хм... Твоим конспектом можно воспользоваться? - прошептал я сквозь улыбку, подражая своему собеседнику.

-- Да ты уж точно такое не записал. Хотя это была самая важная мысль в его лекции.

-- И какая же?

-- То, что кролики после острых опытов выбрасываются!!!

-- На Нобелевку не тянет...

-- Вот я и говорю, что все самое важное ты пропустил. Кролики! Куча мертвых кроликов! Сам подумай, завтра у нас ПатФиз, скольких мы заморим?

Я добросовестно попытался прикинуть количество, все еще не понимая, куда клонит мой товарищ. Смотря, сколько опытов будет. К концу лабы по одному на человека точно... И тут до меня дошёл ход Колиной мысли - это ж три килограмма свежайшей крольчатины на нос! А что, "забой" час-два назад, никакой гадостью не колют, а если чем и колют, то всё естественными добавками, к примеру адреналином. Экологически чистый продукт! Такой свежанины и в магазинах не найти. И делов то никаких - на всех "вкусных" кафедрах мы уже давно перезнакомились с нужными лаборантами, которые лаборатории после занятий от результатов наших трудов (кролячьих трупов) прибирают. Можно спокойно пойти и попросить тушки.

Простота этой мысли поразила меня настолько, что я некоторое время оторопело молчал. Оставшийся ужин ушел на разработку плана. Все выглядело достаточно просто. В портфель, если не брать с собой учебников, вполне могло поместиться два-три крола. Но одной крольчатины мало. Для полноценного блюда нужна еще картошка и лук. Тут еще проще, этим можно на месте разжиться. Прямо тут же кинули жребий "на гонца" - бежать за корнеплодом выпало мне в подвал нашей столовки на "корни". Так мы называли полуподвальное помещение, где лук и другой овощ наряд чистил. Стоило туда с кулечком спуститься, как любой был рад радешенек тебе хоть сто кило отсыпать. Им же работы меньше. Ну нам сто кило не надо. Пару хороших луковиц, да три десятка картошин за глаза хватит.

На следующий день мы уже вышагивали на Факультет, крепко сжимая в руках пузатые портфели с заветными кроликами, когда я остановил Николая.

-- Подожди.

-- Ты чего? - нетерпеливо ответил он, сглатывая слюну.

-- А где мы их обдерем? Не в комнате ведь, мы же там всё кровью измажем!

Долго думать не пришлось - ободрали в умывальнике. Шкурки, ушки, требуху - в мусорный бак, мясо - в пищу. Оставался самый важный вопрос: где и как это приготовить? На наше счастье, в нашем буфете работала тёть Света - чудная женщина. Она курсантов никогда не обижала. Даже в долг под честное слово товар отпускала. И это при социализме!. В ответ курсанты всех факультетов её уважали и долги возвращали целиком. К ней мы и решили обратиться. С участников трапезы собрали деньги на сметану и послали другого гонца к ней в буфет. Сметана у тёть Светы всегда была - полстакана 5 копеек. На трех кролей надо два стакана. И еще надо было у Светланы Николаевны печку попросить. Точнее - кастрюлю с печкой. Дала она нам здоровую кастрюлю, куда мы ссыпали резаные куски кролика и остальные ингредиенты, затем поставила к себе на печку. А через час позвонила на курс - идите, забирайте свое варево. Надо было варево по бачкам разлить (бачки в курсантской столовой специально для этой цели ещё вчера своровались), тёть Свете ее кастрюлю отмыть и спасибо сказать. Всё, можно на ужин не идти. До свидания дары моря с картошкой, отдающей аспирином, на воде с машинным маслом. Уж крольчатинка куда лучше!

Такая насыщенная белком высококалорийная добавка, прикорм-докорм к нашему рациону, со второго курса стала делом обычным. Вскоре многие комнаты нелегально обзавелись электроплитками и скороварками - крольчатина стала готовиться за 15 минут. К тёте Свете только "чилийцы" бегали. У них начальник курса козловатый был - капитан Ольшанский, по прозвищу Пиночет, плитки беспощадно изымал. Нас, кстати, "горбатыми" звали - наш начкурса уж очень припахивать нас любил по поводу и без повода. Ну а курс "дебилов", что старше нас - у тех начкурса алкаш был, а сами они лодыри страшные и всегда на халяву пожрать к маленьким зайти любили. Еще были "пеликаны", "помидоры" и "штирлицы". "Штирлицев" так прозвали за любовь всё вынюхивать, а потом всех и вся закладывать, а также за фамилию их сволочного шефа - полковника Исаева. "Помидоры" были первокашками-минусами и до собственной крольчатины ещё по сроку службы не доросли, а остальные крольчатину уже переросли.

В нашей комнате скороварки не было. Надыбали мы как-то четыре кролика и пошли к тёть Свете. А там уже два "чилийца" самую здоровую кастрюлю-выварку своим мясом загружают. Мы и говорим, давай, мужики, мы к вам досыпем. Они, нет проблем, товарищи "горбатые"; у нас два кроля всего, у вас четыре. Сыпьте, а на финише разделим по объёму - две трети вам, треть нам. Только мы выварку на печку поставили, как еще каких-то два "дебила" на хвост падают. Ну вроде как отдаленные знакомые, вроде и послать не удобно и кормить этих вечных халявщиков не охота.

И тут Колю вдруг на щедроты пробивает. Он говорит, классно мол, что вы мужики к нам на огонек зайдете, мы так рады, в компании ужин веселее, а то нашу еду кроме нас никто не жрет.. Короче заходите к нам в комнату, когда все готово будет, а это часа через три. Мы, мол, планируем отужинать попозже. Ну те, ладно зайдем, смотрите все без нас не сожрите.

- Да не бойтесь. Останется, я же говорю, кроме нас никто не жрет! - успокаивает их Коля, ну прям Мать Тереза из Ордена Милосердия.

После этого Коля пулей куда-то убегает. Готова наша крольчатина через час-полтора. Забрали мы свою долю, пару кусочков оставили какому-то "помидору", ну и кастрюлю отдали ему же мыть, как и положено младшему. Принесли жратву в комнату, а там все уже в сборе - мяса ждут. Появляется Коля и держит подмышкой электроплитку, а в руках скороварку. Коля и говорит: "Мужики, вы тут быстро кушайте, а то мы тут гостей ждем - сейчас им свеженького поставлю". Ну мы опять думаем, чего это Коляна такой безудержный альтруизм обуял? А насчет еды нас два раза упрашивать не надо - в момент все на крольчатину набросились.

Народ наелся и стал расходиться. Всю крольчатину сожрали подчистую и остатки юшки в бачках хлебом вымокали. Тут Коля свою скороварку открыл - по всей комнате запах свежего мяса. В этот момент как раз те двое "дебилов"-хвостопадов появляются. И черт, с абсолютно пустыми руками, хоть бы батон хлеба купили или там варенья какого, да хоть заварки чайной принесли бы. "Дебилы" есть дебилы - 100% халява.

Коля их усаживает, как почетных гостей. Ставит перед ними скороварку, нарезает хлебушка, рядом банку с кипятильником

под свеженький чаек. С чайниками были большие хлопоты и проблемы с хранением, поэтому мы совали ведёрный кипятильник в трехлитровую банку и готовили кипяток за 2-3 минуты, куда потом бросалась ложка заварки. После короткого настоя наливался этот чай через "ременно-приводную передачу" - солдатским ремнем обхватывалась банка, как держаком.

Гости начинают жрать, аж хруст стоит. Хвалят кролика, говорят очень особенный вкус у него сегодня. Им больше нравится, чем обычный. Тут Коля вскакивает и говорит:

- Вы, чё, мужики. Я же вас предупреждал! Я же вам говорил, что кроме нас это мясо никто не жрет. Вы же сказали, что жрете! Я вас по-дружески позвал. А вы мне кролики-кролики. Нету у нас кроликов сегодня! Лекция по Патологической Физиологии была, всего одна кошка. Так что, чем богаты, тем и рады!

С этими словами он достает целлофановый кулек, где лежат отрезанные концы кошачьих лап, кошачья голова и хвост. Оказывается специально на ПатФиз Коля сбегал - порылся в их желтом помойном баке с красной надписью "биологические отходы", чтоб гостей накормить. Ушли "дебилы" сразу. Спасибо не сказали, блевать не блевали (по крайней мере у нас в комнате). Последними их словами были: "Ну козел ваш майор Коклюшин, Автоковбой навороченный, до чего своих "горбатых" зачморил - уже кошатину жрать стали..." И больше никто к нам за халявой не заходил.

ПОЧЕМУ ВМА НЕ ХОДИЛА НА ПАРАДАХ

Ну настоящию действительность я не знаю. Может сейчас и ходит. Но вот в советское время категорически не ходила. Не ходила до моего поколения. В мое поколение была сделана попытка - Штаб Ленинградского Военного Округа пытался заставить курсантов ВМА помаршировать на параде в честь 7-го Ноября. При этом абсолютно безуспешно. Об этом и рассказ. Мы тогда на втором курсе были... Начало семестра, а тут на тебе - приказ из штаба Лен. Округа: Военно-Медицинскую Академию строем на парад!

Любой курсант-медик сорок сороков раз проклинал строевую подготовку. Хотя чего греха таить - даже на самых суровых курсах, где начальники были слишком военные, строевая занимала в самом крайнем случае этак одну десятую от нормы любого командного училища. Академию этот факт вполне

устраивал, а вот ЛенОкруг нет. Всякое училище и любая офицерская академия Ленинграда три раза в год (7-е Ноября в День Революции; 1-е Мая, в День солидарности; и на 9-е Мая, в День Победы) на Дворцовой Площади парадным маршем ходят. И вот захотелось Штабу Округа ВМА туда включить. По правде сказать, Академия свою лепту тоже во всесоюзные празники вносила - в оцеплении стояла. То есть наш курсант три раза в год работал живым забором, а большее строевой выучки не хватало.

Получил наш строевой отдел этот приказ и призадумался. На подготовку около месяца. Стали наши строевики все курсы гонять - лучших искать. Отобрали. Сделали "сборную солянку" из офицеров 1-го Факультета, затем "краснопогонников", вслед "небеса-летуны", ну а замыкают "мореманы". Красивая "коробка" получилась. На тренировочных маршировках вполне нормально топала. До последней репетиции. Дождь в ту ночь был страшный. По времени - снегу давно лежать, а тут вся Дворцовая в лужах глубоких.

Идут всякие училища - только буруны по лужам. Сии мелкие водные глади на брусчатке как горные реки под строевым шагом пенятся. Идет Академия - тишь да гладь. Строй "академиков" как по комманде перед каждой лужей расходится и ее аккуратно обходит. А что - по воде мокро топать! Посмотрел на это Командующий Округом из своего кабинета, что прямо над Аркой был, и в гнев. Ногами своими маршальскими по паркету топает и орет: "Чтоб этот позор мне столбом стоял - двигаться этим лекарям по парадам категорически запрещаю!"

Говорят, что в 1960-х запретили из-за того, что "полкоробки" не в ногу шло. А вот в 80-х из-за лужи - это точно. Нам приказ разъяренного коммандующего перед строем зачитывали.

И правильно. Традиция у нас такая - что касается "строевой" то не более, чем в оцеплении постоять. Кстати, не плохо время проводили. Каждый сознательный курсант обзаводился пустым контейнером из-под "Глюгицира" - пакета-консерванта для донорской крови. Очень удобная штука! Сама жидкость "Глюгицир" сливается, а пустой пластиковый пакет заполняется 0,5 литра водки, после чего вешается на внутренней стороне шинели подмышкой. Никто не заметит. Пластиковая трубка выводится в рукав. На двоих курсантов в оцеплении достаточно одного пакета. Лёгким прижатием руки к телу живительная влага подается по трубочке через рукав прямо в рот замерзшему и

жаждущему "оцепленцу". И греет и веселит! Нет, в оцеплении определенно лучше, хоть и дольше.

НЕ ЧАЙ

На следующем семестре началась у нас трудная наука - Оперативная Хирургия и Топографическая Анатомия, или по нашему Оперативка с Топочкой. Этой кафедрой заправлял один профессор, полковник медслужбы Нечай. Была у профессора Нечая одна привычка - он на своих лекциях всегда чаек прихлебывал из здоровой белой кружки. И был на той кружке красивый рисунок Петропавловского Шпиля и с именной надписью с другой стороны - что-то мелкими буковками, а потом его фамилия довольно крупно, что со скамеек аудитории прочесть можно было. Мы на Факультете тоже чайком баловались. Правда кружек с дарственными надписями у нас не было, и чай мы хлестали из чего придется.

Был у нас на курсе один курсант, Саня Хутиев, или просто Хут. Хут был мало известен за пределами нашего курса (исключая женские студенческие общежития Ленинграда). А профессор Нечай был весьма известен - председательствовал он в каких-то высоких научных кругах, где всякие именитые хирурги ему свои докторские диссертации на рецензии посылали. Наверное в этих кругах профессору его знаменитую кружку и изготовили. Но вот однажды у Хута появилась точно такая же кружка, как у профессора Нечая. Да и на обороте этой кружки красиво написано "НЕЧАЙ". Правда без мелкого текста. Хут эту кружку очень берег, сам чай из неё никогда не пил и никому не давал. Мы думали, что эту кружку ему сам Нечай подарил, или он ее каким-то иным обтазом у профессора надыбал. Ну и само собой разумеется, что такую реликвию беречь следовало.

Пошли мы как-то раз в Хутовскую комнату на вечерние чаепитие. Чаёк грузинский, батон с маслом, кусковой сахар-рафинад - всё как полагается. Народу, человек пять-шесть собралось, на всех тары не хватает. Чай готов - ведерный кипятильник трёхлитровую банку до кипения быстро доводит. Как обычно - солдатским ремнём банку схватили, надо разливать. Смотрим, на Хутовской тумбочке кружка "Нечай" стоит. Заглянули в кружку, изнутри коричневый налет - значит всё же Хут её использует. Самого Хута на сей момент на курсе не было. Он, как обычно, вечерами на стороне со студентками предпочитал рюмкой чая баловаться. А была-нибыла, наливаем

чай в кружку "Нечай". За этот вечер многие из этой кружки чайка попили.

Пришел с гулянки Хут. Увидел свою кружку на столе, хватает её и сразу чай в форточку выливает со словами, что ему эта кружка кружка срочно нужна и чай из неё пить нельзя. После этого берёт кружку и ещё что-то из своей тумбочки и идёт в умывальник. Мы думаем, во как Хут обиделся, даже чая допить не дал - наверное пошёл свою реликвию отмывать.

Через пару минут возвращается Хут. Совсем не злой, вполне довольный. На морде написано, что хорошо погулял, явно давление в семенных пузырьках не мучает.

Мы: "Хут, ты уж извини, что кружкой Профессора Нечая попользовались".

Хут начинает ржать: "Ну вы, мужики, даёте. Профессора Нечая! Ха-ха! Да я эту кружку за 30 копеек в Гостином Дворе купил".

Мы: "Ну, а надпись?"

Хут: "А что надпись? Я её на Микробах сделал - там есть такие буквы-переводилки, специально фарфор подписывать".

Мы: "Хут, а нахрена ты профессорскую фамилию написал? Писал бы сразу "Иванов, Начальник Академии", или лучше вообще "Министр Обороны!"

Хут: "Мужики, вы чё?! Какая фамилия?! Русским же языком специально для вас всех написано "НЕ чай".

Мы: "НЕ чай?" - и точно "не чай", между словами пространство чуть больше, чем между буквами.

Хут: "Когда я с блядохода прихожу, то я в этой кружке в марганцовке член полощу!"

Какое-то чаепитие стрёмное получилось, без обычного удовлетворения...

Т.Т. БЕРЕЗОВ И Б.Ф. КОРОВКИН

Гулянки гулянками, но на втором курсе еще изучают биохимию, науку сложную. Формулки там - как карта города! На Кафедре Биохимии была одна женщина - доцент Инга Стефановна Гавриленко. И считался этот препод самым грозным. Курсанты её боялись, уж очень она любила отработками закидывать. Не известно почему, но ещё задолго до моего поколения к ней приклеилась кличка "Хромосома". Да и после нас никто её иначе, как Хромосомой не называл.

Раньше начальником той кафедры был академик генерал Борис Фёдорович Коровкин. Как только мы пришли на Биохимию, этот дядька ушёл в отставку и переехал в Москву. Но перед своим уходом умудрился одну вещь сделать - накатать новый учебник по Биохимии в соавторстве с неким профессором Т.Т. Березовым из МГУ. Этот учебник вышел в середине семестра, был довольно толковым, и что самое ценное - последнее новьё, кладезь свежей информации. Хромосома своего бывшего шефа боготворила. Она нам постоянно рассказывала о его научных достижениях, заставила нас немедленно сдать старые учебники Збарского и немедленно получить новые. В её речи "учебник биохимии" означал учебник Збарского и иные пособия. Новый учебник она почтительно и несколько смешно называла "Тэ-Тэ Березов и Бэ-эФ Коровкин". Только так. И от нас требовала, что бы мы его также называли. Ну мы и называли, чтоб не гневить Хромосому понапрасну.

Саня Потехин себя особо учебой не загружал. Биохимию Шура пролетал на предельно малой высоте - учил ровно столько, сколько надо для троечки, пусть даже с минусом. Вот как-то раз на занятии Хромосома что-то его спросила, и Шуриного ответа самую малость до этого минуса не хватает. Сидит Хромосома и думает - отработку ему влепить или всё же трояк. Тогда она задает дополнительный лёгкий вопрос: "Скажите, Потехин, что вы знаете об авторе нашего нового учебника?"

Шура: "Да там два генерала. Известные учёные. Оба были начальниками нашей кафедры, где один и изобрел клей "БФ" - в любом магазине СССР продается. Ну а другой изобрел пистолет "ТТ", используется в Советской Армии как табельное оружие!"

А что, похоже. "ТТ" - Березов, и "БФ" - Коровкин.

ДВУХКОЛЁСНЫЙ ВЕЛОСИПЕД

Тем, кто уже забыл, напомню - это так на биохимическом жаргоне связь орнитинового цикла с циклом трикарбоновых кислот Кребса называется. Схема реакций и ферментативных каскадов громоздкая и смешная - если расписать на бумаге, то чем-то на велосипед похоже.

Уже под конец второго курса была у нас горячая пора на Биохимии - подготовка к зачёту. Заходит доцент Хромосома в

нашу лабораторию и спрашивает, нет ли среди нас хорошего художника? А у нас в отделении был такой курсант - Виталий Руденко, по кличке Батя. Он детскую художественную школу закончил, рисовал прекрасно - все стенгазеты и боевые листки на его совести были. Наш замок сразу на него пальцем тычет: "Вот этот, Инга Стефановна, самый лучший мастер всего Факультета".

Хромосома тогда и говорит: "Мне надо к следующей неделе сделать плакат с двухколесным велосипедом. И что бы было очень красиво - точно так, как картинка в одном американском журнале. Журнал и лист ватмана я дам, краски ваши. Так как это много времени займет, то к зачёту будет трудно подготовиться. Но если плакат будет красивым, то я вам зачёт без опроса поставлю! Понятно?"

А чего тут непонятного? Шара подкатила - зачёт на халяву! Батя согласен - несите свой журнал и ватман. В конце занятия Хромосома притащила бумагу и толстую подшиву забугорной периодики. С торца выглядывает газетный обрывок - закладка. Виталик это взял и пообещал к зачётному занятию всё в лучшем виде сделать.

Приходим на курс. Открывает Батя журнальчик где закладка. Там на одной странице красивая фотка спортсмена-велосипедиста, похоже реклама каких-то поливитаминов. Мужик с напряженным лицом крутит педали круто-навороченного спортивного велосипеда, от скорости все чуть смазано. На другой странице никакой картинки нет - начало непонятной научной статьи на английском языке, сплошной текст. Полистали мы эту статью. Статья огромная, страниц на сорок. В этой статье оказалось куча схем, биохимических реакций. Пролистали мы весь журнал. Все схемки исключительно черно-белые, мелкими формулками, а занимают по целому листу. Цветные картинки только в рекламных вклейках. И кроме того велосипедиста, что на странице с закладкой, никаких больше велосипедов нет. Наверное, этот плакат Хромосоме для личных целей нужен - типа как молодая, на стенку у себя дома или в кабинете повесить хочет. Да как угодно, за зачёт по Биохимии для неё можно хоть голого мужика, хоть Монну Лизу скопировать.

Сел Батя за работу. Неделю ночами не спал, ваял как Репин. Крутой плакат отбабахал - повесь на стенку в любой студенческой общаге, все студенты обзавидуются. К назначенному времени приносит Батя на зачет свое творение. Заходит Хромосома и

первым делом хвать свернутый плакат: "Ну что, Руденко, хорошо получилось?"

Батя: "Инга Стефановна, я старался, ночи не спал, но вам судить!"

Хромосома разворачивает ватман: "Товарищ курсант, вы перепутали. Вы мне свой настенный плакат принесли. Кстати, красивый. Немедленно идите на курс и принесите МОЙ плакат!"

Батя: "Инга Стефановна, товарищ доцент! Это ведь и есть ВАШ плакат - тот самый двухколесный велосипед, полная копия со странички, где ваша закладка..."

Хромосома берет журнал: "Руденко, так вы что, настоящий двухколесный велосипед мне нарисовали? Вообще-то я думала, что вы догадаетесь по статье. Двухколесный велосипед вот!"

С этими словами она показывает нам журнальную разворотку, где обе страницы пестрят формулами, замкнутыми в одну гигантскую схему... Хромосома плакат назад Бате отдала. И пришлось ему сдавать зачет на общих основаниях. С первого раза пролетел, так как не готовился. Со второй попытки пересдал. А плакат этот из комнаты в комнату кочевал до самого шестого курса, а перед самым выпуском мы его отнесли на третий курс и там у тумбочки дневального оставили в наследство подрастающим поколениям.

Всё же была мудрость в Уставе Вооруженных Сил СССР: "...приказ командира должен конкретно объяснять задачу, поставленную перед подчиненным. Формулировка приказа должна исключать любую возможность двойного толкования..."

ЗЕКИ-РЫЦАРИ

К середине второго курса Коля занялся наукой по-серьёзному, и позвал он меня помочь ему эту науку делать. Он значит, будет специальнй порошок перед винтиллятором сыпать, а потом пробы брать с воздуха и поверхностей всего, что на складе лежит. Для каких-то своих расчётов надо было ему узнать, как быстро склад засрать можно, и при каких условиях это лучше сделать. Ну а мне надо было бегать с приборчиком таким, на часы с вертушкой похожим, скорось потока воздуха мерять.

Но было одно неудобство - очень уж пыльным эксперимент был. Даже ручка по бумаге писать переставала. Но это мелочь. Коля синих фломастеров набрал. На морду можно респиратор надеть, а вот как форму от этой пыли защитить? Пошли мы к

Логвиненко, прапору-хозяйственнику с первого курса, просить Б/У Х/Б, бывшее в употреблении хлопчато-бумажное обмундирование, или по-просту старую солдатскую форму. Тот прапор только на первых курсах старшиной по хозчасти службу нёс, никуда из своей конуры, что в "Пентагоне", не высовывался. Зато его весь Факультет знал, да и он многих помнил, так как все через его каптёрку прошли. Логвиненко нашу просьбу за просто так выполнил, потому что Коля на первом курсе его правой рукой был - бельевщиком, там постели да трусы перед прачечной собирал. Дал нам прапор два Х/Б, грязных, затёртых, рванных и без погон, зато идеально по размеру.

Ну мы шинели сверху одели, бляхи на ремнях и сапоги почистили, разве что за исключением неподшитых подворотничков, вид стал у нас был весьма патрульнобезопасный. Сели мы в трамвай N50 и покатили от Финбана до самой Ржевки. Долго ехать. По приезду ещё часа четыре пыль по складу гоняли, пока нас дежурный домой не погнал. Даже умыться не успели - чумазые как черти, и на Х/Б слой пыли. Мы решили, что шинели одевать не будем, чтобы не пачкать. Сели в трамвай на самые задние места. Время позднее, вероятность нарваться на патруля минимальная. Сложили мы шинелки под сиденьем, сидим тихо и от нечего делать себе руки синим фломастером разрисовываем. Под зековские мотивы - перстни, там солнце на фоне срубленных деревьев, всякие змеи, ножи, надписи блатные. А фломастеры по цвету - ну натуральная татуировка. Короче вид у нас стал как у уркаганов со стажем. Ещё и коротко подстрижены мы были.

Народу в трамвае немного, весь народ весьма солидный, в основном бабушки, правда на самых передних местах две молоденьких девчонки сидят - или ещё школа, или максимум первый курс. Тихонько сидят, видно боятся так поздно ехать. Вдруг вваливается какое-то подвыпившее гопное чмо. Тоже молодой, явно вот-вот в армию пойдёт. Оценил ситуацию и давай бабушкам хамить, до девчёнок приставать. Мы далеко, он нас не заметил. Ну кто на "пятидесятке" ездил, тот знает по какой глухомани промышленных районов этот маршрут проходит. Ни у девчёнок, ни у бабулек и мысли нет, чтобы сойти. В трамвае хоть при свидетелях, какая ни есть защита. И хам это прекрасно знает и этим пользуется. Полез до девчёнок лапать, не так чтобы уж откровенное насилие, но смотриться гадко. Пора вмешиваться.

Коля встаёт, я за ним. Коля мне жестом показывает, молчи, мол, и следуй за мной. Подходим, где девицы сидят. Коля на

гопника пальцы веером и скрипучим голосом медленно говорит, так это по-зековски, с придыханием: "Ну что ты тут тццянешь, фраер? Ну что ты весь на понтах, как на шарнирах? Что ты фуфло распустил, как говнило? А ну нитки с автозака скинул! Если мы с тобой до первой пересылки в этом тамбуре дочалимся, то там с нами пойдешь, поучим тебя кукарекать. Ну ты понял, без двух минут петух?"

Гопника как подмелили. Я то просто дылда, а вот Коля ещё и атлет. Два таких зека на одну его бедную попочку! Подходит он к тамвайной двери, срывая ногти открывает в ней щель, едва достаточную, чтоб протиснуться наружу, и прыгает на ходу в ночь.

Тут мы всё возможное обаяние включили и культурно перед окружающими извиняемся. Мол извините, товарищи, за грубость и вульгарные слова, мол ситуация вынудила. Да только похоже никто нам так и не поверил. Даже девчёнки спасибо не сказали. Всю оставшуюся дорогу народ ехал насупившись и только в передней части трамвая, а мы в гордом одиночестве сидели сзади. Ну оно и понятно, держаться от зеков лучше подальше.

ПЕРВЫЙ ВЗВОД - ПЕРВЫЙ ПРЫГ

Наконец этот семстр пролетел и мы сдали летнюю сессию. Эх, обычно такая вольница после экзаменов накатывает, но не сейчас. Сейчас у нас по расписанию прыжковая подготовка. Дело в том что мы Первый Взвод. А первый взвод это группа подготовки врачей для ВДВ - воздушно-десантных войск. В этих войсках с самого момента их создания существует одно железное правило - прыгают все. От сопливого молодого солдата-свинаря на подсобке, до многозвёздного генерала, командующего этими самыми войсками - парашют на горб и с самолета в бездну гоп! Исключений не бывает. Точнее бывает, но нелегально и не так чтоб совершенно без прыжков. Нормальный десантник десантируется по нескольку раз в год, а тех кто не прыгает в ВДВ шибко не любят. Хотя если ты уже сед, лыс и многодетен, то прыгни в году пару раз, а остальные разы за тебя кто-нибудь постарется. Короче отдай свой офицерский червонец (тогда столько за каждый прыжок платили), а потом стой себе на площадке приземления и тыкай пальцем в небо с радостным воплем: "О! Вон я полетел!". Нам до такой ситуации по идее лет двадцать служить оставалось...

Итак положено нам уехать на полтора месяца в настоящую десантную часть, там выучить нехитрое парашютное дело, сигануть свой первый раз, ну а потом, кто как... Кто не из ссыкливых, то и по три раза за день полетать умудрялись. Правда по закону можно только два раза. Точнее можно сколько хочешь, но больше двух прыжков за день не платили. Это если легально. А если за дядю, то он и платит. Получается не просто вшивые курсантские два пятьдесят, а еще и полновесная офицерская десятка сверху. А то и пятнаха, если "дядя" не жмот. Хоть и стрёмно чужой парашют на себя цеплять (пойми ты, как он его укладывал - видели мы, как асы купол в ранец ногами трамбуют), но всё равно прыжки мы полюбили - по нашим нищим меркам они были дельцем выгодным. Такими темпами на парашютиста-отличника можно было за неделю напрыгать. Положить в карман сотни полторы, а потом еще рисоваться хорошей цифрой на значке-парашютике... Вроде круто. Да только вся эта бравада возможна после грёбанного момента - первого прыжка! Вот уж по истине незабываемый миг...

Воеводой с нами едет добрый дядька Ридкобород. Фамилия такая у этого полковника с кафедры ОТП, оперативно-тактической подготовки или "Тактики" по-нашему. У полкана значок на тысячу прыжков... Охренеть. Может брак заводской, ну там станок лишний нолик прилепил? Воевода классный, он уже лет десять, как с первым взводом по частям ездит. Курсантская молва его повадки разнесла - будет пить коньяк и прыгать столько раз, сколько самолёты летать будут. Запаску сам уложит, а основной купол заставит складывать курсанта - станет над душой и изготовится дать пинка, если что-то не понравится. Остальной дисциплиной ему заниматься особо некогда. Нас такой подход вполне устраивает.

Вот добрый дядька Ридкобород появляется перед строем:

- Ровня-а-асссь! Смирна-а-а! Поедем посредством автобусов. До вокзала. А там поедем посредством поезда. До Каунаса. А там поедем посредством машины "Урал" со срезанной кабиной десантного образца. До Пренаи. Повторяю для дураков: Литовская ССР, Каунасская Дивизия ВДВ, учебный парашютно-десантный полк, дислоцированный в посёлке городского типа Пренаи. Задачу уяснили?

- Так точно, товщ полковник!!! - рявкают тридцать глоток.

Посредством, так посредством. Вобщем, поехали в общем вагоне. Ридкобород пол пути рассказывал всякие воздушно-десантные страшилки, в основном как парашюты не

расскрываются, а мужественные воины-десантники с такой незадачей доблестно справляются в воздухе, приземляясь живыми и невредимыми, лишь слегка побледневшими, но готовыми к выполнению поставленной задачи в полном объёме. Нас такие рассказы почему-то никак не вдохновляли и нашего боевого духа не поднимали. По Ридкобороду же выходило, что вроде настоящему десантнику парашют вообще не нужен - при желании и соответствующем моральном настрое с самолета и без него можно прыгать, а потом уже в падении чего-нибудь такое этакое придумать. Но потом Ридкобород ушел в вагон-ресторан, наказав нам покушать выданный в дорогу сухой паёк, и мы вернулись к привычному делу - карточным играм, глазениям в окна и попиванием припрятанных спиртных напитков. За то, что вернувшийся с вагон-ресторана полковник чего-то там унюхает, мы не переживали - после вагон-ресторана даже если его голову засунуть в цистерну с медицинским спиртом, то тот скажет, что воняет всего лишь гуталином от начищенных сапог.

В Каунасе оказались рано утром. Встречают нас двое офицеров-десантников - майор и капитан. Майор был тыловиком того учебного полка, а капитан офицером ПДС - паршютно-десантной службы. Эта та самая зверская служба, что непосредственно к прыжкам готовит. Офицеры перед полковником вытянулись как молодые, но Ридкобород, хоть дядька и дюже военный, но добрый и демократичный. Нам он офицеров представил коротко: "Сыны! Это ваша мама, а это вообще бог". Так и стали эти офицеры для нас Мамой и Богом.

Мучения начались часа через два. С Кауноского вокзала до Пренаи в открытом кузове "Урала" добрались за каких-то полчаса. Часть там стояла здоровая. Учили в той части сержантов-десантников, командиров самоходных артиллерийских установок. Была тогда такая аллюминиево-титаново-магниевая зверюга, "Ноной" обзывалась. Самоходка, не пойми какая. Не то супер-крупнокалиберный миномёт, не то короткая гаубица. Короче резвая пушка на гусеницах. Стреляет чем попало, своего боеприпаса мало берёт, больше расчитывает на подножный корм - чего там десантники у врага захватить умудрятся. На тот период, кроме какой-то хитронавороченной итальянской мины, что с электронным взрывателем сбоку, любой другой боеприпас приблизительного калибра к ней подходил. Ну и само собой разумеется, что сержат, сидящий в "Нонином" нутре должен был быть немножко сверхчеловеком. А для этого парашютно-десантная подготовка в этом полку зашкаливала за все

физиологические параметры вида Homo Sapiens.

Едва мы успели скинуть свои вещмешки и застелить кровати, как прозвучала команда Бога: "Шнурки! Предпрыжковая беговая подготовка двенадцать кэ-мэ! За мной строем бегом марш!" И всё радостно так, будто праздник какой-то... Кроссовки и кеды одеть не разрешил, заставил в сапогах бежать. Пробежали. У кого предынфарктное состояние, у кого пароксизмальная аритмия, у кого агонирующее дыхание Чейн-Стокса, у кого гипертонический криз, у остальных просто клиническая смерть. А Бог улыбясь пошел пить коньяк с Ридкобородом, приезд обмыть. Да-а, были люди в наше время, как говорил один военный поэт, давно правда.

Мама нам особо не докучал - выдал постельное бельё и прикрепил к столовой. Потом выдал парашюты, ботинки, шлемы и десантные комбинезоны. Потом мы ему в складчину купили пузырь водки, столько же коньяка и глиняную бутылку благородного Рижского Бальзама. При виде водки и коньяка Мама одобрительно крякнул, а вот при виде Рижского Бальзама лишь удручённо вздохнул - ох уж эти "шприцы", так их в их Академии ничему дельному и не научили... А вот Бога спиртное не брало вообще. Наверное постоянные прыжки с парашютом на печеночный фермент алкогольдегидрогеназу пагубно влияют. Слишком активно у таких спирт в организме перерабатывается. Мама, Бог и Ридкобород крепко квасили всю ночь, а буквально на следующее утро Бог приперся к нам бодрый и с радостным заявлением, что для курсантов-медиков утренняя зарядка отменяется. Понятно, мы заорали дружное "Ура!!!". Рано обрадовались - зарадка отменяеся, а вместо нее вводится утрений час физических упражнений с последующей двухчасовой физической предпрыжковой подготовкой. Итого три часа вместо привычных тридцати минут. Но вставать надо, понятно, на два с половиной часа раньше...

Эх, забавненькое это дельце - предпрыжковая подготовка! В начале просто садизм - ну там бегать-ползать, приседать-отжиматься, прыгать-подтягиваться. Потом начинается садизм с извращениями. Бегать внутри шин, бегать по шинам. Бегать по бордюрам, положенным на 45 градусов. Потом прыгать по бордюрным ребрам, да так, чтоб нога не соскальзывала. Потом зажать между ног три брусочка и прыгать с "третьего трамплина". Какой дурак обозвал эту этажерку из сварного уголка трамплином? И почему третий трамплин равен балкону второго

этажа? А прыгать то с него на обычную твёрдую землю, блин! Мы, будущие врачи, оказывается самых прописных истин пластической анатомии не знаем. Например, поломать одну бедренную кость можно всего при усилии в 750 кг. А если ноги вместе и прыжок по технике - то уже шесть тонн надо. Правда шесть тонн это всего лишь четыре секунды свободного падения, то есть когда парашют не раскрылся. Вот тогда поломанные бёдра из ушей и вылезут.

Наконец физическая предпрыжковая подготовка кончилась и началась техническая предпрыжковя подготовка. В принципе тоже самое, только вид сбоку. Маленькое отличие - там есть "стапеля", "канатка", "лоппинг", "качели" и "вышка". На стапелях болтаешься как мешок с дерьмом, имитируя разные ситуации поведения в воздухе. В общем стапеля - это парашютные стропы на земле. Канатка же даёт весьма приятные впечатления - этакий гибрид русской канатной дороги в Приэльбрусье и американских горок в Дисней-Лэнде. Типа отработка навыков приземления при сильном ветре и большой линейной скорости парашютиста. Хототе испытать? Да запросто - спрыгите со скорого поезда задом наперёд. Ну или с самолета при взлёте, это даже вернее будет. Лоппинг - это устройство скоростного блёва. Этакое колечко, внуть которого надо залазить и пристёгиваться. А потом крутиться, пока рвотный рефлекс не подавит сознание. Третьесортное удовольствие. А вот вышка..! Вышка это кайф номер один. Если бы за прыжки с вышки ещё и платили, то я бы до пенсии с этой громадины не слазил - прыгал бы без выходных. Мы на вышку лезли, пока позволял мышечный тонус в конечностях - под конец крупная дрожь в руках и ногах свидетельствовала о весьма значительном переутомлении, всё же дни напролет карабкаться по вертикальной лестнице тоже не шутка. Зато какое удовольствие от короткого мига свободного падения, затем аэродинамического удара, когда купол воздухом наполнится, а затем медленного парения! Хотя и не такого уж медленного - прыжковая скорость приземления около десяти метров в секунду, как у чемпиона-спринтера. И если упадешь на бок, то как раз получается с разбегу в стенку, мать её...

Ну и самое главное дело - это укладка парашюта. Никто никогда не выпрыгнет из самолёта, не зная как работает парашют. Интересное дело - берёшь собственный купол, обрываешь контровку (веревочку, препятствующую случайному раскрытию), а потом двумя пальчиками без всяких усилий вытаскиваешь многометровую громадину, что будет держать тебя

в воздухе. Простенькой парашютной технике начинаешь верить всерьёз. Сумка опечатывается, и если парашют укладывал сам, то причин для его нераскрытия в природе быть не может. Почему порой парашюты не раскрываются, разговор отдельный, но вообще-то там всё настолько примитивно и просто, что кроме как преступной халатностью подобные случаи и не объяснить. Такая вера в надежность собственного купола и побеждает 90% страха перед первым прыжком. На асфальтовом плацу растянули "столы" - длинные брезентовые полотна. На них разложили парашюты. Выровняли стропы, "расчесали", специальными вилочками разложили по резинкам-гузырям. Затем аккуратными рюшечками уложили и сам купол. Засунули стабилизатор с маленьким вытяжным парашютиком в прочную авизентовую камеру, прицепили к ней карабин, что после прыжка остаётся на тросу в самолете, а освободив парашютик держить вас за шкирку стандартные три секунды, а потом своей силой вытянуть главный купол. Проверили приборы-анероиды, что выпускают главный купол в случае ранения или контузии десантника. "Взвели купол на кольцо", но для верности подстраховались - автоматическая система раскрытия выставлена по давлению воздуха, сиречь по высоте, и по времени с момента отделения от самолета. Получается тройная страховка - ты сам и прибор два раза. Но правило железное - самое надежное всё же кольцо, что сам дёрнешь, а прибор всего лишь железяка, не ровен час заржавеет. Человеческий "таймер-секундомер" прост - бубни вслух мантру: "тысяча-один, тысяча-два, тысяча-три, кольцо!" Первое просветление наступает при раскрытии парашюта, второе - при приземлении. Перед такой инициацией сон чего-то не идёт. Чаю много что-ли выпили...

На дворе поздняя ночь переходит в ранее утро. У дверей казармы тускло горит дежурное освещение. В проходе появляются Бог, Мама и дядька Ридкобород. Тихо соовещаются о чем-то. Ридкобород достает обычную солдатскую фляжку. Товарищи офицеры по очереди прикладываются, морщатся, фыркают, занюхивают рукавом, утирают губы. Горяч, наверное, утренний кофе. Все они уже одеты в десантные комбинезоны, сразу и званий не различишь - в таких и генерала с рядовым неровен час попутать. Добрый дядька Ридкобород вдруг довольно громко заявляет, что уж пару лет, как в фуражке не прыгал. Надо бы ему сегодня в фуражке прыгнуть - пусть сыны учатся десантному делу, пока тот жив. Ридкобород орёт "подъём", а потом объявляет, что настоящий десантник должен прыгать так, чтоб даже фуражка с головы не слетела. Начался День Первого Прыжка.

Завтрак - подостывший ужин из термосов - в такую рань в столовке ещё ничего не готово. Хорошо, хоть зарядка отменяется. Парашюты еще со вчера в стодвадцатый раз сложены-переуложены. Бегом на склад, хватем их и по машинам. Едем на эродром. Дороги ровные, кругом экзотика - Бирштонас, Трокай, Ганджюнай. Народец по советским меркам живет зажиточно. Мелькают западные хуторки, похожие на замки старые здания, а порой и сами замки, да и новые сельские домики выглядят весьма солидно, они частенько увешанны гирляндами плетучих роз и другими ботаническими красивостями, словно в каких-то субтропиках. Правда температура отнюдь не южная. В открытом кузове всё мгновенно покрывается знаменитой литовской росой, крупной и очень холодной, ехать становится зябко. Вообще здесь какая-то страшная насыщенность влагой, не зря местные офицеры шутят - "если Москва сердце нашей Родины, то Литва её мочевой пузырь". Сейчас, наверное, такое странно звучит, а тогда ничего, ухо не резало. Я не о мочевом пузыре, а о том, что Литву кусочком Родины считали. Может старые литовцы-лабусы и не считали, а вот мы, да и многие молодые литовцы, так искренне верили в такое незыблемое положение вещей. И не могли понять, когда аборигенки-бабуськи шипели нам в спину "оккупантас"...

Наконец мы на лентом поле. Кочек то сколько! И трава по колено. Литовская роса моментально пропитала нас насквозь, такое чувство, что мы десантники-подводники, только что из морской пучины вылезли. И как с такого болота самолеты взлетают? Чёрт, не промочить бы парашют, вдруг не раскроется? Офицерам на росу плевать - они дают команду "парашюты в кОзлы", а сами вновь прикладываются к фляжке с "кофе". "В кОзлы" значит рядками по десантируемому весу. Самый груженный козёл вылетает первым, за ним кто полегче, ну чтоб друг другу на голову в воздухе не садились. Фляжка у о фицеров опустела. Они мечтательно поглядывают на часы. На развилике дороги, что ведёт к нашей площадке будущего приземления, есть небольшое кафё "Алюс-Гиримае". Что значит "пиво да напитки". Но так его никто не называет. Все, включая литовцев, его почтительно называют "Крылышки". Прыжковые десять рублей по доблестному почину в Каунасской Дивизии офицерам выдавали прямо на площадке приземления. Собрал парашют, схватил десятку, чиркнул роспись в табеле и бегом в кафе. Водка на вынос только с одиннадцати, а если на розлив, так с восьми. Офицеров сейчас больше часы работы интересуют, а не предстоящий прыжок. А нас...

"Одеть парашюты!" Бог проходит по рядам, придирчиво проверяет, как подогнана подвесная система, целы ли контровки. Даже полковник Ридкобород и майор Мама смирённо стоят в строю, где-то в серединке согласно своего веса. Сейчас капитан Бог главный. Чтобы заведомо вылететь первым, а потом наблюдать с земли приземление остальных, Бог прихватил с собой ранцевый рюкзак диверсанта, только вместо портативного ядерного фугаса в нем сейчас лежит обычная 32х-килограммовая гиря. После проверки полковник Ридкобород снимает шлем и одевает свою фуражку. Вот жулик - золотые верёвочки с козырька засунул себе в рот, как удила. А мы то думали..! Хотя если ветром не сорвёт, то всё равно мастерство впечатляет.

"По самолётам!" Вваливаемся в тесный грязноватый фюзеляж знаменитого "Ан-2". Изнутри "Кукурузник" очень похож на перевернутую лодку или мотоциклетную люльку, если в них прорезать окошки-иллюминаторы. Наше оделение из самых рослых-толстых, нам прыгать первыми, к нам же залазит Бог. Весело болтает с прапором-механиком, что будет работать у нас выпускающим - хлопать очередного прыгуна по плечу с воплем "Следующий! Пошёл!!!" Или давать пинка, если следующий отказывается пойти, куда его послали. От весёлой болтовни бывалых дядек наше настроение не улучшается. Руки слегонца дрожат и самопроизвольно ощупывают кольцо главного купола, кольцо запаски, аварийный нож-стропорез и новый автоматный патрон в кармане на счастье... Вроде в этой пуле моя смерть, как в иголке у Кощея Бессмертного, и поэтому нераскрывшийся парашют не имеет никакого отношения к моему организму. Самолёт громко чихает, из его "горшков"-циллиднддров, что здоровым цветочком сидят за пропеллером, вылетает целый фонтан мелких капелек авиационного бензина. Крылья и стекла иллюминаторов густо окропляются этим "дождиком", даже внутри самолёта начинает нестерпимо воднять топливом. Это уже авария, или так надо!? И тут двигатель оглашает окрестности бодрым рёвом. Летун чего-то кричит по рации, потом даёт ориентировку выпускающему - до начала десантирования 20 минут. Особо полетать не получится.

Самолёт трогается с места. О чёртовы кочки! Каждый бугорок своей задницей чувствуешь. Никакого тебе эффекта нежного взлёта, что бывает на взлётной полосе в гражданском авиалайнере. Там так нежно слегка вдавит в кресло и вот земля начинает бешено удаляться, как в кино. Тут же самолётик скрипя

прыгает по полю, словно нуклюжая, укушенная слепнём, корова. Скорость почи не растёт, растет только рёв двигателя и нестерпимый вой пропеллера. Вдруг тряска прекращается, и вы довольно долго не можете понять - это самолет выехал на кусок асфальта или же и впрямь оторвался от земли. Вместо двери водителькую кабину (если эту носовую часть можно назвать кабиной) отделяет ситцевая шторочка, да и та нараспашку. Через лобовое стекло видно, как на вас стеной несётся опушка леса. В такой ситуации действительно лучше бы взлететь. Словно прочитав ваши мысли, пилот тянет штурвал на себя, вроде собраясь изнасиловать приборную панель. Самолётик идёт вверх, едва проскользнув над верхушками деревьев. Теперь сомнений нет - мы в воздухе. Высота растёт медленно, вскоре скорости совсем не чувствуется, хотя здорово чувствуются воздушные ямы и каждый самолётный манёвр. Чувствуются всё тем же местом, на котором сидишь. Где-то внизу застыл городок Бирштонас, какие-то литовские хутора, леса, поля, извилистая река Нямунас (Немон) и прочая ляпота. В общем красиво! Забыв на короткие мгновения, что сейчас наружу, народ выворачивает шеи и таращится в иллюминаторы.

Мерзкий короткий гудок. Звучит противно, как пенопластом по стеклу. Мы цепляем карабины к выпускному тросу. Над дверью загорается "светофор". Был красный, а вот уже и желтый. Мамочки, это ж зелёный следующий! Выпускающий пристегивается специальным поясом и открывает дверь. "Высота стандартная - 800 метров". Ни хрена себе стандартная - до земли то как далеко! Да тут и без парашюта пока долетишь - проголодаешься. Морда у прапора становится как у убийцы со стажем, почему-то кажется, что прыгнуть самим он нам не даст, всех просто повыкидывает как котят. Самолётик ложится на крыло, закладывая какой-то вираж-манёвр перед выходом на линию десантирования. Прапор тычет пальцем в Бога, показывает ему один, значит он первый, потом в Серёгу-Орела, он второй, потом в Шлёму, типа третьим будешь. А мне, как блатной на разборках, всю пятерню к морде - да без тебя знаю, уж неделю как пятый, правда прыгал только с макета в песочницу... Опять гудок. Теперь уже длинный и оттого ещё более отвратительный. Моя очередь. Зверь-прапор вроде пинка не даёт. Ласково так, по плечу ладошкой: "Пятый, пошёл!". Сгруппировавшись, с левой ноги, лёгким толчком...

Бля-а-а! Тыща-раз-два-три-кольцо! Провал. Если эти несчастные секунды вытяжной парашют хоть как-то тянул за

шкирку, а стабилизатор худо-бедно обеспечивал положение ногами вниз, то сейчас все смешалось. Похоже, что кольцо ещё и кишки одновременно выпускает. Бум!!! А говорили, как на вышке. Ни хрена себе раскрывшийся куполок тормознул! А вдруг это не купол, а зацеп за самолёт? Как учили, посмотрим вверх. Не, вроде правда купол. Теперь осмотримся по сторонам. Подожди по сторонам, а вдруг то облако было, а не купол!? Нет, точно купол. Вроде даже ровный. Теперь по сторонам. А вдруг то показалось, что ровный? Надо бы еще раз посмотреть, может уже стропы резать пора, жизнь свою спасая... Ну теперь уж точно - нормальный ровный купол. Три раза одно и тоже показаться не может. На всякий случай осмотрим запаску. Вот она, висит на брюхе целая и невредимая. Руки подальше от её кольца, еще не хватало парашюты спутать. Смотрю вниз. Вон Шлёма летит, там Орел от восторга матюкается, а еще ниже Бог. Где-то чуть выше Миля русские народные песни во всю глотку поёт. Вот оно счастье-то какое оказывается - это когда купол на месте.

Тяну за лямки моего парашютика-старичка. Типа таким образом модель "ДП-4" необходимо развернуть лицом по ветру. По-моему тот, кто эту чушь написал, сам ни разу с этим "ДП-4" не прыгал. Да и пойми ты, куда этот ветер дует. Кто последним прыгает, тому хорошо - хоть по лежащим на земле куполам можно направление ветра определить. Сейчас я его определить как-то совсем затрудняюсь. Будем считать, что ветер дует туда. Куда? Да хотя бы вон на те машины. Теперь скрестим руки и подтянем задние лямки, левую посильней, чем правую. Ой! Вроде скорость возросла и болтать начало. Не нужны мне такие качели. В народе подобное состояние называется мешком с дерьмом. Теперь я точно лечу на кучу военной техники. Ситуация мне перестает нравиться -прямо по курсу БМД, боевая машина десанта, выставила мне на встречу свою пушку. Если не расстреляет, то на кол точно посадит. С машины кто-то орет: "Чмо, ноги вместе! Обезьяна, сведи ноги! Чайник, сдвинь копыта!" Наверное не мне, хотя похоже, что мне... Сам дурак! Видишь, я сюда падаю. Отъехал бы что-ли... Земля начинает нестись навстречу словно на экране управления крылатой ракеты, когда та выходит на цель - картинка больше, больше, больше... Шлёп! В БМД я, слава богу, промазал. Мягкое приземление, как учили. Ну не совсем. Завалился набок головой об землю. Зубами щелкнул так, что аж кровь из дёсен появилась. Хватаем лямки, гасим купол. Да почти и не тащило - вспаханная полоса на какой-то несчастный десяток метров. Хорошо, что купол на куст налетел. Теперь можно встать. Сдираю шлем. В груди восторг, в ногах

дрожь. В голове одна мысль, достойная высшего сознания брахмана и Будды - Я ЕСЬМ!

Рядышком бухается Коля. Встаёт на корачки, растерянно трясет головой. Затем снимает парашют. Парашют его мало интересует. Как маленькое дитё он начинает забавно прыгать на одной ножке, потом снова падает, обнимает землю, нюхает цветы, целует какой-то гриб-поганку. Хороша штука жизнь! Наконец все успокаиваются, заталкивают парашюты в сумки и идут навстречу выехавшим машинам. Мы ещё пару недель половим удовольствие от воздушно-десантного бытия, а потом будем доживать остаток жизни настоящими мужчинами, к тому же научившимися летать.

БОСЯК НА ОРИЕНТИРОВАНИИ

В последнюю неделю пришло нечто под названием "западный циклон". Литовское небо, и до этого не шибко отличавшееся голубизной, затянулось свинцовыми тучами. Тучи редко оставались без дела - основным их занятием было ронять тяжеленные капли холодного дождя. В наступившем безветрии эти водные глыбы, словно миниатюрные бомбы, летели строго вниз, а потом взрывались мелкими всплесками в образовавшихся повсеместно лужах. Когда капли попадали на пилотку, раздавался глухой звук, и по лицу проливалась холодная струйка. Наш взвод опять стал как 33 богатыря, выходящих из пучины морской. Наступила стойкая нелётная погода. В нелетную погоду полковнику Ридкобороду надлежало с нами проводить теоретические занятия и семинары. Но Ридкобород был добрый дядька - в нелетную погоду у нас сплошняком начались практические занаятия по военной топографии, ориентированию на местности с отработкой приёмов проводки малых диверсионных и разведовательных групп по тыловой территории противника.

Сразу после подъёма Ридкобород появлялся в расположении, затем туда подъезжал Мама на "Уазике". Ридкобород приносил карты и компасы, а Мама привозил сухой паек. Взвод делился на рейдовые группы по три человека. Каждой рейдовой группе вручалась карта и маршрутное задание. Надо было найти на местности определенные ориентиры и заложить там в специальных местах герметичные баночки, в которых лежал простенький рапорт с номером группы, описанием пройденного маршрута и хронометражом - временем прохождения всяких ориентиров. Контрольный срок вернуться в часть - двенадцать

ночи. Дополнительное время до двух часов. До четырех утра период ожидания. Ну а потом ЧП и розыски, если кто где заблудился. Но никто не блудил, и дядька Ридкобород с Мамой спокойно объезжали места вчерашних закладок и снимали рапорта. А потом они уезжали в какой-нидбудь ресторан в Каунасс или даже в Вильнюс и там, наверное, эти записки анализировали, проверяя выполнение поставленных задач. Понятно, что для нас вместо занятия получалось ежедневное увольнение на природу. Одно плохо - маршруты были длинными, и на них приходилось серьёзно побегать.

Наша рейдовая группа состояла из меня, Коли и Шлёмы. Вообще-то Шлему звали Игорь по фамилии Ламин, но как-то Ламин незаменто трансформировался в Шлёму. Шлёма был коренной сибиряк из Новосибирска. Отец его был доцентом-математиком, которого, как частенько случалось с интеллигенцией в расцвет социалистичья, вдруг обуяла страсть к природе. Так вот доцент Ламин-страший наплевал на свой университский статус и ушел в тайгу охотником-промысловиком. И надо сказать, что эти вновь приобретённые навыки умудрился своему сынуле передать. Шлёма для нас оказался просто кладезем ценной информации, чукчей-зверобоем-следопытом. Он всё знал лучше аборигенов - где какая травка растёт, где какая зверюга пробежала. Ну ладно, что наша группа стабильно показывала отличное время и находила наиболее рациональные пути, но мы еще и с дарами всегда возвращались.

Вначале мы шалили мало - ну там наберем медку на какой-нибудь пасеке, надерем зелёных яблок, а то и спелой вишни или крыжовника с чьего-нибудь сада. Трясли раколовки и рыбацкие сети на Нямунасе. Сбор грибов, черники и дикой малины само собой в категорию "шалости" не попадал, так это была собственность сугубо социалистическая, а значит общедозволенная. Под конец мы решили, что нам надо со старших товарищей во всём брать пример, и мы стали прикупать на маршруты винца, а то и водочки. Однако бегать во хмелю тяжеловато. Поэтому мы старались по-возможности использовать попутный, а то и не совсем попутный, транспорт. Самое лучшее дело было такси - на троих вскладчину не шибко то и дорого получалось. Можно было в рекордно короткие сроки сделать закладку, а потом спокойно досиживать день в кино или на танцах. На танцах нас тогда местные совсем не обижали, да и трудно было обидеть эскадрон гусар летучих, которые сами кого обидеть не против. К тому же десантура народ дружный, а их

вокруг целая дивизия.

Вчера нам выпало бегать по болотам, устали как черти, да еще у Шлёмы "БД" совсем по швам расползлись. БэДэ, это не бедэ - это ботинки диверсанта. Добрый дядька Ридкобород сегодня над нашей рейдовой группой сжалился и дал нам самый лёгкий маршрут. А Мама привез для Шлёмы совершенно новые ботинки. Мы все ему обзавидовались, потому что остальные обуты в списанное старьё. В новых ботинках и комуфляже Шлёма смотрелся как настоящий диверсант-разведчик. Получив задание мы построились, козырнули, и Коля, как старший группы, резво скомандывал "бегом марш". Бежали мы метров сорок. Там за углом казармы в тени была курилка, где на лавочке мы и сели неспешно обсудить предстоящий день. Бежать по указанному дядькой Ридкобородом маршруту мы единодушно сочли недопустимой глупостью. Было предложено бежать на автостанцию, откуда спокойно уехать в Бирштонас. Там сойти, пересечь лес, найти указанную поляну и дуб с дуплом. Туда заложить записку с теоретически просчитанным маршрутным хронометражом и вымышленным описанием. А потом... Потом мнения учёных разошлись. Коля предлагал пойти в какой-нибудь буфет, потом на лодочную станцию, а потом в кино на вечерний сеанс. Шлема предлагал в кино не ходить, а прямиком завалить на дискотеку в Пренайский дом культуры. Мне же было как-то параллельно - хоть на танцы, хоть в кино, хоть играем в домино. Кинули монетку, выпало танцевать.

На автостанцию мы прибыли без приключений. Посидели в кустах, пока мимо не проехал "Уазик" с Мамой и Ридкобородом, потом вышли, за двадцать копеек с носа купили себе билеты, сели в атобус и поехали. Первая заповедь диверсанта - лучше плохо ехать, чем хорошо идти! Не доезжая пару километров до Бирштонаса, поросили водителя остановить, вышли посреди леса и взяли по компасу нужный азимут. По прямой до полянки получалось всего километров пять. Однако ломиться через буреломы и чащобы нам показалось неразумным, и мы выбрали облегченный вариант по грунтовой дороге. Получается на пару кэмэ больше, зато комфортней. Вышли мы на эту дорогу, и тут начался знаменитый литовский дождь. Дорога за минуты превратилась в заполненную коричневой жижей канаву. Если по такой часок пошагать, то танцы отменяются автоматически из-за непотребного внешнего вида танцоров. Шлема же нас уверяет, что стесняться нечего - мол на обмундировании защитного цвета маленькая грязь не видна, а большая сама отпадёт. Вот только

новые ботинки ему жаль. С этими словами он остановился, снял ботинки и повесил их на наш вещмешок. У нас был всего один вещмешок на всю группу, который мы несли по очереди. Так и пошел он дальше по этой грязюке босиком. Мы же к такому сусанинскому подвигу были морально не готовы, разуваться не стали, хотя Шлемины ботинки несли безропотно.

Шел Шлёма, шёл, да стали у него наколотые стопы болеть. Бросил бы это дело в дикаря играть, обулся бы... А он не хочет. Наткнулись на брошенную покрышку. Шлёма достал нож и сделал какие-то широченные и длинющие чуни, не то лыжи, не то сланцы. А в них еще хуже идти - и ногу трёт, и застревает. Но уж больно потешные говнодавы получились. Решили мы их с собой взять - ребят вечером повеселить, показать, какой Ламин индеец. Связали эти лапти-самопалы и тоже на вещмешок повесили. Идем дальше. Дождь кончился и всё заволокло туманом. Не так, чтобы уж очень густым, но ориентированию не помогает. Пролетели мы полянку, вышли к ручью-оврагу. А на берегу ручья лужок и маленькая ферма-хуторок. На той ферме два крестьянина-лабуса телка забили, мясо здоровыми кусками порубали и повесили под навесом, а сами спустились к ручью коровью шкуру отмывать. Им снизу нас не видно. Сразу так шашлыка говяжьего захотелось...

Шлема достал нож и инструктирует: "Если они назад пойдут, то кукуйте кукушкой, а я пойду немножко мяска умыкну. Я босой и литовцы по следам ни за что не догадаются, что это десантура шалила. Подумают, что бомжи". И нырь в крапиву. Хорошо, что у литовцев на этой фермочке собаки не оказалось. В момент Шлема возник под навесом, подскочил к самой большой ляжке и отпанахал самый первосортный кусищще. А потом согнувшись как боец под пулями, побежал назад. Затем мы все вместе на дорогу выскочили, метров сто тикали по самой глубокой луже чтобы не оставлять следов, а по первому встретившемуся болотцу ушли в лес. Там стали, прислушались. Погони нет, да и вообще не ясно, заметили ли крестьяне пропажу.

Моральное оправдание поступка стереотипно - учения, приближенные к боевым, а в рейде десантура трофеем не пренебрегает. Мясо переложили в полиэтилленовый пакет. Мы всегда брали с собой кулёчки для подножного корма. Теперь дело за малым - определили по карте наиболее вероятные ближайшие огороды, чтоб шашлычок получился как положено - с кинзой-петрушкой, зеленым луком, редиской, огурчиком или что там попадётся. Ну и печёная в костре молодая картошка на гарнир.

Соль своя. Огороды оказались на опушке в каком-то полукилометре. Вегетерианской частью обеда разжились вообще без приключений - вокруг ни души, а саперная лопатка дело быстро делает.

На открытой местности переориентировались, взяли новый азимут и через полчаса уже сидели на нужной полянке. А вот и дуб с дуплом. Залезли в дупло - чёрт, там еще записка вчерашней группы не снята, значит Ридкобород здесь еще не был. По времени нам тут надлежит появиться не раньше четырех дня, а пока только полдесятого утра. Делать нечего, придется ждать. Наблюдательный пост мы соорудили на старой расчистке, чтоб издалека увидеть подъезжающий "Уазик". Один сидит в засаде, двое отходят в лес и занимаются шашлыком. Запалили малюсенький костерок, засыпали его травой. Столб дыма идёт вертикально вверх, запах слишком далеко не разносится. Порядок, значит можно и большой костёр палить. Ридкобород хоть вояка опытный, но вряд ли по дыму нас найдёт. Если только на дерево залезет... Свежие следы у дуба мы заблаговременно ветками замели, да забрызгали водой из луж. Получилось довольно плохо, на "после дождя" не совсем похоже, но Шлёма там босиком походил, мол какой-то случайный местный шизик-босяк тут шлялся.

Разыграли на спичках наблюдателя. Выпало мне. Залез я под елку, везде мокро, а на старой хвое тепло и сухо, как в палатке. В "амбразуру" под нижними ветками хорошо просматривается грунтовка - единственная дорога, по которой может ехать Ридкобород. Ждать пришлось не долго, вскоре на краю поля появился "Уазик". Дистанция вполне безопасная для предупредительного свиста. Я свистнул, в ответ два коротких свистка, сигнал принят. Теперь бегом в лес к полянке - уж очень интересно, как Ридкобород будет закладку снимать. Мы собираемся у заранее выбранного куста бузины, здесь нас офицеры ни за что не заметят. Раздается урчание "Уазика", ползущего по залитым ухабам, а потом не совсем стройная песня - луженные глотки полковника и майора орут на весь лес: "Парашютик мне напо-о-омнил над Россией облака...Эх, лучше нету войск на свете, чем десантные войска!" Теперь за следы можно не волноваться - "Уазик" шумно плюхнулся в лужу и, словно тяжелый крейсер, всё смыл громадной волной.

Офицеры остановились, вышли, сладко потянулись. Ридкобород полез в дупло, достал оттуда банку, извлек записку и

принялся читать её вслух, нудно и монотонно, как пономарь на похоронах. Однако концовка получилась весьма эмоциональной: "Уроды, чмошники, страусы с гнилыми организмами! Ну кто так в рейды ходит!?" Потом добрый дядька Ридкобород спрятал записку в планшет, и по его довольной морде было видно, что задание у вчерашней группы зачтено как "успешно выполненное". Офицеры расстелили на капоте газетку, порезали колбасы и хлеба, достали по бутылочке пивка. Завтрак на скорую руку, похоже решили подзадержаться на нашей точке. Но тут потянуло ветерком, и как на зло по направлению от нашего костра. Ридкобород повёл носом и изрёк: "Чуешь, Саныч, тут не далеко какая-то гнида костёр палит. Не охота место схрона светить - я уж этим дубком который год пользуюсь. Давай, садись в "Козла", да дёргаем отсюда! По пути покушаем". Начальство уехало, а мы с дружным хохотом высыпали на полянку. Нас обуяло забытое детское чувство, что частенько возникает у пацанов в подобных ситуациях - мы наперебой принялись кривляться и передразнивать офицеров.

Костер уже прогорел, самое время в угли закопать картошку, а сверху повесить шашлык. Тут даже солнышко выглянуло. Вторая заповедь диверсанта - лучше переесть, чем недоспать. Неспешно, но плотно поели, сходили к ручью, почистились, подсушились. Опять смотались к дубу, заложили уже свою писульку. Всё, теперь можно спокойно выходить в цивилизацию. Перед гульками вещмешок с "дармы природы" решено было закинуть в камеру хранения на той самой автостанции в Пренаи, что в пяти минутах ходьбы от части и откуда утром началось наше путешествие. Уже особо не скрываясь, мы пошли к ближайшей автобусной остановке. Расположение остановок и расписание автобусов мы знали - эта важнейшая развединформация загодя коллективно собиралась, кропотливо записывалась и наносилась на карту. Потом эти карты (которые вообще-то были секретными и по идее должны были сжигаться) кочевали на курс годом младше. У нас сейчас записи предыдущих лет. Согласно им первый автобус должен был вскоре подойти, поэтому надо спешить. Подошла Колина очередь нести вещмешок. Пошли напрямки, а это через скошенное овсяное поле. Колкая стерня впилась в босые Шлёмины ноги и тот обул свои лыжи-говнодавы. Последние сто метров уже бежим, что есть мочи - к остановке подходит автобус, расписание за год не поменялось.

Запыхавшиеся, мы едва успеваем втиснуться. Шлёма лезет в

переднюю дверь, а я с Колей в заднюю. У нас еще так-сяк, средняя лошадность, а впереди вообще давка старшная. Шлёма прыгает на ступеньки, и тут выясняется, что край его гигантской обувки на ступеньку поставить можно, а ноги - нет. Он скользит несколько раз, молотит ногами по ступенькам и наконец с грохотом плюхается прямо под набегающий народ. Безжалостные пассажиры лезут через его спину. Тут Игорь прыгает задом прямо в толпу и там застревает своей задницей. Теперь из дверей торчат его ноги в гиганских штиблетах-шинах. Непонятно, что там в зеркало увидел водитель, но он что-то быстро объявил по-литовски. Народ принялся гневно гудеть с интересом посматривая на переднюю дверь. Тогда водитель с заметным акцентом объявил уже по-русски: "Вооеннный, заабери своего сома в дверь - твоя рииба наружу торчит!" Тут уже истошно завопила какая-то тётка-правдоискательница: "То не рыба, то у него такие ласты из колёс, он в них в автобус залез! Езжай, водитель до пункта милиции, надо этого хулигана там сдать".

Обстановка опасно накаляется. В довершение мы замечаем, что прямо перед Шлёмой стоит здоровый десантник в чине старшего лейтенанта. Шлёма одет в форму, а мы с Колей уже военные куртки стянули и остались в разноцветных футболках, чтобы особо не светиться. Лейтенантище наступает Шлеме на край его "сланца", а самого хватает за шиворот. Шлема начинает жалобно оправдываться: "Товарищ старший лейтанант, я был на полевом занятии по топографическому ориентированию. Закладку ставил в болото. Чтобы не мочить ботинки, решил разуться, а когда вернулся, то увидел, что их кто-то украл. Пришлось из подручных материалов смастерить временную обувь. Вот с маршрута сошел, направляюсь в часть!"

Народ тут же переметнулся на сторону Игорька, стал орать на офицера и просить отпустить бедного солдатика. Рядышком едет какой-то русский мужик, тот начинает гневно расспаршивать подробности. Другой мужик, уже литовский, начинает с ним спорить, доказывая, что литовцы такого сделать не могли, а обувку скорее всего спёрли другие русские. И тут этот литовец замечает Колю, за спиной которого болтаются армейские ботинки, явно десантного образца. Литовец спрашивает Шлёму: "соолдатас, у-уу тебя таакие виисокие боотинки были?" А потом указывает на Колю - "воон он воор!!! Я же гоовоорил, руусский!" К нам через толпу начинает продираться разъяренный громила-старлей. Ничего не понимающий водила останавливает автобус и на счастье открывает двери. Я и Миля долго не думаем -

выпрыгиваем из автобуса и даем стрекоча от греха подальше. Через секунду десантируется Шлёма и шлепает своими покрышками нам в след. В догонку что-то орёт высунувшийся лейтенант, но тут двери закрываются, и автобус отходит. Мы переводим дыхание, заставляем Ламина обуть его злосчастные новые БД и бредём назад к остановке ждать следующего автобуса.

ПРИКОПНИТЕ БАБКУ

Вот и пролетела войсковая практика, мы вернулись в Ленинград. Завтара добрый дядька Ридкобород будет приминамть устный зачет за паршютно-десантную подготовку, а сегодня делать нечего. Не, ну по идее надо книжку читать. Но это совсем дело лишнее - он еще вчера вечером позвал Батю, нашего художника Виталика Руденко, и приказал ему каллиграфическим почерком подписать все зачётки. В графе "оценка" было велено написать "зачтено". А потом Ридкобород во всех зачётках расписался. Батя порученную военную тайну в секрете не сдержал - срали мы теперь на этот зачёт. Больше никто ничего учить не будет. Будем гулять и к отпуску готовиться.

К нам в комнату забегает взволновнованный ленинградец Вовка Чернов. Чернов, это курок с третьего взвода. Он не десантник, но всё равно мне с Колей друг.

-- Мужики! Помогите прикопнуть бабку.

-- Чего?

-- Да дело тут такое... У моей бабушки есть подруга - в обед сто лет. Должно было быть. Померла она. Бабуська совсем одинокая, хоть и дружек куча. Но там все бабульки - свидетельницы бытия Ивана Грозного, ну самые молодые - так деяний Петра Первого. Короче хоронить некому; нужна помощь в виде простых мужских рук. А кроме вас никого нет. Мне мать пятьсот рублей дала, так что поминки с водкой гарантирую!

Вовкин отец воевал в Афгане, а его машиной "Волгой"-фургоном Вовка пользовался по доверенности, как своей. Поехали мы в мастерские Академии. Там нам за сто рэ сварили примитивный памятник - треугольный обелиск с крестиком. Покрасили мы этот памятник серебрянкой, а когда тот просох, то привязали на Черновскую "Волгу" на крышу, на багажник. Ещё за стольник мы заказали в похоронном бюро маленький автобус "Пазик", на пару сотен накупили водки и вина, а остальные деньги в НЗ оставили - неприкосновенным запасом на всякие накладные расходы. Гроб нам Коля сделалал за бесплатно из

досок, что уж год как валялись во дворе Факультета, а оббивку бабушки принесли. Они же и поминальный обед наварили. Короче - завтра погребение.

Мы нашему прапору Вась-Петровичу Чудаку ситуацию доложили и на зачёт первыми пошли. Добрый дядька Ридкобород наши мудрствования особо слушать не хотел, и уже через пять минут мы оказались свободны на все четыре стороны. Вышли мы с "Тактики", а там уже Чернов нас на папиной "Волжане" поджидает. Сверху ракетным обтекателем надгробный памятник красуется. Сели, поехали бабушку хоронить. Приехали. А там уж всё готово - надо бабушку из квартирки на табуреточки вынести, чтоб на подъезд в последний раз посмотрела, дальше загрузить в автобус и везти на кладбище. И тут до нас доходит простая такая ситуация - чтобы гроб нормально нести, а тем более в могилу опустить ЧЕТЫРЕ мужика надо! А нас трое. Тогда мы приши к временному решению. Вначале надо в автобус сначала загрузить всех живых бабушек, а потом через специальную заднюю дверь как-нибудь втроём умудриться запихать гроб. Колю мы решили поставить в ноги одного - он самый сильный, пусть согнувшись в обнимку несёт.

Стали мы заводить бабушек в автобус, а одна балулька... Ну столько не живут, какая старая - на ступеньку автобуса ногу поставить не может. Чтоб сразу двух не хоронить, Чернов её в свою "Волгу" на заднее сидение усадил. Затем мы кое-как задвинули гроб в автобус и дали водиле червонец сверху, чтобы тот неспеша за нами на кафедру подъехал. Разворачиваемся, едем обратно на "Тактику". Смотрим в числе самых последних с зачёта выходит Поль. Морда довольная - мужик в отпуск собирается. Поль, он же Поляков, родом из Пятигорска, мне почти земляк. Я опускаю окошко и ору ему:

-- Поль! У тебя билет на когда?

-- На завтрашний вечер, а что?

-- Тогда садись с нами немедленно - на часок твоя физическая сила срочно нужна, а уж обед гарантируем.

Поль, не слишком вдаваясь в подробности, садится к нам в машину, пожрать мужик всегда любил. Он вообще-то молчун был, если скажет за день три слова, то уже вроде как выговорился. Поэтому до Пискарёвки он рта не раскрывал, пока Вовка нас просвящал, какая старушенция странная - вроде ещё с Блокады у неё антиквариата на мульён. Это ему его родная бабулька рассказала по секрету - вроде как та работала в пекарне, а отсюда

и богатство . Чернов за рулём, я рядом, сзади с одного боку Коля, с другого Поль, а посередине бабка. В конце концов Поль спрашивает:

-- А что за помощь?

-- Да делов-то пустяки - бабку прикопнуть.

-- Это у которой миллионы?

-- Ну да!

Тут Поль недоверчиво смотрит на сидящую рядом старуху и вдруг начинает истошно орать:

-- Остановите машину! Выпустите меня! Я в вашем деле не участвую!

-- Ты чё? Делов то на минуту! Совсем оборзел, уже почти приехали.

На повороте к кладбищу Чернов сбавляет скорость, а Поль открывает дверь и пытается выпрыгнуть на ходу. Нам, сидящим впереди, всё еще не понятен ход Поляковской мысли, а вот до Коли ситуация уже дошла. Тот хватается за живот и начинает истошно ржать. Сидящая же рядом бабка из ума совсем выжила и, глядя на Колю, тоже начинает громко смеяться, во всю открывая свой беззубый рот. Поля такая реакция смутила, тот подобно бабке открывает рот, правда не смеётся, но уже и из машины не прыгает. Коля нам орёт:

-- Мужики, он подумал, что это ЭТА бабка! Поль - вон бабка! Сзади нас, в автобусе.

Тут и мы начинаем ржать. Поль смущенно улыбается:

-- А-а-а!!! Ну если она уже того... В смысле естественной смертью, то я что... Я "за"! Прикопнём, какие дела!

Подъехали к могиле. А при социализме на кладбище как было - единственное место, где рэкет. Выкопают экскаватором "Беларусь" какую попало яму, а чтоб всё цивильно прошло - плати им сверху. Если не хочешь платить, то сам в эту яму лезь уголки подрубать, да комки разбивать. А тут не то что комки - тут глыбы мраморные! Земля - плотнейший суглинок, каждая вывернутая экскаватором грудка не меньше, чем по центнеру. Об такую лопата звенит как об камень, разве что искры не высекает. От такой безысходности у нас даже руки опустились - это ж как такое на гроб кидать? Как пить дать поломается... Что потом бабушки скажут - они в таких делах щепетильные... Смотрим, а неподалеку тот же "Белорусь" другие могилы роет. И тут Коля берёт главную роль:

-- Так, гробик вынесли, вынесли! На небко голубое душа пошла, а землица да будет пухом... Ну-ка крышечку сюда!

Молоточек, гвоздики! Веревочки поддели. Теперь понесли, опустили! Да мягко опускать, не как Брежнева! Теперь все по горсточке кинем. Ну-ка все по горсточке и в автобус. Не надо вам здесь мерзнуть - пожилым людям необходимо о здоровье заботиться. Как будущий врач говорю. Все в автобус, а мы пока будем грудки разбивать, да землицу мягкую выбирать.

Про Брежнева он не зря вспомнил - того церемониальная группа Кремлевской охраны с таким грохотом в могилу опустила, что вся страна до самой Перестройки этот случай вспоминала. Пока бабушки своими слабенькими ручками кидали жменьки землицы, Коля успел сбегать к трактористу. За очередной червонец он попросил того подъехать к могиле и бульдозерным ножем сгрести кучу обратно в яму. Тот выразил законное сомнение: "А меня после не побьют?" Коля заверил, что не побьют, и вообще ритуальный порядок - это его проблема. Тракторист подогнал свой "Беларусь", но боязно остановился недалеко от могилы. Мы же подбежали к бабушкам и стали их под ручки усаживать в автобус. С нами оталась одна наша старушенция, что в автобус залесть не могла. Тогда Коля махнул рукой водителю, и тот увёз бабушек на поминки, а тракторист, видя, что опасных свидетелей нет, за секунды засыпал яму. Мы воткнули памятник и разложили венки, забрались в "Волгу" и поехали кушать. Всю дорогу наша бабка то плакала, то смеялась не пойми от чего.

По приезду на поминки бабушки нам быстро налили по стакашке. Мы не чокаясь выпили и принялись уплетать наваристую куринную лапшу, салат оливье и голубцы.

-- Повезло покойнице! Не как Брежнева! Какие мальчики хорошие! И землицу мягкую! И без грудок! - восторженно слышалось со всех сторон.

Наша бабка тоже дернула стопарик, но что это похороны её подруги, она уже забыла и вскоре затянула песняка. Другие бабки на неё зашипели и повели под руки спать. Ну а мы, прихватив пару пузырей, поехали догуливать на Факультет. Тут нам больше делать нечего - миссия выполнена, завтра в отпуск.

* * *

"Экватор" или 3-й курс:

ДАНАЯ И ГРАЧИ

Вот и вернулись мы, уже третьекурсники, с отпуска. Пронеслась халявная лекционная неделя, начались занятия. Только мы втянулись в учёбу, как нате, гром среди ясного неба - к нам едет ревизор. Да не какой-нибудь там занюханный ревизоришко, а самая настоящая комиссия всесторонней проверки из самого Министерства Обороны. Чего так - а так, Андропов к власти пришёл, и в армии (как и везде) началась политика "закручивания гаек" - то бишь укрепление дисциплины. Весёлый был период - помню даже гражданских менты по кинотеатрам гоняли, мол почему это вы, граждане, в рабочее время кино смотрите? А про войска вообще молчу - тут уж из нашего начальства рвение полезло из всех анатомических отверстий. Ну и довеском, разумеется - смех и глупость из голов, что это излишнее служебное усердие демонстрировали. Правда возвышались эти кладези мудрости над генеральскими и полковничьими эполетами, и в момент изречения их сакральной чуши, нам было совсем не до смеха.

Сюжет и действующие лица: шмон в курсантском общежитии нашего Факультета. Московская комиссия завтра, а местная, значит, сейчас. Внутренний порядок проверяется наиболее сознательным элементом - двумя замполитами. Ну понятно, наш политпросветправедник Вася Иваныч Кононов (Серпомолот) тут как тут, но ведь принесла нелёгкая самого замполита Академии, генерал-лейтенанта Логинова! А дедушка норову был капризного - факультетские офицеры и начальники курсов перед ним летают как молодые, а курсанты в строю вообще дрожат, как котята после ванны.

Застроил генерал третий курс, в страшном гневе смотрит причёски: "Почтальоны! Это же декадОнские хиппи! Это же мелкобуржуазные панки, а не вояки! А вы уже большие! И писять-какать нет! И чтобы было!!!" *(дословно)* Рядом стоят трепещущие начальники курсов, генерал, обращаясь к офицерам, переводит гнев в конструктивное русло: "Вы мои пальцы, а я ваш кулак! А вместе мы..." С этими словами поднимает правую руку вверх и скручивает её в... дулю!

Затем дана команда разойтись личному составу по комнатам. Начинается собственно шмон. Генерал входит к нам в комнату. На двери весит "Даная" Рембрандта (репродукция, конечно, но ещё до того как оригинал в Эрмитаже кислотой залили, напомню сюжет - голая баба на кровати с поднятой рукой), а на стене висит Саврасов "Грачи прилетели" (весна,

церквушка, грачи в небе и на земле). Полковник Серпомолот, разъяренный как бешенный слон во время неудачного гона, шмонает соседнюю комнату. Оттуда явственно слышны топанье его кованных сапог и постоянные трубные завывания, в наиболее острых моментах переходящие в громкий, нечленораздельный рёв.

Генерал Логинов удовлетворённо слушает старательные рулады полковника, потом замечает картину на двери. Он некоторое время пристально смотрит на "Данаю", но вот его брови ползут вверх и глаза вываливаются из орбит. Похоже, он уже дал свою оценку живописи периода Ренессанса. Наконец генеральские щёки начинают нервно колыхаться, он набирает в лёгкие воздуха побольше и орёт: "Это что!?" Старший по комнате, курсант Женя Велиев, тихо отвечает: "Рембрандт, Даная". Генерал вылетает из комнаты с силой ударив по двери. В коридоре сиреной воет его фальцет: "Нет! Это порнография и три наряда!!!"

На его вопль в комнату тут же врывается Серпомолот. Дверь прижата к стене и "Данаи" не видно, зато видно "Грачей". Полковник тупо смотрит на картину и в гневе повторяет генеральский вопрос: "Это что!?"

Женя тихо отвечает: "Саврасов, Грачи прилетели".

Замполит: "А начальник курса разрешал!?"

Курсант: "Нет".

Замполит *(дословно)*: "Так, вот, если бы начальник курса разрешил - то пусть прилетают, а раз нет, то ПОРНОГРАФИЯ!!! Пять нарядов!"

Курсант, срывая картину со стены: "Есть порнография!"

Замполит: "Да я тебя за такой ответ вообще на губу отправлю! Порнография у него есть!"

Курсант: "Виноват, товарищ полковник. Есть пять нарядов вне очереди!"

И пришлось всей нашей комнате стоять по пять нарядов - Жене от замполита Серпомолота, а нам по "пятаку" уже после Автоковбой приписал за компанию (если помните - это так нашего начальник курса звали).

ВКУСОВАЯ ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ

На третьем курсе сдавать Патан, или Патанатомию, если уж официальную терминологию использовать. На втором курсе Патан у нас вёл капитан Сидорин, или просто Сидероз, как все

его называли. А на третьем курсе капитан Сидероз исчез, а появился майор Сидероз. Все нормальные капитаны такую трансформацию в выходные делают, но Сидероз соригинальничал - во вторник у него на погоне куча мелких звёздочек, а в четверг - одна большая. Значит вчера процесс той самой метаморфозы и происходил. А что процесс был по правилам, мы не сомневались - это по похмельному лицу полумертвого Сидорина сразу видно было. Да какой там полумёртвого - большенство трупов в его секционной живее выглядело.

Зашёл Сидероз в класс взъерошенный много больше обычного, бледный и слегка пошатываясь. Ну мы поздоровались и сразу же поздравили с присвоением очередного воинского, а он только рукой махнул - нехорошо видать себя чувствует. Раздал нам "крестики-нолики" - его фирменный экспресс-опрос, сам на стул сел, голову рукой подпёр и всем видом нам показывает, мол ребята, сегодня меня не трогайте. И видно, что его сильно сушняк мучает - всё время в угол класса смотрит, где раковина и водопроводный кран.

А занятие у нас было вобщем-то халявное. Типа лабораторной работы. Нам поставили кучу химикатов и дали подготовленные кусочки тканей - мы эти стекляшки должны были разными патанатомическими методиками покрасить. Типа анализ биопсии по-быстрому. И как положено среди всяких склянок у каждого перед носом стоит плоский стаканчик со спиртом для фиксации препарата и отмывки лишнего красителя. Мы себе копаемся потихоньку, радуемся, что сегодня Сидероз опроса делать не будет.

Сидел, сидел Сидероз и видно пить ему уже невтерпёж охота. Давай он на часы смотреть - скоро ли перерыв? Минут пятнадцать до перерыва не досидел, срывается и выходит из класса. Через пару минут опять заходит. Очевидно уже сушнячёк утолил, а в руках держит большую колбу и обычный стакан. В колбе той на донышке миллилитров двести прозрачной жидкости. Он на горлышко колбы бережно стакан одел и сверху салфеточкой прикрыл. Такой вот аккуратненький натюрморт на преподовском столе - как графинчик у докладчика на трибуне партсобрания.

Когда Сидероз на перерыве из класса вышел, стали мы гадать, что у него в этом графине налито? Вода, водка или спирт? Заглянули в графинчик, а там проза жизни - обычная вода. Наверное Сидероз решил, что не культурно будет перед курсантами в углу согнувшись воду из-под крана хлестать, вот и устроил себе солидную поилку. Тогда мы решили подшутить. Взяли мы и из наших плоских стаканчиков ему в колбу спирта добавили. И довольно солидно получилось - если не водка, то лишь чуть-чуть слабее. Ну весь его натюрморт обратно восстановили.

Заходит Сидероз. Продолжаем занятие. Минут двадцать прошло. Берёт Сидероз свою колбу и наливает пол стакана. Подержал чуть в руке для вида - мол не сильно то меня жажда мучает, и давай интеллигентно так, мелкими глотками пить. Глотка четыре сделал, но на середине следующего замирает, поперхнувшись, ставит стакан на стол и обводит взглядом курсантов. Стоит гробовая тишина. Сидероз закатывает к небу глаза и морщит лоб - явно что-то пытается вспомнить. Наверное вчерашний день. Вдруг его лицо озаряется и губы расплываются в блаженной улыбке. Вроде как в немом кино: "Эврика! Теперь мне всё ясно!!!" Сидероз молча встает и быстро выходит из класса.

У нас паника: ну всё, влипли, за ИО или начкурса побежал!!! А тогда на Кафедре Патанатомии был очень стрёмный период - их бывший глава (по-моему полковник Болихин, если не изменяет память) написал записку "Не помогает даже седуксен" и того - повесился. У этого профессора потом на его родной кафедре опухоль мозга нашли. Так вот, другой профессор, свежеиспечённый ИО (исполняющий обязанности) безвременно усопшего начальника, в Андроповский период подобно замполитам дисциплину и успеваемость всемерно укреплял и углублял. Короче не совсем правильное время для крутого залёта.

Мы быстро выливаем водку из колбы и стакана, ополаскиваем всё, чтобы запах отбить, и снова заполняем тару водой. Сели, ждём чего будет. Минут через пять появляется Сидероз, а в руках у него чебурек!!! Он, наверное, успел в буфет сбегать, что в вестибюле Морфологического Корпуса был (а может и сейчас есть). Затем Сидорин небрежно садится за стол, доливает стакан из колбы, разламывает чебурек, залпом выпивает, занюхивает и замирает... После минутного разглядывания окаменевших курсантов он начинает нюхать

колбу. Потом пощипывать себя за язык - наверное испугался, что с ним, как с его шефом-профессором, что-то неладное происходит.

Наконец рассеянная неуверенность проходит. В глазах обычно невозмутимого Сидероза появляется ярость. Он ещё с минуту обводит каждого курсанта испепеляющим взглядом. Затем выражение его лица меняется на противоположное - на гримассу крайней жалости. Сидорин встаёт и тихо говорит: "Эх, ребята, ребята. Это ведь подло. Так поступают только совсем опустившиеся алкоголики. А пить курсантам, так вообще по Уставу не положено. Тем более на занятиях. Тем более чужое". Наверное Сидероз подумал, что спиртяга со вчерашнего осталась, а мы её на перерыве втихую выдули. Кстати нам ничего не было - Сидероз свой парень!

ПОЧЁМ И ГДЕ?

Нет, кроме шуток, просто майора Сидероза в нашей курсантской среде уважали куда больше, чем например генерал-майора Образцова, начальника нашего Факультета. Тому вообще не понятно, на кой ляд змейки в петлицах - сапог сапогом был. А вот Сидероз специалист был суперграмотный. Патанатомия наука сложная, и главная её сложность состоит в том, что очень многое буквально на микроскопическом уровне запоминать надо. Зачастую тут логика бессильна - только знания в чистом виде. И таких знаний у Сидорина было через край, в практической Патанатомии он любого бил. Вообще дядька был интересный - и без похмелья всегда лохматый, да и смешно картавил. Но добродушее своё, как и высочайший профессионализм, он от нас не скрывал, хотя слов "не знаю, не видел, не пойму" не стеснялся. Ну и мы ему всегда готовы были чем-нибудь услужить.

Один раз за каким-то делом понадобилась Сидерозу свежее серое вещество мозга абсолютно здорового человека. Он обзвонил всех своих знакомых патанатомов, да судмедэкспертов, и вот в одним морг на Петроградской Стороне поступил какой-то свежий труп после аварии. Сидероз тотчас принялся эксперимент в своей лаборатории готовить, а сам просит Колю, мол не в службу, а в дружбу, не съездишь ли за биоматериалом, а то я сам не успеваю. Да дело то нехитрое, раз Сидероз просит, чего же не съездить. А чтоб не скучно было, Коля до кучи и меня сагитировал. Поехали мы.

Приезжаем в тот морг, а там в коридоре на каталках трупы лежат. Аж четыре. Видать только что поступили - простынками

покрыты, хотя ещё в одежде. Мы-то привыкли к секционным залам Академии и обстановочку рассматривали с интересом, ведь если честно сказать, то в реальном городском морге мы оказались впервые. Нашли нужного доктора, передали ему привет от Сидорина. Дядька и говорит, ну раз так срочно надо, то я прямо сейчас самого свежего вскрою и мозги извлеку. Только вот какая незадача - гады санитар с прозектором куда-то испарились. Не могли бы вы ребята сами тело из коридора в секционную закатить и положить на стол. А вот вам ножницы - перед тем как на стол ложить, надо всю одежду снять, а что не снимается, то срезать. Опять же дело не хитрое. Конечно можем!

Взяли мы ножницы, пошли в коридор. А там свет такой отвратительный, какой-то казематный полумрак. Я откинул простыню на ближайшей каталке - у трупа вместо головы месиво, не надо нам такие мозги. Хотим оправдать доверие Сидероза - хороший материал ему доставить. Посмотрели мы на этот ужас, хоть и третий курс, а как-то даже боязно стало. Коля идёт к следующей каталке. Поднимает простыню - о, то что надо! Немножко заблеванный, зато совершенно целый. Совсем молодой, похоже. Я тогда к третьей - там како-то дед небритый, не шибко и старый и тоже целый. У деда может быть какой-нибудь там атеросклероз, уж лучше у молодого мозги взять. К четвертому трупу мы даже не подходили - там совсем темно.

Хватаем мы каталку с молодым покойником и спешным образом гоним ее из этого мрачного карцера в ярко освещенную секционную. Дверь из морга в коридор остается открытой, и как раз у противоположной стены в проёме двери стоит каталка с трупом дедка. Коля, не долго думая, простынь задирает от низа и до пояса, хватает трупа за ногу с намерением снимать ботинок. А там шнурки в узел. Коля ширь туда ножницами. Тут трупешник ка-а-ак ногой дёрнет! А потом ка-а-ак за голосит чего-то несуразное! А ему в ответ тот дедок в дверях что-то ка-а-ак завоет и со страшнум грохотом кубарем с каталки!

Тут даже десантная подготовка не помогла - мы в том морге так пересрались, что чуть не получили по разлитому инфаркту. Оказалось, что это гады санитар с прозектором надыбали спирта, да ужрались в трабадан. Ну и нашли самое безопасное место - в коридоре. В той темнице кроме них самих никто тела на каталках беспокоить не смеет. Мы же побеспокоили... Потом врач на этих работничков таким матом орал, что и портовый грузчик бы обзавидовался. В конце концов, пообещав на утро крупные

неприятности, он их выгнал домой проспаться. Нам же дал корвалола с пустырником, что обычно держал для родственников усопших. Потом мы уже втроём пошли опять в коридор, где на чевтёртой каталке был "наш" покойник.

Точно убедившись, что это мертвец, а не очередной собутыльник, быстро закатили его в морг, и патанатом приступил кработе. Щадя наше время, он несколько нарушил рутинный порядок вскрытия, и вот вскоре извлеченный человеческий мозг поступает в наше распоряжение. Сразу возник вопрос - куда эти мозги положить? Патанатом очень удивился, когда узнал, что мы пришли без тары. Наверное Сидорин в своих научных мыслях про тару просто забыл, а может посчитал, что в городской прозектуре, как на кафедре, по первому требованию готова банка. Банки оказались подотчетными. Тогда патанатом нашел какой-то плотный полиэтилленовый пакет и положил туда мозги. Одно плохо - это кулёк был полностью прозрачным. Тогда мы нашли второй пакет, уже более белесый. Через два кулька уже не так сильно просвечивало.

Поблагодарили мы патанатома и поспешили на кафедру к заждавшимуся Сидерозу - прямо с нашей поклажей попёрли в метро. Никто особо на нас не косился, никакого интереса у прохожих наш груз не вызывал. Только когда влезли в вагон одна женщина всплеснула руками и спросила:

-- Молодой человек! А в какую цену и где вы такие хорошие мозги взяли?

-- За бесплатно в морге.

НА ФОНТАНКЕ ВОДКУ ПИЛ

Вот и зимнему семестру конец. Эта сессия трудная, вот начальник курса и ршеил обеспечить дополнительный денек для учебы - суточного увала на Новый Год нам не дал. Более того, наш Автоковбой "удачно" выгреб все подготовленные к празднику запасы водки, которые мы по глупой наивности, недостойной третьекустников, спрятали в "надёжном месте" - в сапогах ушедших в увольнение. Только один факт, что водка оказалась безхозной (ну не признаваться же!) спас нас от больших нарядов. Это несколько скрашивало полностью пропавший праздник. По подъёму устроили проверку личного состава, и сразу после команды "разойтись" мы с Колей "разошлись" в самоволку.

Идти не к кому и денег нет. Город спит, хоть и полдевятого

утра. Вылезли на Восстании, плетёмся (в форме!) по пустому Невскому. Метров сто от метро пивные ларьки тогда стояли - и чудо, работают! Смотрим, выбегает из подворотни какой-то курсант-общевойсковик, хвать три кружки и назад, в проходной двор. Мы за ним - вдруг на халяву поделится.

Там ещё двое курков стоят, тянут пивко и брезгливо смотрят на наши змейки в петлицах. Ребята оказались из ВИФКУ - военные физкультурники. Мы, типа, а как бы поделиться, мол ситуёвина сложилась, даже на пиво нет. Ребята взяли нам по кружечке, но чувствуя своё тактическое преимущество, базарят вроде о бабах, но подкалывают нас, "академиков". Мол, мы несмелые интеллегенты в этих вопросах. Коля их послушал и говорит: "Спорим на четыре кружки пива, что поцелую среди бела дня первую попавшуюся девушеку на Невском!"

Ну ВИФКУвцы в осадок, давай, парень, целуй, а за пивом не заржавеет! Вышли мы в пятером из подворотни, смотрим - "жертва" идёт. Коля бегом к ней с объятьями и воплями: "Леночка, золото, я тебя всё утро жду!" Девка остолбенела. А он раз - и поцеловал. А потом отпрыгнул, сделал удивлённую морду, вытащил очки, нацепил на нос и вроде вглядываясь ей в лицо сконфуженно залепетал: "Ой, не Лена, пп-ппростите, обознался".

ВИФКУвцы нам опять пива купили. Заговорили за здоровье, мол "шприцы" (то есть курсанты-медики) все дохлые. Это Колю задело - мужик до декабря в Неве у Петропавловки моржевал и КМСа выбегал на всех дистанциях. К тому же у физкультурников в дипломате еще бутылка водки оказалась. Коля говорит: "Спорим на бутылку водки, что я среди бела дня Фонтанку под Анечковым мостом переплыву!"

Ну ВИФКУвцы опять в осадок, давай, парень, плыви, водка за нами! Подъехали на тролейбусе. Вылезаем. Анкин Мост в центре Невского, где бронзовые мужики с конями, мороз за тридцать, воды не видно - клубы пара.

Коля: "Сиё мочило есть Фонтань. Алё, военные, ща плыть буду, но четверть бутылки - до, четверть - после, остальное - с собой".

ВИФКУ: "Слышь, братан, мож не надо, мож на пятерых в подворотне, ну без обид!" - толи им Колю жалко, толи водку.

Коля заходит в первый попавшийся подъезд (тогда замков не было), раздевается до кальсон (у нас по зимней форме трусы

не выдавылись, только кальсоны с дыркой на мотне), вкушает водки и бегом в Фонтань. Мы на мост. Коля доплывает до другого берега, а там ступенек нет и лёд до гранита метра два шириной. Он тонкий припай кулаком побил, где тот ломался,потом лёг пузом на толстый лёд, вытянулся как мог и дотронулся до гранита, мол переплыл, а затем погрёб назад откуда слазил.

Вылезает на берег прямо перед патрулём! И от куда этот чёрт взялся - офицер-артиллерист, солдаты в сопровождении, хрен отвертишся. Стоит Коля, вода капает, с красного тела пар клубится, что-то объясняет. Ситуация безвыходная, голым зимой не убежишь. Вдруг патруль разворачивается и уходит, а Коля стоит минуту на месте, а затем бегом в подъезд. Мы за ним.

Коля: "Братаны, где водка, а то замёрз сильно". Глотнул водки, чуть плеснул на руку растереть тело, а остальное нам отдал допивать. Мы, понятно с вопросом, как он от патруля в такой ситуации избавился?

Коля: "Да сказал ему, что нечаяно кадетский значёк на лёд уронил, мол не мог с "крабом" родного Суворовского училища расстаться. Брехня, я-то не кадет, а вот патруль суворовцем оказался. Типа, надавил на жалость. Потом говорю ему чистую правду, мол я из ВМА, и как медик вам заявляю, что при таком переохлаждении жить мне осталось несколько минут, если не оденусь. Хочется ли товарищу капитану на своей совести курсантскую смерть иметь? А вот где форма молчать буду как генерал Карбышев. Хотите - ведите голым в коммендатуру на Садовой, по пути я и сдохну. Капитан трезво оценил ситуацию: "Курсант, вы свободны, кругом и шагом марш!"

ЭКЗАМЕН ПО ДИАЛЕКТИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛИЗМУ

Вот и подошла страшная зимняя сессия. Первым экзаменом у нас шел Диалектический Материализм или сокращенно Диамат. Не только в ВМА этот кладезь мысли преподавался, но и в любом советском ВУЗе независимо от профиля. Такой он был важный. Диамат решал "основной вопрос". Не, ну правда, "основной вопрос" это был официальный термин коммунистической философии. И был этот вопрос касательно того, есть ли в нас душа, и есть ли Бог? Правильным ответом на оба пункта было категорическое "нет", а потом надо было читать толстенный скучный учебник, чтобы рассказать, почему если вокруг одна материя мы, как изначальные самости, сами себя можем, независимо от этой материи, воспринимать. Всё просто

"отражение". Ничто отразилось в ничте, и получилось что-то. Других вариантов объяснения, почему из того, где нас нет, появляемся вдруг нематериальне "мы", не существовало. За вопросы типа "почему каждый себя воспринимает независимым центром вселенной", моментально клеился ярлык еретика-идеалиста и ставился "неуд" за экзамен. На Диамате вещи серьёзные, с буддистским миропониманием реальности или ещё какой индуистской космогонией, никак не связанные.

Поэтому, чтобы не получить двойку или наоборот получить пятёрку, надо было отвечать не своими словами, а так, как говорили Маркс-Ленин и немножечко Энгельс. Заучить же наизусть всю ту муть, а после не попасть в клинику Психиатрии на отделение острых психозов никому не удавалось. Вот никто и не учил, наверное потому, что никто в Дурку не хотел. Уверенный курсант учил только диалектико-материалистический сленг, и на этом новоязе плёл любую чушь прямо в глаза преподам, выдавая собственный словесный понос в виде свободно-ассоциативного потока бредовой фантазии за ленинские слова. Преподы обычно это хавали. А боязливый курсант выучивал минимум дурацких цитат классиков, и дальше его оценка полностью зависела от фортуны - попадётся или нет в билете его декламация, выученная белым стихом.

Диамат у Первого Взвода вел полковник Сергеев. Это был полковник автодорожных войск, получивший филисофски-экзистенциальное просветление в области общественных наук в Военно-Политической Академии. Полковник Сергеев был лыс, очкаст и зубаст. Ещё он был крайне акцентуированной личностью педантично-застревающего типа. Как его по статье 7Б (психопатия) не комиссовали, остается загадкой. По сумме качеств получил полковник Сергеев кличку "Короед", уж очень он напоминал большого жука-древоточца.

Вот близится тяжкий день, надо нашему гуру-Короеду экзамен сдавать. Дело на зимней сессии третьего курса было. А на третьем курсе тогда и Фарму параллельно учили, хотя экзамен по Фармакологии был летом следующего семестра. Кто помнит синдром третьего курса? Это когда всё, что о лекарствах выучишь, моментально на себе или на своем ближнем попробовать хочется. Вот кому-то и пришла в голову светлая мысль - подвергнуть Короеда фармакологическому воздействию для успешной сдачи Диамата.

У нас тогда широко практиковалось социалистическое соревнование. Это что-то типа официальной круговой поруки. Мол, ребята, будьте хорошим коллективом. А потом итоги подводили, повзводно, покурсно и пофакультетно, типа чья бригада круче. Поэтому, когда мы объявили на закрытом комсомольском собрании взвода об идее чуть-чуть отравить Короеда для общей пользы, то данное направление сразу получило единогласное и безоговорочное народное согласие. Наш командир взвода, прапор Чудак, моментально дал проекту зелёный свет на самом верху самого нижнего уровня - ответственным за это святое дело назначался сержант Деркач. Слава Деркач сразу после Чудака шёл - он был у нас замком, в смысле Чудаковым заместителем.

Деркач подошёл к решению проблемы заблаговременно и основательно. А вот выбор материалов и методов оказался крайне ограниченным. От идеи вмонтировать в стул Короеда шприц с тиопенталом или кетамином пришлось отказаться сразу. Короед хоть и зверь, но его поведение иногда отличалось от поведения носорога на сафари. Был серьезный риск вскока со стула до момента введения минимальной терапевтической дозы. К тому же оставался открытым вопрос, кто будет расписываться в зачётках, если Короед будет в полном отрубе. Из-за подобных технических проблем отказались и от тактического использования цветов - была идея вместо воды налить смесь фторотана с эфиром. Этот вариант вообще был не проходной - сами бы вместе с полковником в наркоз ушли бы.

Оставалось одно - напитки. По внутриакадемическим правилам, свирепствовавшим в ВМА в то время, курсантам на экзамен разрешалось в складчину купить один букет из трех цветов и три бутылки безалкогольных напитков на одного преподавателя. Обычно покупались три красных гвоздики, бутылка минералки, бутылка сладкой воды типа лимонада, и бутылка чего-нибудь тёмного, кваса или "Байкала" (был такой похожий на "Пепсиколу" напиток).

Вначале Деркач решил физико-инженерную часть проблемы. Он научился открывать и закрывать пробки на бутылках так, что после этого напитки не теряли своей шипучести, а пробки выглядели девственно нетронутыми. Это был крайне важный этап работы. По тактико-техническим условиям, дабы рассеять любые возможные подозрения, Короед должен был собственноручно открывать по-заводскому

закупоренные бутылки. Слава внедрил простой, но многоэтапный процесс. На первом этапе покупалось две одинаковых бутылки. С одной из них заготавливалась пробка, путем бережного отгибания края ножницами. При этом газ терялся, и содержимое обычно выпивалось в процессе работы. Со второй бутылкой дело обстояло сложнее. Ее предстояло мгновенно открыть при помощи открывашки и сразу поставить под резиновую прокладку газировочного сифона со свежим баллончиком углекислоты. Такие сифоны делались советской промышленностью и продавались вместе с баллончиками в магазинах "Хозяйственные Товары" для изготовления самопальной газировки в домашних условиях. После этого сифон с бутылкой надо было запихать в морозильную камеру холодильника и следить за моментом, когда 95-99% жидкости замёрзнет. Напиток успешно догазировался при низких температурах, а при нужном количестве льда его можно было без особого риска вытащить на несколько секунд. За это короткое время предстояло капнуть подготовленный препарат в строго рассчитанной дозе, одеть заготовленную пробку и быстро обжать ее края при помощи плоскогубцев. Обжимание надо было проводить через полотенце во избежание царапин на пробке. Всё. Конечная лекарственная форма готова к боевому применению.

Вторая часть Славкиной работы состояла в подборе пары "препарат - среда-носитель". Основным критерием была вкусосовместимость. Дополнительным критерием был желаемый фармакологический эффект. Со вторым критерием просто - Деркач взял "Справочник лекарственных форм" и выбрал оттуда комбинацию мочегонного в виде салуретика (если мне не изменяет память это был лазикс) и наиболее сильного транквилизатора из группы бензодиазепинов.

Идея была проста: Короед должен был как можно чаще выбегать из класса в туалет, а в остальное время пребывать в нирване, как Будда на лотосе. Однако с подбором транквилизатора оказалось сложнее - их было много, и выбор максимальной, но неопределяемой на вкус, дозы можно было сделать только экспериментальным путем. Тогда всему личному составу нашего взвода был дан приказ - принести по возможности наибольшее количество разных транков, желательно в ампулах.

Когда Славке натащили всяких снадобий в количествах достаточных для средней аптеки, он начал эксперимент. Лазикс был солоноват и не давал сильного вкуса, если его подмешать в самую отвратительную минеральную воду. Оптимальным

вариантом были "Ессентуки-17" и еще какая-то карпатская солёная гадость. Лимонад удалось заправить только одним фенозепамом, любая другая добавка уж очень сильно меняла вкус. А вот квас оказался самой подходящей средой, способной принять солидное количество нитразепама-родедорма и реланиума. Максимально-допустимые концентрации определялись на волонтерах. Была разработана трёхуровневая шкала терпимости: первый уровень - "фу, какая гадость", второй - "в этот напиток что-то добавлено", и наконец третий - "хреновый ты лимонад купил". К боевому применению было решено использовать только концентрации третьего уровня.

На наше счастье Короед не любил принимать экзамены у себя в Лобке (в Учебно-лабораторном Корпусе). Он их предпочитал принимать в ленинских комнатах факультетов. Ему нравилась пышность, нарядное убранство, и тот факт, что к его приходу место для Его Величества тщательно подготавливается, как для визита королевской особы из Букингемского Дворца. Ну мы и подготовили. К нужному дню сержант медицинской службы Владислав Деркач выставил на преподавательский стол все три бутылки, заряженные по-боевому. Курсанты Муравский и Миляев нашли вентиль на трубе-стояке, подающей горячую воду в батареи центрального отопления и открыли этот вентиль на всю. А вот форточки в ленинской комнате они предварительно закрыли и вбили туда по здоровому гвоздю, чтобы те не открывались, когда станет жарко. Короед обязан быть сонным и постоянно хотеть пить. Всё готово к экзамену.

Пришел Короед, разложил билеты. В первом заходе пошли "смертники" из числа наиболее подготовленных курсантов. Обычно таких берегут под конец экзамена, чтобы своими ответами остальным людям картину не портили. Начинать надо со слабеньких, тогда средненькие на их фоне сильненькими выглядят. Но в нашей ситуации первым предстояло уйти в бой без какого-либо тылового прикрытия. Поэтому и выбрали элиту. Короед открыл бутылки и начал пить почти сразу, как пришел, но препараты просто не успевали сработать за столь короткое время.

К ответу четвертого или пятого курсанта Короед первый раз вышел в туалет. Потом он выходил регулярно с интервалами в полчаса. За время его отсутствия за порядком в ленинской комнате поручалось следить трём человекам - прапору Чудаку, замку Деркачу и комсоргу Свистуну. Все свои люди. Быстро налажена система мин и бомб. За момент минутного отсутствия

Короеда каждый из экзаменуемых получает лист с подробным письменным ответом на свой билет. Экзамен пошел как по маслу. Я думаю, что есть смысл вкратце коснуться общих принципов работы со взрывоопасными материалами.

Минирование:

У преподавателя со стола необходимо стырить хотя бы один билет. Вообще-то чем больше, тем лучше, но и один пойдет. Билет незаметно выносится из экзаменационной комнаты, и опытная группа экспертов за дверями, пользуясь учебником, быстро пишет подробный ответ на все вопросы, желательно на бумаге, как у экзаменатора. Если экзаменационная бумага с печатями, то дело несколько осложняется. Надо или заранее подделать печать, или заблаговременно найти к ней доступ на кафедре, и там наштамповать себе листков. Сильно облегчает работу наличие молоденьких лаборанток на кафедрах - лучшего канала добывания печатей не найти. В крайнем случае прямо на экзамене придется тырить вместе с билетом ещё и бумагу.

Исписанный листок с ответом и вынесенным билетом отдается входящему на экзамен. Курсант прячет бумаги на теле (обычно просто под кителем) и с этого момента считается заминированным, а спрятанные взрывоопасные материалы соответственно называются миной. Подрыв на мине очень опасен, и обычно происходит в момент саморазминирования - доставания бумаг из-под полы. Имели место случаи спонтанного самоподрыва, когда листки просто выпадали на пол перед изумленным преподавателем. И наконец есть редкая группа подрывников-смертников. Психика этих людей абсолютно не понятна. Эти люди способны успешно пронести мину на экзамен, а затем поднять руку и попросить прощения у экзаменатора, честно во всем признавшись.

К счастью действия нормального заминированного курсанта всегда очень предсказуемы. Заминировавшись, курсант подходит к экзаменационному столу и берет билет. Любой. Затем громко произносит номер билета, но не того, что в руках, а того, что на пузе миной лежит. После этого надо срочно идти за стол готовиться. Подготовка заключается в том, что надо взятый билет незаметно засунуть под китель, а подготовленный билет с ответом достать. Если бдительность преподавателя не высока, то успех гарантирован. Вынесенный же после ответа свежий билет заново повторяет цикл минно-взрывного дела.

Бомбометание:

Обычно требует высшего пилотажа. Несколько похоже на минирование, но намного труднее. Отличается крайней скоротечностью боевых действий. При бомбометании, или в народе бомбежке, курсант честно называет номер билета, который в руках. Затем садится и переписывает вопросы на листок. Лучше взять два листка для подготовки - тогда один можно будет передать на Большую Землю без риска засветиться за пустой партой. Обычно такой совершенно секретный материал передается через того, кто вот-вот пойдет отвечать. Поэтому требования к боевой слаженности подразделения должны быть крайне высокими.

По выносу вопросов на Большую Землю, группа экспертов быстро пишет бомбу, которая сразу должна быть сброшена для огневой поддержки бедствующего курсанта. Наиболее часто бомбу заносит и сбрасывает на цель очередной входящий на экзамен. Но тут при творческом подходе возможны варианты. Бомбы можно цеплять на спины фотографов, которые фотографируют экзамен для стенгазеты курса. В этом случае фотографу необходимо взять в руки камеру (не обязательно в рабочем состоянии) и, смотря через видоискатель, подходить спиной к месту сброса бомбы, пока задница не упрется в стол, где сидит нужный курсант. Курсант просто сдергивает бомбу со спины фотографа, где та крепится обычной булавкой. Преподаватель такой борзости не видит, потому, что фотограф всегда повернут к нему лицом. Бомбы можно передавать по натянутой вдоль батарей ниточке, можно пускать самолетиками через форточку - любые решения в случаях конкретного бомбометания всегда определяются только боевой обстановкой на определенном театре военных действий.

Ну мы отвлеклись на общие моменты. Часа через полтора-два Короед сидел с блаженной улыбкой олигофрена. Ему было абсолютно наплевать на всё. На его экзамен не то что листок за пазухой, туда можно было провести танк "Т-80", и полкан ничего бы не заметил. За исключением первых четырёх человек, взвод отбомбился практически стопроцентно. Средний балл экзамена был 4,92. Сдавали мы экзамен по Диамату и думали, какая нужная наука Фармакология!

САРДЕЛЬКА И НЕЙРОЛЕПСИЯ

Нейролепсия - это такой фармакологический эффект. Ну когда острые психозы лечат, какую-нибудь шизуху или маниакально-депрессивные расстройства. Короче как вколют психу дозу, так у того в голове пусто становится, в теле вата, а мир сужается в игольное ушко. Если какие мысли и остаются, то самые простые и примитивные, а эмоций нет совсем. Но у некоторых нейролептиков, есть одно побочное действие - они здорово рвотный рефлекс подавляют. Одно из таких лекарств называется этапиразин. О нем и сказ.

Опять отгуляли мы отпуск, и вот снова в родимых пенатах. Третий курс не шутка, пожалуй самый сложный за всё постижение медицинской науки. Но если только начало семестра, и до сессии далеко... От сессии до сессии живут студенты весело. Курсанты не исключение. Был у нас во взводе курсант, Валера Русских. Нормальный курсант, но с редкой патологией - пить совсем не мог. Нету такой статьи, чтоб за непереносимость алкоголя из армии комиссовать, вот он и жил трезвенником аж до третьего курса. Выпьет тридцать грамм водки и сразу блевать. Даже от бутылки пива блевал, такой вот был тяжелый случай. Трудно ему было: во-первых - непьющий военный уже белая ворона, а во-вторых - Валера желал всей душою почувствовать нормальный пьяный кайф. Хотелось Валере Русских быть русским человеком, да не получалось.

Но на третьем курсе ситуация изменилась - как вы уже знаете, мы стали изучать фармакологию, науку о лекарствах. Как только дошли до этаперазина, понял Валера, что его мучениям пришел конец - рвотный рефлекс победить можно! Он быстро где-то надыбал упаковку этого препарата и ерзал в предвкушении ближайшего выходного - решил он устроить себе боевое крещение, для чего и купил водки. Для себя и для того парня, который собутыльником будет. А в собутыльники к нему напросился Сив, курсант Сивохин. Сив был известен своей потрясающей толерантностью к алкоголю, сколько не выпьет, а ему хоть бы хны. Видать тоже патология, диаметрально противоположная Валеркиной.

Вот и долгожданная суббота. Валера заблаговременно, еще на последней лекции таблеточки заглотил, чтобы пить на пике противорвотного эффекта. А так как противорвотное действие препарата всё же побочное, а не основное, то Валера соответственно и это учел - шарахнул не то двойную, не то

тройную дозу. Пообедали ребята и сели выпивать. Ну с Сивом пить совсем не интересно - водка, сколько бы ее не было, за полчаса заканчивается. Поэтому, как последние капельки разлили, Сив поблагодарил за водку и сразу стал куда-то собираться. Не то на танцы, где его уже подруга ждет, не то в театр, куда та же подруга уже вроде билеты купила, да он забыл. Слинял, короче, а Валере посоветовал никуда не выходить, ибо к состоянию алкогольного опьянения тот человек непривычный. Еще порекомендовал побольше кушать, что при пьянках тоже весьма полезно.

Оставшись в одиночестве Валера минут сорок туда-обратно по общажному коридору шатался и кайф от выпитой водки ловил. Вышли мы покурить, и показалось нам такое поведение подвыпившего человека несколько странным. Ну там в карты зашел бы поиграть или потрепаться, да хоть просто музыку послушать, а тут ходит, как медведь в зоопарке. Того и гляди какой дежурный заявится, а тут военнослужащий в небоеспособном виде мелькает. От греха подальше позвали мы Валеру к нам в комнату телевизор смотреть. Тот никакой реакции по этому поводу не высказал, но через минуту к нам заявился и принес с собой кило сарделек.

Мы сардельки варить поставили, а Валеру перед телевизором усадили. Тот сидит прямо, словно вместо спины доска, и немигающими глазами какую-то скучнейшую передачу смотрит, не то "Сельский Час", не то "Темпы Пятилетки". Мы ему говорим, Валера, ты бы канал переключил, что муть такую смотреть. Валера переключил, а там вообще какое-то партийное событие местного значения показывают, зрелище еще скучнее предыдущего. Валера смотрит. Нам интересно стало, чего же такого Валерка выпил, что его так странно прибило? А он говорит, что одну водку с Сивом пил. Ну раз с Сивом, тогда вроде все нормально, тот человек опытный. Думаем, вот так тяжело, наверное, человеку впервой пьяным быть. Ничего, обвыкнется, лиха беда начало.

Сварились сардельки, зовём за стол. Валера сардельку на вилку наколол и вдруг нам объявляет, что перед едой руки мыть положено. Ну нас такое замечание несколько смутило, не из морга же пришли! Хотя можно и помыть. Пошли мы всей гурьбой в умывальник. Последним Валера топает. Смотрим, а он идет, как знаменосец на параде - так и держит перед собой на вилке свою сардельку. Возле умывальника как обычно туалет. Решили зайти

мимоходом. Вдруг через пять секунд Валера ни с того, ни с сего громким голосом объявляет, что он страшно болен - у него или проказа, или сифилис в последней стадии!!! Нам очень интересно стало, это он так странно шутит, или это он гонит на полном серьёзе из-за своего странного опьянения.

- Валера, что случилось?

- Мой член отвалился, а сейчас по ногам горячая кровь бежит.

Заглядываем в унитаз - там плавает сарделька. Видать слетела с вилки, которую тот все еще в руках держит. Штаны мокрые и не расстегнуты, ну а что это за "кровь", вы уже сами догадались.

ЭКЗАМЕН ПО ТОКСИКОЛОГИИ

Токсикология это почти что фармакология, только наоборот. Первая лечит, вторая калечит. А экзамены что по первой, что по второй науке в одну сессию и ой какие сложные! Ну и кто в наше время не мечтал получить экзаменационную оценку "автоматом"? Ну во-первых "автомат" это всегда "отлично", а во-вторых ставился он в течении семестра, ну в крайнем случае сразу после предметного цикла за особо выдающиеся знания по изучаемой науке. Красота! К сессии подходишь с уже сданным экзаменом, на другие предметы времени на подготовку больше остается, а если имеешь "автомат" на последний экзамен, то и в отпуск можно было на недельку раньше уехать. Одна проблема, "автоматы" у нас единицы получали. В сессию на весь курс один-два "автомата" и это по всем сдаваемым предметам!

Курсант Сивохин за "автоматами" не гонялся. По любому предмету его вполне "государственная оценка" устраивала - "удовлетворительно" или 3 балла. Вообще принцип минимальной достаточности замечательная штука, много здоровья, сил и средств сберегает, хоть на личном, хоть на общегосударственном уровне. Этот подход позволял курсанту Сивохину массу полезного делать, например на лекциях можно было в морской бой играть или как-нибудь по-другому всесторонне самосовершенствоваться - хотя бы художественные книжки читать. У меня до сих пор стоит перед глазами здоровая общая тетрадь в красивой коленкоровой обложке. На этой обложке давным-давно, на самой первой лекции, курсант Сивохин написал: "1-й курс, Конспекты вводных лекций". Через год он

зачеркнул еденицу и написал там двойку. Еще через год - тройку. Потом кроме слова "конспекты" всё замулевал и чёрным фломастером дописал "по всему". Так и осталось с первого по шестой курс "Конспекты по всему". На шестом курсе тетрадка без малого на треть заполненной оказалась, и насколько я помню, это была его единственная тетрадка...

В конце третьего курса была у нас лекция по Токсикологии. Как на зло сразу за этой же лекцией по расписанию было четырехчасовое занятие по той же Токсикологии. Лекцию нам читал сам Главный Токсиколог ВС (Вооруженных Сил) генерал Саватеев. Тема лекции была весьма интересной - армейские бытовые отравления суррогатами алкоголя. Из-за крайней актуальности материала, курсант Сивохин самосовершенствовался в полсилы - хоть и не конспектировал, но кое-чего слушал.

Генерал Саватеев был морским генералом - носил черную флотскую форму (тогда большие чины в медицинской службе флотов не всякими там ранговыми капитанами или там контра-вице всякими адмиралами назывались, а нормальные звания имели, по-нашему, по-сухопутному. Может и сейчас так, не знаю). Закончил генерал давным-давно Четвёртый Военно-морской Факультет нашей славной Академии и всю догенеральскую молодость по флотам скитался. Стал генерал рассказывать, как тяжело спирт от разворовывания беречь и вспомнил один случай. Служил он на Северном Флоте на противолодочном корабле. А на том корабле были тонны спирта для антиобледенительных систем противолодочных вертолетов. Конечно же этот спирт пили все кому не лень. Я лично на флоте не был, но думаю, что пьяный экипаж только для пиратских судов подходит. Наверное и командир корабля так думал. Позвал тот начальник молодого Саватеева и приказал ему что-нибудь такое придумать, чтобы эти многомесячные пьянки на его борту прекратились раз и на всегда. Вот будущий генерал и придумал до гениальности простое решение - спирт бензином разводить. Функциональные характеристики антиобледенителя не изменились, а вот пить его уже нельзя было - вонял, что хорошо - всех настораживало; ну а если какой уж совсем отчаянный мичман и решился бы выпить, то в миг бы у доктора в каюте оказался, чтоб там удобнее было ему ласты клеить. А главное достоинство метода - эту адскую смесь в рутинных условиях разделить ну никак невозможно было. Оба вещества с похожей плотностью, смешиваемы, смесь не вымораживается, выпарить нельзя из за высокой волатильности

обоих компонентов. Короче вариант супер.

Вот ведь как по генеральским словам выходило - флот это самое крутое. Взять например старую советскую авиацию - там вообще подход к проблеме был бездарным. На каждый самолет приходилось куча спиртосодержащей дряни, например в амортизационно-тормозной системе. И что это было? Смесь спирта с глицерином! Полетал себе летчик, приземлился и сразу напару с механиком сливает чуть-чуть. Немного - каких-нибудь пару ведер. А дальнейший процесс до ужаса прост, точнее вообще никакого процесса. Надо просто те ведра в тенёк под кустик поставить на некоторое время, глицерин тяжелый - осядет, спирт легкий - всплывет. Подходите люди добрые с кружечкой, угощайтесь, чем Бог с неба послал! Из-за сладкого привкуса это ятство в Военно-Воздушных Силах уважительно "Ликер Шасси" именуют.

Или например взять погранвойска крайнего севера. Да на границу с Норвегией со времен Сталина ни одной бутылки водки не завезли, а народ пьян в стельку. Чем пьян? Правильно! Одеколонами "Капитанский" и "Шипр", лосьонами "Огуречный", "После Бритья" и прочими подобными вещами. Пить их в чистом виде интеллигентные люди не могут, да и примеси для печени не полезны. Так ведь без всякого образования по физической химии, в тяжелых полевых условиях суровой тундры, народной мудростью прапорщика-погранца был изобретен идеальный метод криофракционации. Патентное название - "Уголок на Трех Кирпичах". Берется три метра любого стального уголка, выносятся на мороз, под один конец подкладывается один кирпич, под другой - два. На тот конец, что повыше, льётся суррогатный напиток, а с того конца, что пониже, стекает очищенный питьевой вариант. Гадость же вся по пути на сталь намерзает.

А вот генеральский вариант идеальный! Народного подхода нет и не будет - против физики, химии и других законов природы не попрешь. НЕ-ВОЗ-МОЖ-НО! Ну как генерал дошел до способов народной очистки суррогатов, то даже курсант Сивохин свои дела отложил и стал подробненько эту часть лекции конспектировать. И так его эта тема увлекла, что он подсознательно, но громко так, вслух, на профессорскую ремарку свой курсантский ответ бросил: "Был бы спирт, а способ найдем!!!"

Главного Токсиколога такая наглая самоуверенность очень

задела. Он и говорит, обращаясь персонально к курсанту Сивохину: "Товарищ курсант, предложенная мною спирт-бензиновая смесь используется на флоте уже много лет, и за это время никто, ни один человек ее разделить не смог!" Сив в ответ сжался в комочек и виноватыми глазами на генерала смотрит.

После первого лекционного часа вышли мы с Сивом на перерыв перекурить. Ну он до меня с этой навязчивой идеей опять полез. Вместо нормального перекура устроил "Что? Где? Когда?", была такая телепередача в СССР - куча умных дураков перед камерой ответы на трудные вопросы искали. Мы чуть подумали и пришли к выводу, что если нужен чистый спирт, то генерал прав, а если нужно просто хорошо и безопасно выпить, используя его хваленную хреновину - то слова генерала полная лажа, пургу нам гнал профессор половину своей лекции.

Возвращаемся на второй час. Генерал лекцию дочитал и по традиции в самом конце спрашивает, есть ли у кого какие вопросы. Курсанты всякие вопросы спросили, генерал ответил, вроде сейчас команда "встать и гав-гав-гав" будет - "до свидания товарищ генерал". Вдруг курсант Сивохин руку тянет. Я сразу насторожился, Сив никогда вопросами профессуру не донимал. А генерал ему кивает, мол что там у вас?

Сив: "Товарищ генерал, а вы про невозможность разделения спиртобензиновой смеси о чистом спирте говорили, или о том что с нее питьевого безопасного суррогата получить нельзя?"

Генерал аж передернулся, опять этот самоуверенный выскочка его святую память о молодых годах оскверняет: "О втором, товарищ курсант!"

Сив: "Ну так это не правда!"

Генерал: "Это что же? Значит, что вы ее можете разделить, разделить без всякого специального оборудования, незаметно, скажем в условиях большого противолодочного корабля?"

Сив: "Да хоть в условиях большого корабля, хоть в условиях маленькой подводной лодки. В любых условиях смогу!"

Генерал: "И что же вам, товарищ курсант, для этого нужно?"

Сив: "Ничего не нужно, смесь спирта с бензином нужна."

Генерал аж позеленел от такой наглости: "Товарищ курсант, как ваша фамилия?!"

Сив: "Курсант Сивохин."

Генерал достает из нагрудного кармана записную книжку и начинает что-то записывать, наверное фамилию Сива: "Товарищ курсант, если как вы мне тут сказали...! Если вы на моих глазах разделите эту смесь до степени, что ее можно будет пить без

риска оказаться в реанимации, я вам поставлю автоматом "отлично" за экзамен по Военной Токсикологии. Если же ваша самоуверенность вас подведет, и у вас ничего не получится - то экзамен вам придется сдавать очно и лично мне. Старшина, проконтролируйте! Когда у него ближайшее лабораторное занятие на моей кафедре?"

А старшина наш, Сашка Захарьев, уже и рад стараться в расписание смотрит: "Через двадцать минут, товарищ генерал!"

Генерал: "Вот там и встретимся!"

Вышли мы с Сивом из аудитории и плетемся в лабораторный класс на Токсу. Я ему давай мозги мыть: "Сив, ну как так можно! Ты человек воздушно-десантный, флотских условий большого противолодочного корабля не знаешь, откуда такая наглость? То, о чем мы рассуждали, носит исключительно теоретический характер, и на практике никогда не проверялось. Ты хоть Пушкина вспомни - "и Опыт, сын ошибок трудных..."

Сив вспомнил и продолжил цитату: "И Гений, парадоксов друг! Надо не ошибки, а парадоксы искать. Ты же, гад такой, чего мне сам говорил, что Физическая Химия наука точная? Меня подставил, а сам в кусты? Я может с этой сессии из Академии за "банан" по Токсе вылечу!"

Приходим в класс. Преподу уже кто-то насвистеть успел, что по борзости курсанта Сивохина к нам сейчас сам Начальник Кафедры заявится. Все смотрят на Сива, как пролетариат на буржуазию. Начинается занятие. Через полчаса заваливает генерал: "Курсант Сивохин здесь?"

Все встают и замирают по стойке "смирно", препод отвечает: "Так точно, товарищ генерал - вот он!"

Генерал поворачивается к двери и уходит со словами: "Всем быть на месте!" Но уже через пару минут опять появляется с двумя стандартными градуированными бутылками на пятьсот миллилитров. В каждой грамм по сто жидкости. Все опять по стойке "смирно" вытянулись. Подход он к окаменевшему Сивохину и сует одну бутылку ему под нос: "Что это?"

Сив: "Спирт".

Генерал сует другую бутылку: "А это?"

Сив: "Бензин".

Генерал: "Ну так действуйте, товарищ курсант!"

Сив берет бутылку со спиртом и выливает содержимое в бутылку с бензином. Взболтал до полной однородности и

показывает генералу, мол все нормально смешано. Затем подходит к обычному водопроводному крану в углу лаборатории и добирает в смесь воды, не доливая бутылку на одну четверть. А затем затыкает горлышко ладонью и начинает все это трясти, как припадочный. Протряс хорошенько и поставил на преподавательский стол отстояться. Пока отстой шел, залез Сив к себе в портфель и достает использованную капельницу. Оторвал кусок виниловой трубки от ловушки воздуха, а тот конец, где иголка, в банку со смесью запихал. Взял вторую бутылку, где изначально спирт был он около стола на пол поставил. Потом ртом чуть через трубочку подсосал и слил самотёком нижний слой в эту бутылку. Поднял её, понюхал, потом на язык попробовал и протягивает генералу: "Пить вполне безопасно, товарищ генерал!"

Генерал бутылку взял, тоже понюхал, но пробовать не стал и говорит: "Товарищи курсанты, мне надо это на анализ отнести. Приказываю быть на месте, занятие продолжать по плану. Я скоро вернусь".

Через часик снова приходит. В руках распечатка анализа, скорее всего хроматографию делали. Начинает зачитывать остаточные концентрации октана, бензола, циклических углеводов - ну всякой дряни, из чего обычный бензин сделан. Читает и сразу переводит в количества, которые бы в поллитре были бы. Потом суммарную оценку примесей сделал и говорит: "Это, конечно, не "Столичная", но и не отрава. Если человек с нормальной печенью и почками пол литра этого суррогата выпьет - то ничего ему не будет. Ну голова на утро будет страшно болеть, посильнее чем от водки, и всё! Товарищи курсанты, среди рядового и сержантского состава, прапорщиков, мичманов, да и офицеров не медицинской службы об этом способе сепарации прошу не распространяться. Курсант Сивохин был прав - спирт в воде растворим, а бензин - нет! За проявленные глубокие знания в области Военной Токсикологии зачитываю экзамен автоматически сданным на "отлично". Курсант Сивохин, вашу зачетку!"

ОБОИ

Часть 1 (Советская История)

Этот случай произошел на том же третьем курсе в канун Майских праздников. Был у нас во взводе один курсант, Сергей

Орлов. Хороший курсант, из хорошей семьи. Хоть он на сто процентов русский, но родом из самого западенско-украинского города Ивано-Франковска, что тогда без разницы было. Мама - преподаватель математики, папа тоже учитель. Короче семья не богатая. И угораздило Орела (его кличка была ОрЕл, с ударением на первой букве О) на втором курсе жениться. Так рано семейным комнату в Гарлеме, курсантской общаге для женатиков, не давали. Пришлось Орелу по ночам с Факультета в самоходы бегать - грузчиком в товарном депо подрабатывать. Позже он санитаром по больничкам ошивался, потом фельдшером. Короче пахал парень, как конь - для семейного бюджета денежку зарабатывал. Трудную денежку.

У жены его, Ленки Орловой, студентки Первого Меда, вся родня тоже из голытьбы состояла - врач на враче, причем из правильных, взятконеберущих. В советское время с такими предками особо не разгуляешься. Помогут молодым, чем могут, но в основном, самим деткам крутиться приходилось. Тоже ночами санитарила да фельдшерила.

К концу третьего курса Орела почаще в увольнения отпускать стали, да и четвертый курс близко - там увольнительная записка совсем не нужна, выход в город свободный - гуляй, не хочу.. Загодя наскребли молодые чуть-чуть и пошли комнату себе снимать. Нашли дешевенький клоповничек, комнату в комуналке три на четыре в старом-престаром доме на Ковенском переулке в центре. Свили они там свое первое семейное гнездышко по стандартной таксе в 30 рублей за месяц. В комнате этой был прописан какой-то алкоголик, который раз в месяц появлялся у молодых, чтоб снять мзду за их уют. Алкаш этот никогда в своей конуре ремонта не делал, была она грязная и страшная. Досталась ему эта пещера от почившей в бозе матери, но похоже, что и она капитальными ремонтами не увлекалась. Да на внутреннее убранство неприхотливой курсантской семье можно было наплевать. Хуже всего, что за отстающими от стен обоями обитало целое полчище клопов. А как известно, что эти наружные паразиты внутреннее состояние могут испортить любому. С милым, оно конечно, и рай в шалаше, но в шалаше без клопов.

Опять наскребли молодые какую монетку и решили сделать ремонт, от клопов избавиться. Хозяин жилплощади не против - ежели за свои, то дерзайте, главное с меня ничего не требуйте. Орел купил светлых красивых обоев, краски да известки, а Ленка

наварила клейстера. Ну и чтобы с ремонтом быстро расправиться позвал курсант Орлов двух сослуживцев к себе в помощь - меня и Изю. Изя вообще-то не израильтянин Израиль, а самый что ни есть русский парень Игорь Сафронов из самого русского Тамбова. Пришли мы, стали думать, как лучше старые обои срывать, да клоповьи рассадники изводить.

И тут Изя в одном месте заметил отслоение самого последнего обойного слоя. Намочили мы обой, подождали минут пять и аккуратно его целёхоньким отклеили. Раньше ведь все на клейстере было - мука и вода, не то что современная полимерная клеюка, отдиралось хорошо. А под обоем старые брежневские газеты. Потешно почитать. Почитали, намочили и опять аккуратненько отклеили. Там слой старых обоев. Ну и эти тем же макаром удалили. А там смех - хрущевские газеты! Кукуруза, космос и коммунизм к 80-м годам XX века. Посмеялись. Отклеили и это. Под ними опять старые обои.

Изя говорит, надо мол тут особую осторожность проявить - похоже следующий слой будет довоенный, с Товарищем Сталиным. А такие газеты уже можно в "Букинист" отнести и за них какие-нибудь гроши получить. "Букинист" был очень известный ленинградский магазин антикварной книги и другой старой печатной продукции. Ну а я говорю, мол никакой осторожности больше не надо. Довоенных газет под этими обоями быть не может в принципе, так как все довоенные обои в Ленинграде зимой 1941 года были съедены подчистую. Народ в Блокаду стены обдирал, обои варил и воду пил. Крахмал там имелся, и об этом "киселькe" любой блокадник знал! Нечего время терять - давай на сухую, по варварски, сразу до штукатурки скрести будем. Тут Орел вмешался, типа а нужно ли всем нам пылью с клопиным экскрементом дышать? Есть там довоенные газеты или нет - какая разница. Давай делать, как делали.

Мочим, ждем, отдираем. Вот чёрт - Изя прав! Сталинские газеты. Враги народа, коллективизация, индустриализация и везде слава нашему дорогому любимому Отцу Всех Времен и Народов. Работаем уже как археологи. Каждую газетку сушим и лелеем. Содрано. За культом личности опять старые обои. Я уже не спорю - продолжаем раскопки. Сняли и этот культурный слой. А там Красный Октябрь! Первая пятилетка, ГОЭЛРО, добиваются басмачи в Средней Азии и беляки на Дальнем Востоке. Гулкая партийная жизнь послереволюционных съездов. Уже считаем, что не только на пиво после работы, но и на водочку хватит!

Снимаем и этот слой. Под первыми годами становления Советской Власти опять обои. Сразу видно, что эти обои очень старые - рисунок в викторианском стиле. Мочим, работаем по накатанной схеме. Отклееваем. Все стены залеплены "Петербургскими Ведомостями" с ятями. Странно оклеены. Вся комната - одним газетным номером зимы 1917 года. Какой-то чудак пошел и купил специально для того, чтобы оклеить стены целую кипу одинаковых газет! А кое-где под этими газетками видны ещё одни обои - такие же точно, как мы только что сорвали! Непонятка. В некоторых местах газеты от старых обоев-близнецов отстают ровными прямоугольниками, и эти места выпирают стройными рядами припухших "кирпичиков". Снимаем "Петербургские Ведомости", ругаясь что за один одинаковый номер денег будет меньше, чем за разные.

Под газетами ровными рядами висят бумажки. Маленькие, в половину стандартного листа. Наклеены аккуратно - только за верхние уголки. Бумага плотная, на денежную похожа. У каждой индивидуальный номер, как на банкнотах, да и по цвету, как иностранные деньги - мелкие полоски, перелив тонов из желто-коричневого в розовый и из розового в зеленый. Обрамляются "купюры" коричнево-черной с золотом витой рамкой. На каждой индивидуальная дата от 1885 до 1907 года. Но не деньги это. Водного знака нет, подписи и даты на лицевой стороне каждой бумаги сделаны тушью и явно от руки разными людьми и судя по почеркам и росписям, то и на разных языках. К тому же ни достоинства на них, ни более-менее крупной надписи. Даже никакого заглавия нет. На трех языках довольно мелкими буквами по коротенькому абзацу напечатано. На облигации не похожи. Ни на что не похожи! Чуть-чуть здоровые лотерейные билеты напоминают. На лицевой стороне каждой бумажки куча печатей - черные, розовые и обычные, синие. Ни одной буквы по-русски. На обороте вообще пусто - разлинованы, как ученическая тетрадка или бухгалтерская книга с колонками для даты, имени и подписи. И ничего в этих колонках не написано. Лишь в самом нижнем уголку в две строки маленькая длинная печать на русском языке с дореволюционной орфографией: "Биржевой Императорский Комиссионный Сбор; Санкт-Петербург".

Отклеили мы их. Ровно семьдесят три "лотерейки". Изя говорит, надо срочно в "Букинист" бежать. Бумага очень плотная и практически не намокла. Прямо сейчас сдать можно. За каждый такой билетик запросто могут копеек по двадцать дать, а то и

весь полтинник! А мне эта идея совсем не нравится. Бежать куда-то. Устали уже как черти. Давай завтра. А он нет - давай сейчас и сразу успеем в винно-водочный. Я разозлился и одну бумажку в открытое окно выбросил. Хочешь - беги, заодно и этот мусор поищешь! Заканчивать работу надо, делов то на пару часов осталось.

Тут Орел на меня серьезно посмотрел и говорит: "Зря ты эту бумажку выкинул. Двадцать копеек тоже деньги, за них работать надо. Я сейчас пойду подниму - по цене как раз одна кружка пива.. А в "Букинист" мы их не понесем, по крайней мере пока не прочитаем, что же на них написано. Вот если сами не разберемся - тогда пойдем, покажем спецам-антикварам. А так наобум нести будет очень опрометчиво. Они нам скажут лист - пятак, а он может на самом деле целый рубль стоит! Хватит на сегодня работать. Деньги на пиво есть, англо-русский и франко-русский словари тоже найдутся. Доделаем все завтра. Сейчас так: я листочек иду искать, Изя за пивом бежит, а ты, Лом, садись и переводи эти "папирусы".

Мы из окна в "колодец" выглянули - точно, никуда бумажка из закрытого двора вылететь не могла. Валяется себе на жестяном крылечке-козырьке перед входом в подъезд. Рядом водосточная труба со скобой - достать пара пустяков. Изя взял рубль да трехлитровую банку и побежал за пивом. Орел за бумажкой полез, а я сел за перевод. А переводить то оказалось нечего!

Смысла в написанном почти нет, одни названия: "На восьмой день сентября 1883 года Торговый Дом братьев Де Лезуа, фонд Вассермана, банк Фон Доренберг, Манхэттэнская финансовая компания Виллиямс и Ко, Инвестиционная компания Фрэнка Наварро, Инвестиционная компания Вебстера-Каллахан-Скотта, Инвестиционная компания Харриссона, Инвестиционная компания Голденов и Голдберга, Инвестиционная компания братьев Стивенсон, Инвестиционная компания "Руды и Металлургия", Инвестиционная компания "Инвестиции Восточного Побережья", Торговая компания "Парижская и Глобальная Торговля" и адвокатская контора "Международный Легальный Щит Нью-Йорк-Париж" открыто инкорпорируют мануфактуру "Жилет". Всё...

Такое вот красивенькое объявленьице на трех языках - хоть на заборы вешай. Принес Изя пива, стали мы думать. Жилет или ДжИлет в английском произношении этого французского слова

Gillette. Наверное кто-то жилетки банкирам шил, да задолжал - вот его вся эта куча кредиторов и заинкорпорировала. Что это такое, инкорпорирование, никто из нас не знал. Словарь же давал такой же самый дурацкий перевод: инкорпорировать значит инкорпорировать. С латинского алфавита на кириллицу, дальше понимай как хочешь. Изя вспомнил, что бритвы такие есть, Gillette, все командировочные из капстран их привозят. Я лично в то время о таких бритвах не слышал - в СССР их не завозили. На долговые расписки или там какие векселя не похоже - о деньгах ни слова. Знали мы, что есть в капиталистическом мире некие акции, но никто из нас ни одной акции в глаза не видел. А главное, что нас смутило - раз акции продаются на биржах, значит на них должна быть написана цена. Вот газета "Правда" - цена 2 копейки, вот папиросы "Беломор" - была цена 16 копеек, так и писалось - "ц. 16 коп.", подорожал "Беломорчик" - цена стала 22 копейки, на пачке "ц. 22 коп." соответственно. Всем всё ясно. Ну а какой дурак, скажите на милость, выложит деньги за нудное объявление? Что толку, что на красивой бумаге. Может это пригласительные билеты на какой буржуйский банкет? Не похоже. После одинаковой типографской даты, что в тексте, внизу на каждой бумаге все даты и подписи разные.

Мы ребята хоть и социалистические, но не глупые. Давай рассуждать. Что такое акция? Акция это пай - владение кусочком большого бизнеса с правом продажи этого кусочка. Это нам понятно. Цена "делается" на рынке, ну в смысле на бирже. Кто за сколько продал - такая и цена. Это даже нам, простым советским военнослужащим, тоже понятно, недаром "Капитал" Маркса читали. Тогда на акции должно быть обязательно указано, какую же часть бизнеса она обеспечивает! А на этих бумажках про это ни полслова...

Ну как же так. Их ведь кто-то очень старательно спрятал сразу через месяц после Революции Большевиков. Значит эти бумаги для кого-то очень много значили. Значит за ними тогда стояли какие-то хорошие деньги. Устали мы голову ломать. Если это такой своеобразный клад, то Советской Власти его лучше не показывать. Судя по шпионским фильмам и детективам с ценными бумагами надо ехать в Швейцарию, желательно в Цюрих, и там их предъявлять всяким "надежным" банкирам и адвокатам. Тогда нам туда попасть не светило. Да и в нашем понимании за сто лет любой договор превращается в простую архивную бумажку. К тому же, ну что и кому предъявлять? Глупое объявление о каком-то инкорпорировании чего-то кучей сто лет

как несуществующих контор? Несерьезно все нам показалось. Вероятно в Революцию 17-го года эти бумаги что-то и значили. Сейчас уже ждать чего-либо ценного от этих раритетов бессмысленно. Пожалуй Изин путь самый верный - надо их снести в "Букинист".

Нынешними хозяевами этих бумажек вроде как Сережа и Лена Орловы выходят. Не искать же официально прописанного на этой жилплощади алкаша с просьбой вступить во владение найденным. На том и порешили - Орел, ты хозяин, что хочешь, то и делай с этой макулатурой. Орел же сказал весьма мудрые слова: "Если эти бумаги всего лишь историко-архивный хлам, то чем больше они у меня пролежат, тем выше им цена. Ну прям как коньяк. Поэтому продавать их сейчас мне смысла никакого. В деньгах мы нуждаемся, но не так, чтоб не прожить. Вдруг эти бумаги нечто большее, то тогда надо правильного момента подождать. Как-нибудь в жизни может и подвернется какой случай про них разузнать, без риска глупо лопухнуться через антиквара за прилавком. Газеты есть газеты, с ними понятно - завтра Изя в "Букинист" всю кипу снесёт для продолжения банкета после работы. А бумажки жрать не просят, пусть себе лежат у меня в папочке".

С этими словами Орел достал красную папку с тесемками, в которой до сего момента хранились его собственные газетные вырезки на "партейные темы" - нам необходимо было собирать эти "капли мудрости" текущего советского официоза для семинаров по Марксизму-Ленинизму. Вырезки он выкинул на кучу содранных обоев, а на их место положил бумаги.

На утро мы побелили потолок и оклеили стены. Успели отдраить пол и подготовить его к покраске. Длинный выходной Майских Праздников заканчивался, комната приобрела очень хороший вид, а покрасить полы было дело минутное. Мы решили попить винца, благо Изя сдал газет почти на четыре рубля. Хватило как раз на три бутылки сладкого вина, и после этого перерывчика мы за полчаса закончили работу. Спать на свежей краске здоровья не добавляет, поэтому чета Орловых на пару дней разлетелась по своим родным общагам. С того дня я не помню ни одного момента, чтобы кто-либо из нас завел разговор о тех бумагах. Мы достаточно хорошо перемололи эту тему за два дня ремонта, и она перестала быть для нас актуальной. Бумажки интересные, но реальной ценности видимо не представляют. О слоях газет мы вспоминали частенько в компаниях, больше как

анекдот. А на вопрос, что же было последним слоем отвечали честно и просто - а ерунда какая-то, не то старые квитанции, не то какие-то объявления. Сережа Орлов тоже каких-либо надежд не питал. Похоже он сам забыл про них.

Через несколько лет мы вышли из стен Академии в самом начале бардака по имени "Перестройка". Довольно быстро всем простым людям стало плохо, а офицерам - хуже всех. А еще через тройку лет СССР прекратил свое существование. Серега служил на Украине и вопрос для него был болезненным вдвойне - остаться в Украинской Армии или демобилизоваться и уехать в Россию. Он выбрал второе и вернулся Ленинград, точнее уже в Санкт-Петербург. Из медицины ушел, по слухам начала 90-х подался в коммерцию. Потом с 93 года и до начала 2000-х о нем мало кто чего знал. Так, какие-то неясные слухи, вроде пытается деньги делать на продуктах, ничего конкретного. Даже приблизительный уровень его коммерции был абсолютно неизвестен, по слухам он колебался от торговли на рынке до собственного овощного магазинчика. Значит все как у многих - от "совсем плохо", до "нормально".

Часть 2 (Стоктрэйдинг)

Наверное в современной России не очень большой процент людей понимают весь процесс свободного хождения акций по фондовым рынкам. Одной из причин на сегодняшний день является крайняя "пакетизация" русского фондового стока. Дядя Ваня хапнул завод на халяву, и сразу рассовал весь пакет - себе 50%, тебе 30%, губернатору 10%, ну и браткам столько же. И какая тут биржа? Я не экономист, поэтому объяснять буду крайне вульгарно и примитивно. Никогда себя к трэйдерам и брокерам не причислял, но жизнь заставила немного познакомиться с этим делом.

Пример: Компания "Интел" 1986 года. Тогда далеко не самая крупная компания на рынке полупроводноковых материалов (интегральных микросхем). Супергигант "Ай-Би-Эм", гиганты "Эй-Ти-энд-Ти" и "Моторолла" его просто затеняют. Одна акция "Интела" стоит 13-15 долларов. В год на эту акцию выплачивается дивиденд около 15 центов. Получается 1% годовых. Вроде положи любые деньги в банк, так хоть 2-3% будет. Кому такая акция нужна? "Интел" делает технологический прорыв и становиться мировым лидером в области микросхем сверхвысокой интеграции. Финансовые потоки в самом Интеле

увеличиваются в сотни раз. Ну делали на 100 лимонов в год, а стали продавать на десятки миллиардов. Акция лезет вверх. Завтра за нее дают уже 30 баксов. Компании это не выгодно - дорогой акцией трудно торговать. Не "рассовывается" такая акция по индивидуальным портфолио, когда работяга инвестирует на старость каких-нибудь 2-3 процента от еженедельной получки. Дорогая она. Тогда акциям делают "сплит" - одна бумажка 1986 года равна двум 1990. И снова их на рынок. Цена в два раза ниже, но растет. В 1992 опять сплит, в 1995 еще один, затем в 1998, и последний в 1999. Итого наша одна Интеловская акция 1989 года равна x2x2x2x2x2 или 32 акциям 1999 года. Потом экономика захромала, сплитов не было. С 2000-го года Интеловские акции колеблются от 19 до 16 долларов (падают). А дивидент вообще пару лет не платили, вот в прошлом году дали свои стандартные 13 центов на одну акцию. Так сколько же у меня сейчас денег, если я купил за 14$ одну акцию Интела в 1986 году? Сейчас у меня капитала на 550 долларов, а живых денег всего четыре доллара в виде дивидендов. Ну чтобы капитал в деньги перевести, конечно надо эти акции на бирже продать. А если не продавать, то и дивиденд можно сразу не забирать - оставить компании на их нужды. Тогда "Интел" тебе должен будет. В любой момент акции с задолженным диведендом предъявить можно - гони деньги. Нет живых денег - гони акции на сумму долга, я их на базаре скину. Ах все акции на руках - ну тогда через суд мою долю вашим имуществом отсыпьте. Думаю, что теперь механизм вам понятен.

Компания Gillette занимает около 70% на рынке бритвенных принадлежностей - лезвия, кремы после бритья и другая, в основном мужская, парфюмерия. Это по США уже годового товара десятка на два миллиардов долларов. Наверное по всему миру раза в три больше. Сейчас их акция дешевая, в районе 3,50-3,70$ стоит. То что у Орлова лежало, это original shares - изначальная корпоративная бумага. Можно и не объявлять сколько акций у кого - рынок им цену по дивиденту и капитализации сам определит. Обычно сплит в новой компании случается не быстро. Для "Жилета" было 3-5 сплитов в индустриальный бум до Великой Депресии, пара-тройка сразу после войны, столько же в бэбибумерство 50х, затем в технологичность Кеннеди пусть один сплит; Никсоновский рывок, тут не экономика, а инфляция цены дула, пусть еще два-три сплита. Ну и один-два на Рейганомику оставим, и один-три на Клинтоновский пузырь "Новой экономики". Если взять нечто среднее, то одна изначальная акция "Жилета" равна 65 536 его

акциям сегодня.

Эх, некрасивое это дело, чужие деньги считать. Но возьму грех на душу из чистого любопытства. 73 изначальные акции умножим на сплит по всем годам итого 4 миллиона восемьсот тысяч акций. Теперь сбросим эти бумажки на фондовой бирже по 3 доллара и 60 центов. Получается больше 17 миллионов долларов. Ну а если и дивиденд с "Жилета" содрать за все 100 лет перед продажей акций, то миллиона два-три долларов тут точно будет. Итого 20 лимонов зелени.

Часть 3 (Status Presens)

Передали, наконец, Орелу мой телефон. Дозвонился он до меня. То, о чем на встречи выпускников за его спиной говорилось, он мне сам подтвердил. Да, ушел парень из медицины в коммерцию. Раскрутился. Занимается торговлей продуктами - супермаркеты строит. Есть они у него и в Питере, и Москве, один в Нижнем Новгороде, вот и Киеве один открывается. Жалуется, что торговая сеть его магазинов небольшая, каждый магазин дорого обходится, развитие медленно идет. Живут нормально - дом под Питером, квартира в Москве. Ленка на Мерседесе, как и положено жене по статусу, ну а он сам больше на внедорожниках ездит. Ну и охрана при нём, как и при детках и супруге. Короче богат человек.

Орел человек талантливый и работящий. Деньгами не бросается, все у него на месте. Наверное раскрутился торгуя картошкой на базарчиках. Чего, теоретически такое бывает. Только кажется мне, что секрет успеха был в красной папке с тесёмками...

* * *

4-й курс:

ПИНГВИН

Для курсантов восьмидесятых квартирный вопрос вопрос означал несколько иное, чем сейчас, хотя пожить вне курса мечтали все. Первые три года все обитали вместе, и этот полуказарменый режим порядком надоедал, потом разрешалось селиться где хочешь. Снять квартиру, не столько означало жить в квартире, сколько иметь независимое место для отдыха и

развлечений. Исключая местных и семейных, никто плотной связи с факультетскими общагами не прерывал. С четвертого курса только ленинградцы постоянно жили дома у родителей, да переженившимся давали комнату в огромной общаге-малосемейке на Боткинской. За обшарпанный внешний вид и внутреннее убранство в стиле комунхозного репресанса это семейное общежитие называли Гарлемом. Если судить по нынешним фото Боткинской, что висят в Интернете, то Гарлем давно прекратил свое существование и был снесен в конце XX-го века вместе со стадионом ВМА. Сейчас на месте Гарлема и нашего стадиона - Пятая Авеню или нечто, напоминающее Беверли Хилз. Ну и нечего трущобы разводить, а спорт вообще вреден. Но что-то жалко. Нужные для Академии и веселенькие были местечки!

Уж коли вспоминать поиски хаты, то эту историю не обойти. Как всегда начну от печки. В Ленинграде был один малоизвестный НИИ со странным названием ИАиА - Институт Арктики и Антарктики. Один научный деятель из этого института притащил из Антарктиды к себе в трехкомнатную квартиру живого пингвина. Пингвин был небольшой, около полуметра в высоту. Жила эта тварь в специальном загончике на кухне. Жрала исключительно рыбу, кальмаров и пасту "Океан", пила исключительно соленую воду из тазика. Этой твари (птицей назвать ее язык не поворачивается) положено было питаться семь дней столько, сколько в нее влезет, а потом три дня вообще ничего в клюв не брать. В конце голодного периода ее надо было выносить в парк и там гонять два часа, как сидорову козу. Ну и частенько, желательно ежедневно, ее надо было пускать в ванну с холодной водой. Ну и обязательно каждый день надо было чистить ее загончик от весьма вонючего помета. Причем гадило это существо даже в те дни, когда ничего не ело. Вы не удивляйтесь моим глубоким познаниям в области прикладной пингвинологии - к этому факультативному предмету нас подвел пресловутый квартирный вопрос.

Начало 4-го курса. Всем дана "вольная", все ищут хаты. Обычно втроем-вчетвером снималась одна отдельная квартира, а комтаната обычно шла на двоих. Объявлений по этому поводу ни одна советская газета не давала, так как сдача жилья шла в разрез с построением коммунизма. Объявления о вакантной жилплощади писались советскими лэндлордами от руки с бахромой обрывных телефонов и вешались на столбах-заборах, в основном недалече от метро. И вот одно такое объявленьице Хут аккуратно отклеил перед станцией Пушкинская. Хут это

Александр Хутиев, обычный курсант 4-го курса, но с изрядной долей авантюризма в своей неспокойной душе.

Объявление гласило: "Требуется надежный человек с биологическим или ветеринарным образованием по уходу за пингвином Адели сроком на восемь месяцев. Оплата договорная, аккордная за весь срок (50% сразу, 50% после моего возвращения), отдельно оговаривается дополнительная оплата корма (даю сразу 100% и до моего отъезда и провожу подробный инструктаж по уходу). Звоните Валентину Николаевичу после пяти вечера".

Прочитал нам Хут эту бумажку. Мы улыбаемся, как-то несерьезно все, ну и подшучиваем естественно: "Хут, ты че, в пингвиньи няньки решил податься? Он тебя заклюет! Знаешь какие пингвины здоровые? Мозги человечьи любят - полярные мозгоклювы. Вот Валентину Николаевичу уже проклевали - смотри какое стремное объявление написал, от него явно Эс-Це-Ха разит" (шизофрения на академическом жаргоне, от первых трех букв sch... ее латинского написания).

А Хут серьезно отвечает: "Мужики, да вы не врубаетесь! Не заклюет он меня - пингвины Адели маленькие, это императорские пингвины большие. Я уже в Фундаменталке был, Бэ-Эс-Э смотрел (БСЭ - Большая Советская Энциклопедия). Да и не в птичке дело, похоже здесь квартира на халяву обламывается. Да не просто на халяву, а еще и с доплатой от хозяина!"

Ну тут мы приутихли. Если хозяин птичку оставляет в своей квартире и дает ключик сроком на восемь месяцев, то у Хута ситуация редкостного везения. Снять хату, да еще с приплатой сверху! Да на таких условиях и за уссурийским тигром поухаживать можно. А вот если птичка "на вынос", то такое и нафиг не надо. Не на Факультете же его держать? Рассуждали мы всем скопом и вслух, вот наверное Боженька услышал наши слова и решил чуть подшутить.

Вечером того же дня Хут позвонил Валентину Николаевичу. Дядька в очередной раз собирался зимовать где-то во льдах, да не один, а вместе с женою! Правда жена вылетала в экспедицию самолетом, а он должен отчалить пароходом на месяц раньше ее. Пингвина своего они оба очень любили и отдавать в случайные руки не хотели. До начала экспедиции они решили устроить месячный испытательный срок для кандидата в пингвиньи

бэбиситоры. Если кандидат показывал себя достойно, то ему вручался ключик на восемь месяцев. Если же претендент проваливал проверку, то перед отлетом последней обязанностью жены было подарить птичку Ленинградскому Зоопарку. Еще одним из главнейших критериев подбора кандидата была ленинградская прописка - человек должен был жить в собственной квартире и не посягать на халявное жилье. Хут молча выслушал все условия и сказал, что он по всем критериям подходит, и предложение ему очень нравится. Тогда его пригласили на очное "интервью" с хозяйским чаем и Хутовскими документами. А какие у курсанта документы, кроме военного билета? К тому же Хут был родом из Сочи, и проканать за ленинградца с квартирой было невозможно.

На следующий день Хут явился по указанному адресу. Хозяева показали Сане пингвина, у которого оказалось звучное еврейское имя Айсберг, заварили чаек и начали допрос. Хут честно показал свой Военный Билет, а вот дальше его понесло, как Остапа Бендера. Он заявил, что учится в Военно-Медицинской Академии на Ветеринарном Факультете. (По-моему такого факультета и во времена Виллие не существовало). Специализируется на собаках, морских котиках и птицах (!) в основном из семейства ястребиных, ну и голубям в придачу - для секретных программ Советской Армии - мины ставить, да ворон с радарных решеток гонять, плюс голубинная почта. Так что лучшего кандидата для их питомца им не найти. Адрес его в военном билете не пишется, но что бы развеять все опасения, он просто приглашает их к себе в гости на ближайшее воскресенье. И без зазрения совести называет адрес одного курсанта-ленинградца из своего отделения. На том и порешили.

В тот же вечер Хут давай звонить этому курсанту, Вовке Чернову, и посвящать его в план операции. У этого курка папа геройствовал в длительной загранкомандировке, а маманя была зав. гинекологическим отделением здоровенной больницы МВД. Чтоб не сдохнуть от скуки маман заваливала себя клинической работой и частенько брала суточные дежурства. На Хутово счастье, она дежурила и в следующее воскресенье. Успокоившись от такого удачного начала, Хут попросил принести ему негатив с семейного портрета. В советское время в любом фотоателье делали такие большие черно-белые портреты, и негатив всегда отдавался заказчику. Потом Хут сделал еще звонок одной из своих многочисленных подружек, при этом он выбрал девочку с весьма низким голосом. Он быстро дал ей под запись номер

телефона и попросил позвонить по этому номеру в определенное время в воскресенье, чтобы поговорить с одной интеллигентной парой от имени его матери. Девочка страшно удивилась, но просьбу пообещала выполнить.

На следующий день Хут отправился в Дом Быта. Помните улочку, что упирается в Лебедева возле Штаба? На той улочке в 70-80х годах были пара рюмочных, где ошивались в основном адъюнкты-ординаторы и Первый Факультет, а напротив - монстр советского соцкультбытобслуживания. Там делалось все, и в основном все плохо - от ремонта бытовой техники, до фотографий. Хут нашел самого опытного фотографа, которого знало не одно поколение "академиков" - старого "земляка" пингвина Айсберга, еврея Моисей Маркыча. 99% Моисейкиных фоток изображали людей в форме. У Маркыча всегда подозрительно тряслись руки, но мастер он был что надо. Хутиев вытащил негатив и сказал: "Вот это - они. А перед вами - я. Нужно что бы я был с ними - одна прочная семья".

Моисей Маркыч положил негатив на белое стекло и изрек: "Ви, кугсант, на отца не похожи. Если одна семья - ото азухенвэй, надо папе лисину закгыть, а то такой этот полковник - как шлимазл Ленин, а ви - как Пушкин. Так не бивает, но исключительно для такого кгасивого гоя как ви, за двадцать пять гхублей - будет! Ви читали поэму ребэ Маяковича "Что такое цорес и что такое нахес?" Пока у вас в гхуках один нахес. Но стагый Моня знает, как тут навести ажур! Довегте дело дгугому - ото шалом, никто не повегит семейной идиллии на это фото. Всего двадцать пять гхублей!"

Но Хутиев был из Сочи и предложил ровно пятерку. Моню это унизило и оскорбило, он ведь привык к неторгующемуся, в своей основной массе, контингенту военнослужащих медицинской службы. Четвертной в то время - это были деньги! После некоторого препирательства Маркыч наконец изрек: "Ви такой жадный кугсант, что я вас вигоню если ви не согласитесь на десять гхублей. Это мое последнее слово для вас! Всего десять гхублей и завтга ви будете членом этой почтенной семьи! Ото за такое дело - это дешевле гхязи!"

Хут понял, что за следующим этапом торга будет приступ стенокардии у старого еврея. Поэтому он с выражением крайней признательности положил червонец и уселся на стульчик под лампы. Моисей Маркыч что-то долго вымерял рулеткой на полу,

потом линейкой на негативе и наконец принялся настраивать свой деревянный фотоаппарат, похожий на гибрид собачьей будки и гаубицы времен Первой Мировой. Затем маэстро принес здоровый кусок ватмана и белую простынь, после чего минут пять бегал вокруг Хута, кутая его в тунику, на манер шкуры у неандертальца, Мастер укреплял простынь булавками постоянно сверяясь с негативом. Наконец прозвучали традиционные слова про птичку, пара щелчков, и Саня Хутиев довольный пошел домой.

На следующий день Маркыч все же выжал с Хута еще трояк - два рубля за рамку и рубль за стекло, покрывавшее портрет. А портрет получился что надо! Между папой и мамой сидел Вовка, их родной сын, а Хут стоял сзади, положив руки на плечи отца и матери, как-бы нежно обнимая свою любимую семью. Более того, у отца на фото за ночь отросла очень густая шевелюра, как у самого Хутиева. Учитывая, что у Сани было четыре годички и постарше лицо, а курсант на фото был совсем мальчишка с нашивкой первокурсника, то семейный портрет выглядел очень реалистично - папа, мама, плюс младший и старший братья.

В воскресенье, за полчаса до назначенного срока Хут с портретом подмышкой ввалился в полковничью квартиру в "военном" элитном доме на Ленинском Проспекте (черт его знает, как сейчас называется это место). Вовка, сын хозяина квартиры, быстро ушел, договорившись, что сигналом к возвращению будет классический шпионский знак профессора Плейшнера из "17-ти Мгновений" - цветок на подоконнике. Хут разделся, бросил форму на кровать в спальне, но так, чтобы было видно через открытую дверь, с претензией - это моя спальня. Далее он пошел в душ, прихватив полковничий домашний халат и тапочки. Там он сидел до звонка гостей. Двери он открывал со словами извинения за внешний вид - мол только из ванной, все по-домашнему.

Гости проходят в зал. На самом видном месте висит семейное фото (оригинал спрятан в шкафу). Хут объясняет - это мой отец, полковник медицинской службы, герой Афганистана, доктор наук. Это моя мать - заслуженный врач-гинеколог, кандидат наук; а это мой младший брат - ветеринарию не любит, готовится стать человеческим хирургом. Мать срочно вызвали на работу, если успеет вернуться, то повидается с вами. Ведет гостей на кухню пить чай, попутно жалуясь на судьбу - брат на казарменном положении, отец - заграницей, мать - вся в работе, приходится ему одному жить в такой большой квартире. Любые

сомнения насчет нецелевого использования пингвиньей квартиры отпадают естественным образом. Звонит телефон. Хут долго говорит извиняющимся тоном любящего воспитанного сына. Потом передает трубку гостю, Валентину Николаевичу.

Низкий грудной голос в интеллигентной манере извинился за отсутствие на столь важном мероприятии. Гость заискивающе залапотал стандартное что-вы, что-вы, мол больные - это дело святое, не стоит извиняться. Затем маманя начала донимать гостя весьма неприятными вопросами. Вроде как она дает добро своему сыну на то, чтобы он подзаработал немного денег по уходу за пингвином, но ее очень волнует, а здорова ли птичка? А хороши ли санитарно-гигиенические условия того места, куда ему предстоит ходить ежедневно? Высока ли вероятность подцепить пситтакоз, орнитоз, сальмонеллез? Не агрессивен ли зверь? Есть ли у него внутренние паразиты? А вши? Проводилось ли вакцинирование? Состоит ли питомец на учете у ветеринара? Существует ли риск трансмиссивного заболевания какими-нибудь экзотическим антарктическими инфекциями? Короче несколько достала дядю, но в конце концов дала разрешение, с условием, что сын не будет долго задерживаться "на работе" и никогда не принесет эту тварь в ее собственную квартиру. Когда Хут наконец положил трубку, гости вздохнули с явным облегчением, затем чуть посидели и засобирались домой. Знали бы они, что строгой "мамаше" всего двадцать лет, и учится сей "заслуженный врач" в Педиатрическом Институте на третьем курсе. Девушка выполнила свою роль ответственно, ибо намечающаяся квартира была и ее будущим местом под холодным ленинградским солнцем на долгие восемь месяцев.

На следующий день Хут после занятий отправился на инструктаж по пингвиньему уходу. Дело оказалось не хитрым. Хут съездил в полярную семейку еще раза два, а затем Валентин Николаевич отчалил на зимовку. Жена его видимо имела несколько иные планы на месяц без мужа и на следующий день заявила Хутиеву, что испытательный срок он прошел успешно и нечего ему время тратить, ходить сюда каждый день. Приходите, Саша, за день до моего отлета получить ключи и деньги, а пока не мозольте глаза. Хута такой вариант тоже вполне устраивал. Он вернулся на курс и взахлеб рассказал нам об удачной афере, да пригласил через месяц на новоселье с грандиозной пьянкой через "Северное Сияние".

Прошел месяц. Все приглашенные подготовились к

"Северному Сиянию". Вообще-то "Северное Сияние" не было Хутиевским ноу-хау. Эта народная, чисто Академическая традиция уходит корнями в глубь поколений-академиков. Говорят, что впервые "Северное Сияние" засветилось с подачи самого генерала Тонкова, светила в области Нормальной Анатомии. И произошло это явление очень давно, когда молодой анатом сам был рядовым на первом курсе. Но все последующие поколения это изобретение гениального Тонкова безоговорочно приняли, в силу его толковости и громадного экономического эффекта. Суть изобретения состояла в следующем: сразу за входной дверью ставился тазик, а все приходящие на вечеринку должны были явиться с "пропуском" - с бутылкой любого алкогольного напитка. При входе "швейцар", специально выбранный для этой цели курсант, объявлял о приходе очередного гостя, изымал у него "пропуск" и выливал его в таз. После определенного времени таз ставился на стол, и другой курсант, "виночерпий", разливал кружкой то, что получилось. Понятно, что состав "Северного Сияния" варьировал от вечеринки к вечеринке. Принести какую-нибудь гадость означало испортить вечер для всех, поэтому все и подходили к выбору "пропусков" весьма ответственно. Водка и коньяк считались благородными элементами. Затем шли ликеры. Потом крепленые и купажированные марочные вина. Затем шампанские и сухие вина. На предпоследнем месте было "плодово-выгодное", дешевое фруктовое вино или плодово-ягодная наливка. И совсем западло было прийти с пивом или самогоном. Медицинский спирт стоял особняком, как "пропуск" принимался без ограничений, но без особой нужды в тазу не смешивался - все боялись "перебора". Можно (и желательно) было прийти с подругой, а лучше вообще прихватить и подруг подруги, но пропуски необходимо было предъявлять на каждое физическое лицо. Если у подругиных подруг "пропусков" не было, то все присутствующие джентльмены быстро скидывались и отправляли "посыльного" до ближайшей "точки" (винно-водочного магазина).

Хут дал нам адрес, назначил швейцара и виночерпия. К назначенному времени на сходку потянулся народ. Отдав пропуск швейцару, каждый проходил в коридор, где с каждым происходила немая сцена - каждого пришедшего персонально встречал пингвин Айсберг. Он пару раз кланялся гостю, а затем запракидывал голову и смешно трещал клювом. Конечно это был герой нашего бала.

Хут с гордостью делился своими познаниями в области

зоологии пингвинов и в сотый раз пересказывал, как он торговался с хозяином Айсберга, набивая цену по уходу. Изначально хозяин предложил рубль в день за работу и 50 копеек за прокорм. Хут сказал, что дары моря нынче дороги, а ездить ему с "его" квартиры далеко. И предложил все увеличить в два раза. Хозяин отверг такое предложение со словами: "Вы же просите бешенные деньги!" Тогда Хут снизил потребности и уболтал хозяина на 45 рублей за работу и 25 рублей за прокорм. Квартира и семьдесят рублей сверху! Семьдесят рублей - это была полная месячная зарплата санитарки в больнице. Хуту на руки было выдано 180 рублей аванса и 200 рублей на пингвиний "фураж".

Уже испив добрую половину "Северного Сияния", мы вдруг захотели чего-нибудь покушать. Ничего, кроме забитого рыбой морозильника в доме не оказалось. Тогда мы решили, что у Сани много денег, и он запросто завтра накупит пингвину свеженькой рыбки, а эту можно разморозить и пожарить. Короче в этот вечер, наша сводная рота сожрала подчистую все Айсберговские запасы. На следующий день Хут исправно купил пингвину новой рыбы и с месяц Айсберг пребывал в приятном расположении духа - выглядел, как банкир на приеме, а его черно-белая фрачная пара просто лоснилась от сытных обедов и ежедневных водных процедур.

Потом Хут со своей грудного голоса барышней начали питаться в ресторанах. А еще через месяц-полтора деньги кончились. У всех. Пингвин стал получать пайки на уровне норм блокадного Ленинграда или экстерминационного концлагеря Освенцим. Весь блеск его коротеньких перьев пропал. Птица целыми днями хмуро стояла в углу без движений. Потом появились признаки серьезного кишечного расстройства. Когда пингвин отваживался ходить, за ним сразу тянулась полоска зловонной жижи. Значит и электролитный баланс полетел, такое к верной смерти. Самое страшное - птица стала мокнуть и сильно мерзнуть в воде. Видно у нее не хватало ресурсов даже на нормальную секрецию жира, что делает всех водоплавающих тварей ненамокаемыми. Надо было изыскивать резервы, чтобы прокормить птицу на фоне глубочайшего финансового кризиса Александра Хутиева.

Самыми разумными оказались два метода, и оба были неразрывно связаны с Академией: Первый метод заключался в том, чтобы просто притащить Айсберга к нам на курс в общагу, и сердобольные курсанты скидывались копеечками и посылали

гонца в "Мокруху" - рыбный магазин недалеко от Факультета. Всем нравилось кормить Пиню с рук. Наверное ввиду общего антисемитизма, его официальное имя Айсберг в курсантской среде не прижилось. Наиболее жалостливые курсанты, как Например Сив и Витас, даже ездили на рыбалку, чтоб порадовать Пиню свежачком - витаминизированной живой рыбкой. Кто-то где-то стащил здоровую банку вонючего рыбьего жира, и дело быстро пошло на поправку. Надо было шприцом закачать приличную долю снадобья в рыбу через рот, и сразу всунуть ее в клюв птичке. Пиня против такой добавки не возражал. Его перышки вновь залоснились, он с удовольствием купался - часами стоял под холодной водой в душевой Факультета, что на первом этаже. А когда его выносили в большой сумке в Парк Академии, то он резво катался там по сугробам, скользя на своем брюхе и гребя своими веслами-крылышками. Смотреть эту картину выползали все калечные с Военно-Полевой Хирургии. И долго бы длилась эта идиллия, если бы у Пини были за его здоровым клювом хоть какие-нибудь мозги. Наверное мозгов у пингвинов совсем нет. Однажды застроил нас Автоковбой на какое-то серьезное построение. Все только заровнялись, засмирнялись, как откуда-то из умывальника гордо выходит Пиня и идет своей важной пингвиньей походкой перед строем прямо к начальнику курса, как генерал перед парадом. Коклюшин в визг. Хуту три наряда и приказ птицу отнести, где взял. Устроили тут цирк! Где дисциплина!? А еще сказал, если птица когда-либо в расположении появится, то будут пять нарядов, а животное пусть немедленно учится летать, ибо он лично скинет эту тварь с крыши Факультета.

Хут наряды отстоял, но птичку не бросил. Он нашел второй метод ее прокорма. Следовало поздненько вечером просто принести Пиню в нашу курсантскую столовую. Прапора и поварихи обычно давали ему столько рыбы, сколько тот мог сожрать. Им тоже нравилось кормить пингвина. А рыба у нас была каждый день, поэтому перебоев с кормом можно было не опасаться. Этот метод тоже работал весьма долго, пока Хут не нарвался на дежурного по Академии. Как назло это был самый злостный дежурный по Академии за всю ее славную историю - солдафонище немедицинской службы полковник Новицкий. Нрав у деда был крутой, а характер как у раненного вепря. Он устроил всем разгон, слава Богу, что Пиню в суп в сердцах не кинул. Прапор Ложки-Давай, завпроизводством в нашей столовой, сказал Хуту, в следующий раз его питомец будет висеть на крюку в подвале на мясоразделке, и Хут тоже будет висеть там же на

соседнем крюку. Халява конкретно кончилась. Недалеко от нашей столовки у набережной Невы была самая здорвая валютная гостиница города - знаменитый многоэтажный отель "Ленинград". На заднем дворе этой гостиницы какой-то повар раз вынес Пине кусочек сырой осетрины и ведро рыбьих кишок. Пингвин осетрину съел, а от требухи отказался - типа мне, благородному, лучше сдохнуть, чем помои хлебать. На что повар очень обиделся и послал на пару Хута и Пиню куда подальше. Везде облом.

Дело было близко к сессии. Хут назанимал денег, у кого сколько мог, и купил рыбы. Он разбил рацион по дням, в рестораны не ходил, коньяк больше не пил, а пил воду из-под крана. Сам голодал, незаконно втихую поджираясь с младшими курсами в столовке, куда старшекурсникам считалось зайти страшное западло, но Пинину жратву не трогал. Его цель была сохранить пингвина живым до отпуска. После сессии Хут сунул Пиню в большую сумку, сел на поезд и поехал домой в Сочи.

А вот вернулся Хут из отпуска пустым, но с пачкой очень интересных фотографий. Пиню он оставил дома по приказу очень высокого командования. Оказывается, папан у Хута был при лампасах - начальником самого престижного Санатория Генерального Штаба Министерства Обороны. У него там в любое время маршала найти можно было, а уж генералов армий и адмиралов флотов - как собак нерезаных. И принято было там весь этот спецконтингент очень ублажать - любое их слово было законом потверже Воинского Устава.

Принес Саня пингвина в свою сочинскую квартиру, к папе с мамой. Мать в визг, отец сына на допрос с пристрастием. Выкладывай, гадёныш, где такую тварь нарыл?! Ну Хут всю правду-матку батяне и выложил, конечно за исключением операции по вхождению в доверие к полярникам, да как мне кажется, и о сожительнице умолчал. В этот момент Пиня насрал посреди комнаты. Делать нечего, забрал его генерал в свой санаторий.

Проходит две недели, Хутиеву в Академию возвращаться пора. Он к папику, ты мол бать, извини, надо бы птичку домой везти. Тут батяня еще круче разошелся: "Ты, щенок, понимаешь, что просишь абсолютно невозможное? Пиня у нас уже в штат официально введен, на спецдовольствие поставлен, солдат из биофака МГУ денно и нощно при нем. Военный ветеринар с ближайшей погранзаставы на пограничном катере прибывает

птичку осматривать раз в три дня по расписанию, как бы наш Пинюшка не заболел. Условия для него - лучшие условия для пингвина с начала Дарвиновской эволюции. Забудь про птичку! К приезду твоих ледовых людей я тебе пошлю телеграфом денежный перевод на 500 рублей. Сейчас ни копейки не дам - пропьешь. Получишь деньги, отдашь всё настоящим хозяевам пингвина. А вот что брехать будешь по поводу его исчезновения, меня не волнует. Но что бы о Санатории ни полслова! Мне проще твою Академию прикрыть, чем пингвина им отдать. Ты только посмотри на эти фотографии! Это маршал Куликов после баньки с Пиней в холодном бассейне плавают. Это маршал Кутахов кормит Пиню свежепойманной кефалькой, им самим, собственноручно пойманной! А это подвыпивший маршал Ахромеев держит Пиню за крылышки и танцует с ним вальс! И ты такого ценного работника с воинской службы уволить хочешь и каким-то "пиджакам" передать? У тебя государственный подход в твоей дурьей башке имеется? Ты об обороноспособности Родины хоть иногда думаешь?"

По приезду пошел Хут на Кафедру Биологии. Выпросил там полведра глистов. Помните таких жирных мерзких аскарид? Их там всегда полно было, первоклашкам их пачками резать давали. То что конская аскарида в пингвине не живет, Саню не волновало. Получил Хут отцовы деньги как раз перед приездом полярников. Встретил их и повинился: "Не оправдал я вашего доверия. Обнаружились у Айсберга гельминты. А я диагностику неправильную поставил, голубиные таблетки от ястребиных глистов стал ему давать. Сдох он. Сделал я вскрытие, тело кремировал в нашем ветеринарном крематории, а как доказательство причины его смерти глистов оставил - вам показать. Там они в банке, в холодильнике, сразу за булкой хлеба стоят. А денег мне не надо - вот смог насобирать только пятьсот рублей, отдаю это вам, как компенсацию за усопшую птичку".

Полярники первым делом попросили глистов из холодильника выкинуть. Заодно выкинуть и все продукты, что там лежат. Потом попросили холодильник отмыть каким-нибудь дезраствором покрепче. Потом обратно отдали Хуту его пятьсот рублей и сказали, что он очень честный и ответственный курсант. На прощание Валентин Николаевич достал кусок окаменевшего дерева, с одной стороны красиво отполированного кем-то из полярников в дни томительного безделья на зимовке: "Держите, Саша. Когда-то в Антарктиде были леса. Этой окаменелости более ста миллионов лет. Такое не в каждом музее есть. Этот редкий

сувенир - специально для вас, вы человек чести!"

Хут рассказывал, что пингвины Адели до 35-40 лет доживают. Может и сейчас Пиня все еще плещется в генеральских бассейнах? Чиркните пару строк, кто знает.

АЛЬПИНИСТКА ТЫ МОЯ

В целом жизнь наша была счастливой, а с четвёртого курса вообще райской - во-первых развитой социализм в ином и сомневаться запрещал, а во-вторых молоды мы были. Уже не дети, но ещё не взрослые. Слово "пенсия" относилось к реальности также, как "когда солнце потухнет", да и остальные заботы в виде болезней, карьеры и денежных проблем сидели исключительно в гипотетическом будущем, с настоящим никак не связанным. Бытиё такое казалось будет беспечно-вечным. А бытиё - как тогда все, начиная с Энгельса, считали - определяло сознание. И всё бы ничего в этой формуле, если бы не полный запрет на алкольно-половую жизнь. Сознание, дуэтом с подсознанием, такое принимать наотрез отказывались, прявляя в этом вопросе завидную несознательность.

Рядом с нашей столовкой примостился Клуб Академии. Любили мы этот уголок - слева пища для тела, справа - для духа. В клубе проводились нудные собрания, где политработники разных рангов нас жизненным правильностям учили, а каждую чётную субботу там показывали кино, тоже нудно-воспитательное. Понятно, что за эти мероприятия большое желтое здание особых симпатий сыскать не могло. Любили же мы его исключительно за нечётные субботы. В эти дни в большущем клубном зале устраивались танцы. На танцах играл наш академический оркестр, только солдатики-оркестранты в этот вечер оставляли свои флейты о фонфары, а брали электрогитары и примитивный клавишный синтезатор. Но ребятки в оркестре были поголовно с высшим музыкальным и играли весьма профессионально, разве что мировые шлягеры распевали с рязанским акцентом. Эта дискотека пользовалась завидной популярностью у студенток Ленинграда, и те выстраивались в длинные очереди, чтобы накануне успеть купить билет. Для курсантов же вход был бесплатный, и прозвали мы это мероприятие "Крокодильником". Надо отдать "Крокодильнику" должное - добрая половина женатиков нашла своих супруг именно там.

Почему-то самые старшие курсы ужасно стеснялись туда заходить, но всё равно заходили. Обычно подыскивался какой-нибудь подходящий по габаритам первокур, и с ним менялись кителем. Тот тоже был рад-радёхонек - ходил и гордо демонстрировал на рукаве забор из шести нашивок. Пришедшие на танцы барышни, особенно из тех, что сами были на старших курсах, на подобные вещи реагировали мгновенно - о, вот это кандидат! Такой уж точно просто так голову дурить не будет, выпуск на носу. Но "кандидат" голову дурил и никаких планов на будущее не строил. А вот соплячок-первокурсник, напротив, оказывался галантным ухажером, не по годам рассудительным, что порою тоже подкупало. Четвёртый же курс был серединка-наполовинку. И ветра в голове порядочно, но уже без ювенильного инфантелизма.

В тот вечер я, Коля и Шлёма бодро отплясывали на "Крокодильнике". Вдруг к нам подходит Сив: "Мужики! Помогите мне на Факультет девушку провести. Беда-то какая - у них там институтские общаги очень гадкие - раздельного проживания. Мужиков туда на ночь не пускают, а в моей комнате как раз все в суточное увольнение ушли. Получается, что лучше её к нам, чем мне к ней". Ну раз боевой товарищ просит, то надо помочь - мы придумали самый простейший план.

Дежурным по Факультету в тот вечер был старшина по кличке Рекс. Гнида ещё та - словно сам никогда молодым не был. Сторожевыми псами посадил с собой на входе самых верных инквизиторов. Сержанты Мерзота, Тромбоз и Каловый Завал внутрь не только никого, а даже ничего постороннего не пропускали - устраивали досмотр вносимых сумок, да стучали по рукавам шинелей. Прорываться через такой блокпост даже теоретически было делом гиблым. Но на наше счастье на соседнем этаже обитал курс "дебилов". Их начальник, полковник Василенко, серьёзно запил и за дисциплиной на курсе совсем не следил. Поэтому они и получили кличку "дебилы" - за полную бесконтрольность. По словам замполита, "приходится терпеть этот Содом и Гоморру - не выгонять же весь курс". До он может быть и выгнал, но тогда бы и его самого с остальным начальством точно бы выгнали, мол как допустили? У "дебилов" с сокрытием воинских правонарушений всегда был порядок - всё сохранялось покруче военной тайны. Поэтому мы и решили Сивову зазнобу протащить по тылам - завести не снизу вверх, а сверху вниз, через "дебильное" расположение.

Предложен был канатный вариант. Дело в том, что на "физо" (физподготовке) нас частенько заставляли лазить по канатам. Канатов было много, и группки у каждого каната получались маленькие - не успеешь отдохнуть, как опять твоя очередь на чёртовой веревке болтаться. Тогда на одном субботнике, когда спортзал мыть погнали, какая-то мудрая голова предложила половину канатов тайком вынести в мусорный контейнер. Канатов стало мало, и период отдыха заметно увеличился. А нашего Колю жаба взяла - чего это такие хорошие канаты, да уедут на свалку. Той же ночкой он в мусорку залез, достал несколько верёвок, притащил их на Факультет, где и припрятал на чердаке. Зачем ему канаты он сам не знал, и отвечал просто: "нехай лежат, жрать не просят". Вот и пригодились Колины канаты - из одного решили связать некое подобие парашютной подвесной системы, привязать к другим до нужной длины и скинуть из окна "дебильного" туалета. В подвесную систему должна погрузиться Сивова подружка, а мы вчетвером затащить её аж на пятый этаж, где дежурных обычно не бывает. Вариант казался вполне безопасным, и Сив его одобрил.

Вышли мы из "Крокодильника", ждём Сива с подружкой. Наконец идут. Вот это деваха! Росту под сто-восемьдесят, и весу под восемьдесят, если не сто. Причем масса тела наиболее сконцентрированна в двух местах - в гудях и бедрах. Представились. Звать девицу Оксана Евгеньевна Глыба. Да при такой внешности, да с такой фамилией!.. Сив сказал, что все ее так и зовут Глыбой, ну а ласково Ксюш Женьевной, или коротко Ксюженой. Нам понравилось - и сама Ксюжена, и её имя.

Ладно, пойдёмте, госпожа Глыба, альпинизмом заниматья. Оставили мы Ксюжену у торца здания, а сами прошли в парадный вход Факультета. Лица невинные, сержанты даже досматривать не стали, так хлопнули по карманам, нет ли бутылок. Вот дураки! Да когда они дежурят, все нормальные курсанты спиртное на веревочках сразу на балконы поднимают, прям как мы Ксюжену. Коля смотался на чердак, принёс канаты. Мы Шлёму за примерочный манекен взяли, только на таз и бюст допуски оставили, связали обвязку и кинули её вниз.

Ксюжена в обвязку залезла, давай мы её тянуть. Тянем, потянем, дотянули до третьего этажа. А тут узел, что два канта связывал, за жестяной подоконник зацепился. Мы дальше тянуть, а там такой скрежет! Ну думаем, точно сейчас на звук Рекс прибежит. Сив высунулся из окошка и орёт: "Глыбочка! Ты руками

и ногами от стенки на счёт раз-два-три оттолкись, чтобы узел освободить, а мы тебя в этот момент поднимем выше зацепа". Ну Глыба ка-а-ак прыгнет, мы как дёрним... Узел не осводился, подоконник отодрался, а Ксюжена при приземлении ногой в форточку. Бах-трах-звяк!!! Вниз с грохотом падают осколки стекла и подоконник. Сив опять высунулся: "Глыбка, ты там живая?" Та отвечает, мол все нормально, только вам в сортире стекло выбила. И тут снизу кто-то строго как заорёт: "Это кто там Ксюжену на Факультет тащит?!"

Мы тут едва деваху не угробили - от неожиданности чуть канат не бросили. Отпрянули от окна, в тёмном туалете нас всё равно не видно. Замерли с канатом в руках и шепотом ситуацию обсуждаем, кто там - Рекс или сам дежурный по Академии? Потом нас сомнение взяло - как они могут знать, что Ксюжену Ксюженой зовут? Тогда мы Сива, как зачинщика, заставили из окна выглянуть, рекогносцировку провести. И шепчем ему в спину: "Сивохин, гад, если там патруль или начальство, то тогда, не подходя к окну, быстро Ксюжену назад стравливаем, а как та на земле очутится, то сразу тикаем. Пока они там до "дебилов" на пятый этаж поднимутся, мы уже к себе убежим". Сивохин высовывается из окна и начинает ржать: "Не патруль то, то - Хут!". Ну у нас от сердаца отлегло, давай мы опять Ксюжену тянуть. А Хут снова орёт: "Сив, а на хрена ты её к себе тянешь? У тебя же к утру яйца от излишнего давления лопнут - она тебе не даст. Я её уже три года знаю - она никому не даёт!"

Тут уже Сив нам командует, мол а ну прекратить подъем! И давай Хута спрашивать, это же откуда он Ксюжену знает? Тот и отвечает, что учится Ксюжена в "Крупе", в Институте Культуры имени Крупской, а живет она в "Грелке", в женской общаге того института в двести-одиннадцатой комнате. И что начиная со второго курса он в ту комнату регулярно в гости ходит, и кроме как пожрать, ему там больше ничего не дают. И никому не дают. Тогда Сива за Ксюжену гордость взяла - он и объявляет Хуту, что Ксюжена девушка порядочная и давать кому папало не будет. С этими словами он и спашивает Ксюжену, мол правда ты никому не даешь? Та и отвечает, мол правда. Тогда Хут аж подпрыгнул от восторга: "Видишь, Сив, что я говорил - никому она не даёт, и тебе не даст!" Тогда Сив высунулся, строго на Ксюжену посмотрел и спрашивает: "Глыбонька, а ну отвечай честно - мне дашь?"

Нам Глыбу не видно, но по паузе чувствуется, что та серьёзно над Сивовым вопросом задумалась. Потом доносится

сдавленный вздох: "Не зню... Мы же друг друга ещё не очень хорошо знаем..." В ответ Сив как заорёт: "А ну, ребята, бросай её!" Мы второй раз чуть деваху не угробили, опять чуть канат не бросили. Канат дёрнулся, и тут уже закричала Ксюжена: "Тебе дам, точно дам!!! Только канат не бросайте!" Ладно, и без давания не бросим. Затянули мы Ксюжену в "дебильный" туалет, затем без приключений спустились на свой "горбатый" курс и разошлись по комнатам.

Сдим мы, смотрим на "Правила", что на стенке висят, и вслух Сиву завидуем - вот кому везёт, мы тут холостякуем, а он с такой знойной бабищей... А в правилах тех кроме запретов на употребление электронагревательных приборов и предупреждений о недопустимости хранения гражданской одежды, была и такая нелепая, с нашей точки зрения, строчка: "курсантам запрещается распивать спиртные напитки". Тоскливо нам стало, достали мы запрещенный электронагревательный прибор и давай на нём картошку на ужин жарить. Пожарили, а там достаём припрятанную бутылку водки - не погулять, так хоть "Правила" нарушить. Тут стук в дверь, открываем - Шлёма банку лимонной спиртовой настойки принёс. Ну заходи, присаживайся. Только сели, опять стук в дверь. Открываем - стоят довольные Сив с Ксюженой и держат здоровенный пузырь "Зубровки". Наверное уже сделали свое дело. Ну заходите, в таком коллективе запрещенное разпитие спиртных напитков - одно удовольствие. Мы, значит, перед Ксюженной, как единственной дамой на нашем балу, всё свое галантство-кавалерство выставляем и за её здоровье пьём стоя и по полной. Чем там вечер кончился, я не помню.

ЛЕТАЮЩАЯ ДОСКА ПОЧЕТА

Утром следующего дня генерал Образцов, по кличке Образец, он же начальник Факультета, топал в свой генеральский кабинет. У генерала был роскошный повод выпить с замполитом - эту ночь он провёл в клинике Гинекологии, где стал дедушкой. Точнее это его дочка во всем виновата - она там рожала, ну а дед своими генеральскими эполетами лишь смущал персонал. В десяти шагах позди генерала на свой "чилийский" курс шёл капитан Ольшанский, по прозвищу Пиночет. Неясно, чего ему от бедных "чилийцев" в воскресный день понадобилось - скорее всего просто в очередной раз своих питомцев потерроризировать захотел. Как обычно перед актами садизма, настроение у Пиночета было возвышенно-приподнятым, и глаза горели праведно-маниакальным блеском укрепления дисциплины. Вдруг из окна Факультета вылетает плоский объект, в воздухе совершает несколько фигур высшего пилотажа, потом какое-то время планирует, как фанера над Ленинградом, и втыкается под ноги генералу. Генерал от неожиданности аж подпрыгнул, и похоже от страха чуть не наложил в штаны. Затем стал невротически оглядываться. Тут он заметил Пиночета и истошно завизжал. На вопль из Факультета сразу выскочил Рекс, все

вместе они подшли к неизвестному летающему объекту. И правда - фанера. На обороте фанеры написано "Доска Почёта 4-го курса".

У генерала начала нервно подёргиваться щека. Он бесцеремонно ткнул указательным пальцем снанала в грудь Пиночета, потом в Рекса. А затем раздул свою грудь, что чуть орденские планки с мундира не поотлетали, и визгливым фальцетом заорал: "Р-р-разобраться и наказать!!!" В этот раз на генеральский вопль прибежали Тромбоз, Мерзота и Каловый Завал. Вся эта ответственная братия, беспрерывно козыряя, залепетала, что непременно через пять минут виновник будет изловлен и наказан. Но тут остановилось такси, из которого за огромной охапкой цветов выползла полковничья папаха. Это весьма кстати подъехал Вася Кононов (он же Серпомолот). Надо же, какой редкий случай - замполит кстати. Увидив фанеру, замполит изрек: "Вот дожили, уже почётными курсантами раскидываются", а потом вручил цветы генералу и многозначительно постучал по дипломату. Образец с досадой махнул рукой, и высшее командование удалилось обмывать новорожденную внучку.

Вообще-то чтобы определить этаж, откуда вылетел стенд, большого ума не требовалось - написано же, что четвёртый курс. Но Ольшанский задрал голову, и водя пальцем в небе и медленно шевеля губами, показывал нижним чинам, что проводит немыслимые по сложности логические расчёты. Наконец Пиночет изрёк: "Видать с четвёртого этажа, с третьей от угла, комнаты". Ну да, единственная комната, где окно открыто. Капитан, прапор и сержанты со всех ног бросились на Факультет и уже через секунды загрохотали сапогами по лестницам к месту преступления. Если обычний вид комнат нашего общежития именовался бардаком, то тут были последствия ядрной войны. Стол перевернут, тумбочки на боку, на полу разбросаны сигаретные окурки. Две кровати сдвинуты и на них спит не соответствующее регламенту количество человек - поперёк лежат трое. А вот матрас с третьей кровати пуст, но почему-то стянут на пол.

Грозный вопль Рекса, истошный визг Пиночета и тяжелое сопение сержантов нас разбудили в секунду. Рассудок от остаточного алкоголя, в наших организмах уже порядком перебродившего в ацетальдегид, соображал плохо, голова расскалывалась. Самое интересное, что ни Ксюжены, ни Сива, ни пустых бутылок в комнате не было. Кое-какую информацию сразу

выдал старшина "чилийцев" по прозвищу Клитор: "Товарышш капытан! У ци хлопци, шо з четвэртого, усю ничь туды-сюды бигалы, та й писни спывалы. Я йим говорыв, алы им усё до сраци - мабуть пьяни булы". Пригрозив военным трибуналом за дачу заведомо ложных показаний, Пиночет начал допрос. Имея фамилию весьма польскую, выговор у него был почему-то татарский, а склад ума вообще каких-то народов севера. Вообще-то он был ужасно глупый капитан и допрашивал нас всех сразу. Мы глядели друг другу в рот и говорили самые безопасные варианты.

- Почему на подоконнике пыл?!
- Какой такой пыл, товщ капитан?
- Ни "какой", а "какая"! Пыл это гряз!
-А-а-а... Э-э-э... За ночь налетела, товарищ капитан! (Вот уж действительно актуальный вопрос по ситуации).
- Почему окно открыто?
- Виноваты, товарищ капитан, нарушив Устав и "Правила Проживания" мы вчера курили в комнате. Ну и как положено после этого открыли окошко,чтобы проветрить. Стало холодно, вот мы и сдвинули койки! Нет, мы не голубые, просто втроём на двух койках да ещё поперёк намного теплее.
- Почему матрас валяется?
- М-м-м... Вымораживали возможных клопов!
- У кого вчера был праздник?
- Шутите, товарищ капитан - ни у кого не был.
- Из вашей комнаты стенд вылетел? И не врать мне - свидетели свидетельствуют факт открытого окна!
- А-а-а, стенд вылетел... Какой такой стенд? Ах "Доска Почёта"... Что, правда вылетела? Ей богу ничего не знаем, ничего не не видели и не слышали!

А мы и вправду не видели и не слышали, хотя конечно, догадались, что это Сив с бодуна в наше окно стенд выбросил. А вот зачем, поди ты разберись теперь! Может потому что сам там отродясь не висел? В самом деле, не закладывать же Сива, не рассказывать тут Пиночету про Ксюжену и про водку.

Короче, влудил нам Пиночет по три наряда. Вот уж испугал - да на чевтёртом курсе наряды уже совсем формальным наказанием были. Только рано мы радовались - сержанты поумней начкурса оказались. Они разбрелись по комнатам и устроили там перекрёстный допрос. Тех, кто особено запинался, выталкивали в коридор к Рексу, и тот к ним преступал уже как

нацист-гестаповец к жертве-коммунисту. Вскоре пара таких "девочек" раскололась - да, видели, как утром курсант Сивохин снимал стенд со стены. Больше ничего не знаем. А больше ничего и не надо - виновник ясен!

В этот миг Сив спокойненько спал на лавочке в парке, что через дорогу от Кафедры Физиологии. Случилось вот что - мы все перепились, накурили и легли спать, а в Сивову комнату нежданно-негадано приперся кто-то из жильцов. Из тех, кто должен был быть в суточном увольнениии. А Сиву с Ксюженой опять приспичило. Тогда они здраво решили, что это безопасней совершить в комнате, где спят трое в трабадан пьяных мужиков, чем где один трезвый. Тогда они стащили со свободной кровати матрас на пол, чтобы не скрипеть и нас не будить. Утречком они еще раз совершили своё молодое дело, а потом Сив решил устроить Ксюжене экскурсию по расположению курса. Когда дошли до "Доски Почёта", Ксюжена заметила на ней портрет курсанта Хутиева - ну Хута, своего прежнего дружка. Сиву это не понравилось, вот он и выкинул этот стенд в окно. Ну правда, не знал же он, что в воскресное утро там генерал будет идти! Потом Ксюжена пошла умываться, а Сив взял свою канистрочку и отправился с утреца за пивом всем нам на опохмел.

Он всегда так за пивом ездил - у него был смешной велосипед "Десна" со здоровыми педалями и маленькими колесиками. На багажник Сив резинками привязывал канистру и ехал на "Яйца" или в "Очки". Перед ближайшией пивной точкой висела здоровая вывеска "Очки", а за ней сразу два пивных ларька, вот мы их и прозвали так. Чтобы не сильно нарушать воинский порядок, хранил Сив свой велосипедик в лыжной комнате, что в другом конце коридора. Получается, что когда он скатывал свой велосипед по одной лестнице, вся Пиночетовская команда неслась вверх по другой. Внизу в "будке-аквариуме" дежурного никого не осталось, вот он и вышел незамеченным. А Ксюжена в это время еще одно полезное дело сделала - собрала все пустые бутылки и выкинула их в мусорный бак, что в туалете стоял. Сив пива купил, ну и пару кружечек (а может и не пару) пропустил по случаю. На обратной дороге его с похмелья разморило, вот он и присел чутка вздремнуть на лавочке. А Ксюжена услышала шум в коридоре и тихонечко выглянула - видит к нам в комнату вваливается куча злющих военных. Поняла она, что такое не к добру, и из туалета пробралась в первую попавшуюся комнату, открыла шкаф с шинелями и за ними спряталась. Потом уже, когда нас Рекс и Пиночет трясли, её

тайком наряд через задний вход вывел - взяли ключи, якобы мусор выносить, и вывели.

Через часок приходит Сив. Мы на него в гневе - ты зачем, зараза, настенной агитацией в генералов кидаешься? Кстати, генерал сегодня дедом стал - может помилует. Поплёлся Сив к метро. У грузинов купил три гвоздики, пришел обратно на Факультет и стучится в кабинет к Образцу. А тот уже с Серпомолотом там прилично укушанные сидят. Заходит Сив, представляется. Ну генерал и вопрошает, чего там у тебя?

- Товарищ генерал, разрешите поздравить и повиниться! Я, как фотограф четвёртого курса, сегодня переклеивал курсовую "Доску Почёта". Клей был ужасно вонюч. Вынужден был отнести стенд на просушку в комнату, где было открыто окно. Курсанты в той комнате спали, я их не будил. Тихонько положил стенд на подоконник и вышел. Однако информирован сокурсниками, что из-за порыва ветра "Доска Почёта" вылетела из окна вам под ноги. Прошу считать меня единственно виновным в данном происшествии, и готов понести заслуженное наказание!

Генерал уже давно отошел от первоначального стресса, а после посиделок с замполитом и вовсе подобрел. Встал, по-отечески потрепал Сива по макушке, сказал, что уважает смелых, честных и сознательных, а потом отпустил его на все четыре стороны, даже никак не наказав. Правда нам наряды не отменили, ну ничего - Сив нам пива привёз и мы его тоже простили.

БИЦИЛЛИН КАК КАРА БОЖЬЯ

Вроде бы без серьёзных последствий прошла пьянка с Ксюженой. Да хорошо то, что хорошо кончается. На третий день по утру залетает в комнату Сив с воплем "триппа-а-ак!" Был у нас свой местный уролог - Женька Велиев, был местный микробиолог - Поль. Один клиническое течение мужской гонореи на Кафедре Урологии углублённо изучал, другой ту же гонорею на Кафедере Микробиологии в микроскоп разглядывал, да на питальные среды сеял. Собрали мы неотложный консилиум. Ну еще психиатра, Шурку Журкина позвали, потому что Сив грозился совершить зверское убийство с расчленением. Шура Сива успокоил - может Ксюжена сама о таком казусе не знает, женская гонорея часто молчком протекает, это у мужиков - как в туалет, так в крик. Сив чуть отошёл, клянётся благородство проявить - и себя и Глыбу от триппера вылечить. Главврачём и начмедом

такого мероприятия единогласно избрали Хута, самого большого знатока и практика в области "гуссарского насморка" в полевых условиях, Женька пошел профессор-консульатантом, а Поля поставили на лабораторное обеспечение.

Хут злорадничал - вначале предлагал Сиву "сдаться" в поликлинику Академии или прямиком на Кафедру Урологии. По советским правилам, предназначенным для борьбы с кожвензаболеваниями, в подобном случае назначалось настоящее расследование - с кем, когда и как? При этом Хут делал невинную морду и с глубоким вздохом сообщал, что тогда уж точно дежурный врач стукнет на Факультет, и Сива выпрут за аморалку. Мы все гневно набросились на Хутиева - чего же ты, гад такой, говоришь!? Тебе же радоваться надо, что что тебе самому Глыба не дала, а не над горем сослуживца измываться. Хут еще морды покорчил, а через день принёс здоровую упаковку бициллина. Это такое лекарство, которым самый неосложненный, самый простецкий триппер в наши юные годы лечили. Мы об этом весьма хорошо, хотя и чисто теоретически, знали. Однако никто из нас собственноручно бициллин никогда в жизни не колол. Даже Женька, который уже назначал бициллин десятки раз, сам его ни разу не вводил - в клиниках это был исключительно удел медсестёр.

Первым делом мы попросили Поля сделать посев, выделить культуру и проверить её на чувствительность к пенициллину. Дело в том, что бициллин, это такая разновидность обычного пенициллина. Только пенициллин надо шесть раз в сутки колоть, а бициллин всего раз, ну от силы два - он очень долго из мышцы в кровь всасывается. В этом и есть его главное достоинство - колоть меньше, лечение проще. Поль принёс с "Микробов" чашки Петри с какой-то жутко дефицитной и мудрённой средой, взял у Сива мазок на стекло, а потом посеял культуру. Чашку ту он словно градусник засунул подмышку - гонококк животное очень нежное и даже от малейшего переохлаждения может погибнуть. Потом он бегом побежал на кафедру, где и положил посев в термостат. Вскоре на агаре выросли колонии гонококков. Тогда Поль их пересеял в другую чашку, а по верху накидал маленькие кружочки бумаги, пропитанные разными антибиотиками. Вот и этот результат готов - вокруг бумажки с пенициллином самая большая чистая зона. Порядок, ребята, смело колите бициллин, научно доказано, что поможет. Сив, тебе крупно повезло - против твоего доисторического штамма это самый сильный препарат!

Тогда Хут притащил виды видавший стеклянный шприц и пару тупых иголок. По белесому налету на стенках и игольным кончикам, загнутым крючками, было видно, что пользовалось этим инструментом уже не одно поколение курсантов. Стерилизатора у нас не было, и инструментарий мы проварили в обычной банке, где заваривали чай. Потом Хут изрек банальные слова, про то "иголочка тоненькая - как комарик укусит", насосал полный шприц бициллина, протер Сивову задницу одеколоном (спирт мы уже весь попили) и с размаху всадил туда иглу. Сив дернулся, как в кино, когда убивают. Хут скривил губы и стал со всех сил вгонять бициллин. Поршень шприца застыл на месте, а Сив тихо засковчал.

Хут вытащил иглу, насосал в шприц водуха, потом выдавил, пока из иглы не брызнула тонкая струйка, и опять вогнал в Сивову ягодицу. Теперь Сив взвыл уже в голос, а поршень как назло не с места. Хут опять вытащил шприц, опять прокачал иглу и засадил уже в другую ягодицу. Результат тотже. Разгневаный Сив вскочил с кровати и побежал к книжному шкафу, где у него стоял справочник лекарственных препаратов. Сдиться на стул он не стал, а просто опустился у стола на колени. Минуты три он озабочено листал справочник, а потом как заорёт: "А еще он на доске почёта висел! Элементарных вещей не знает - бициллин это суспензия, он же забивает тонкие иглы! Живодёры, садисты, двоечники!" Потом мы коллективно протирали окровавленную Сивову задницу одеколоном, бормоча извинения и оправдания. И правда - иголки у нас были тонкие, такими бициллин вводить нельзя. На следующий день Женя притащил с Урологии нормальные толстые иглы, а Сива мы стали колоть в положении на боку. Порой "пробки" бывали, но в общем лечение пошло без проблем. А потом остатками бициллина и тем же инструментарием Сив еще Ксюжену пролечил. Та ему еще больше была благодарна, хоть Сив признался, что над её роскошной задницей он поздевался куда значительней, чем мы над ним.

УДАЧНО ЗАПИЗДНИЛИСЬ

Уж коли вспоминать пьянки с залётами, но без последствий - то эта история всё равно особняком стоит. Дело было как раз посредине четвёртого курса - через каких-нибудь пару месяцев после случая со стендом. Мы в тот день сдали зимнюю сессию. Вообще, что опаздывать плохо любой военнослужащий, да и гражданский знает. Но бывают в жизни моменты, когда опаздывать хорошо, даже очень хорошо и крайне полезно для

здоровья. В виде баек о таких моментах каждый из нас десятки раз слышал. И я слышал, а вот в реальности свидетелем подобной ситуации пришлось быть только один раз.

В нашем взводе было два курсанта-белоруса - Слава Тихановский и Андрей Валентюкевич. Или Тихон и Кевич по-нашему. Связывало их землячество, переросшее в крепкую дружбу. Купили они себе билеты на самолет, в отпуск, в родной Минск, лететь. Места рядышком. Даже жребий кинули, кому у окошка сидеть. Все хорошо, одно только неудобство - рейс из Пулково очень рано утром. Добираться плохо. Или всю ночь в аэропорту надо ждать, или же вставать ночью и тащиться к Финляндскому Вокзалу, а там такси брать. Решили они, что такси лучше - хоть дорого, но комфортно. А ночь на курсе можно веселее провести - с сослуживцами водки выпить, успешно сданную сессию обмыть.

Пришли они к нам в комнату. Принесли с собой 0,75 литра "Столичной". Мы таким гостям всегда рады. Коля жратвы сделал, ну а я в "Антимир" сбегал. Короче "антиматерии" для хорошей обмывки у нас оказалось больше, чем достаточно. Решили мы тогда одну бутылочку припрятать - будет чем новый семестр отметить по возвращению из отпуска.

Сели мы, начали мероприятие. А мероприятие как-то очень удачно пошло, что называется "хорошо сидим". Нам с Колей вообще торопиться некуда - у обоих билеты на поезда аж на завтрашний вечер. Выкушали этак к полуночи все, что хотели. Усталость брать стала - никто из нас ночь перед последним экзаменом не спал, все за книжками сидели, готовились. Итого более двух суток без сна получается. Кевич с Тихоном и говорят: "Мужики, ну не ложитесь спать, нам через пару часов на стоянку такси надо идти, спать уже ложиться никакого резона нет. Посидите еще с нами".

Ну ладно, посидим. Только чего же на сухую тогда сидеть? Ой, плевать на завтрашнюю головную боль - достаем припрятанный пузырь. За час мы и этот флакон выкушали. Тут усталость в купе с алкоголем нас совсем доконали. Я уже за столом засыпать начал, да и Коля чуть со стула не падает, носом клюет. Мы извинились перед мужиками, мол нету у нас мочи больше сидеть, не выдерживаем, засыпаем. Они попросили нас будильник завести и тоже решили последний часок перед отъездом перекемарить. Для пущего грохоту мы будильник

поставили в железную миску, а ее на перевернутый бачек, а бачек в оцинкованный таз (все, конечно, из нашей столовой). Эта пирамида такой звук издавала, что и мертвые на Кафедре Анатомии вздрагивали. Притащили ребята к нам в центр комнаты свои чемоданы и прямо не раздеваясь на свободные койки поверх одеял попадали: "Пока, мужики, спокойной ночи, встретимся после отпуска".

Утром на курсе переполох - в расположении дежурный по Академии, пара человек из Военной Прокуратуры, особисты в своей форме с щитами-мечами и КГБ-шники в штатском. Все Кевича и Тихона ищут. А они в нашей комнате спят. Черт его знает, как мы по-пьяне будильник заводили, будильник нас никогда еще не подводил, а в этот раз он не прозвенел. Ну и проспали наши белорусы свой рейс.

Тут вся эта ГБ-шная братия к нам в комнату вваливается, а там не прибрано! Полная банка бычков, и уж в этот раз стаканы пустые водочные бутылки на самом видном месте валяются. Какой-то Особист достает фотоаппарат со вспышкой и давай весь этот пейзаж фотографировать. Потом отдельно давай фотографировать наш "громкоговоритель", где будильник стоял. Мы думаем - ну трындец, так влипнуть, теперь точно всех нас на отчисление! Вещественные доказательства задокументированы (в этот момент эти сыщики стали по бутылкам определять, сколько же мы выпили), значит отпираться глупо.

Затем главный КГБ-шник позвал полковника, дежурного по Академии, да дневального и попросил их быть понятыми. Уставился на Кевича своими лисьими глазами точно как на китайского шпиона и с таким змеиным присвистом спрашивает:

- С-с-спим, з-з-значит, товарищ-щ-щ?

А у Кевича с перепугу рот как рыбы открывается, а ни одного слова сказать не может. Наконец выдавил нечто:

- Запизднились.., виноват. Дюже запизднились!

- Да вы, товарищи курсанты, не только запизднились, а еще и оху... Почему со старшим по званию матюком разговариваете!?

- Да не матюкаюсь я. Это я на родном говорю... Опоздали мы. Проспали на самолет!

- А-а-а... Ну так бы сразу и сказал. По-русски!

Лицо ГБ-шика подобрело. Он взял из таза будильник и перед глазами понятых продемонстрировал, что тот заведен до отказа, просто кнопка утоплена. Причина "непрозвона" на лицо.

После этого всех нас развели по разным комнатам и устроили допросы с протоколами, на тему "Как мы провели вчерашний вечер". Делать нечего - мы им все подробно рассказали, какие мы плохие и несознательные, как нарушаем воинский Устав и сколько водки пьем. Все по минутам запротоколировано и нами под роспись собственноручно заверено. Часа четыре нас морочили. В конце концов собрали всех нас опять в нашей комнате. А там бардак еще больший - у нас обыск делали, все вещи из чемоданов Тихона и Кевича на кроватях разложены, сами чемоданы рядом пустые с открытыми пастями лежат. Похоже, что все это тоже фотографировалось. Подобный же обыск был и в той комнате, где жили наши белорусы.

Самый главный КГБ-шник представился как подполковник Савельев, следователь по особо важным делам от УКГБ Ленинграда и Области. Далее говорит, что Коля и я проходим только как косвенные свидетели и поэтому можем спокойно ехать в отпуск. А вот для курсантов Валентюкевича и Тихановского очередной отпуск отменяется. Они остаются в расположении курса на неопределенное время - до конца следствия под подписку о невыезде. Они не являются подозреваемыми, и их задержание необходимо только для интересов следствия.

Тут Коля набрался мужества и спросил: "Товарищ следователь, а что произошло, и что нам будет?"

Следователь: "Сегодня рано утром произошло ЧП, а что вам будет за нарушение внутреннего порядка не мне решать, а Дежурному по вашей Академии. Я думаю, что в сложившихся обстоятельствах вам вообще ничего за это не будет. Это первый раз в моей жизни, когда грубое нарушение воинской дисциплины спасло жизнь двух военнослужащих. Только эти двое со списка всех пассажиров не прошли регистрацию и не сели в самолет Ту-134 на рейс "Ленинград - Минск". Этот самолёт сегодня утром загорелся в воздухе и упал в районе Больших Глумицких Болот в 85 километрах от взлетной полосы аэродрома Пулково. Выживших нет. Одни вы удачно запизднились".

Кевича и Тихона еще потаскали на Литейный-4, а нам действительно ничего не было. А им было - вся оставшаяся ЖИЗНЬ.

ЦПХ

Напротив общежития нашего Факультета было другое

общежитие - общежитие работников на лимитной прописке от завода "Уран". Вообщет-то на "Уране" уран не делали - делали там обычные торпеды. По каким-то необъяснимым правилам в этом "торпедном" общежитии половина жильцов были совсем мирными - это были девушки с завода "Красный Треугольник". На том заводе делали мирную советскую обувь знаменитого железобетонного фасона и картонного качества. Вообще в советском обществе определенная кастовость была, но не настолько уж, чтоб ителлигенция с пролетариатом не общалась. Во всяком случае мы работниц "Красного Треугольника" не чурались, хотя серьёзные отношения там заводились редко. А вот не серьёзные - сколько угодно. Уж больно удобная география - можно ис девочками побалагурить, и водочки выпить, и покушать там у них, и на вечерней проверке на родном курсе постоять, а если повезёт, то опять на всю оставшуюся ночку в гости. Вахта у них была совсем не строгая, нас пускали в любое время, хоть в форме, хоть сразу в спортивке - чтоб утром было сподручей на зарядку выбегать и прямо к своему взводу присоединяться. А гражданку мы туда даже не одевали, одна морока с ней.

Сейчас, спустя много лет, мне почему-то этих девушек немного жалко. Всё они прекрасно понимали и от нас многого не требовали. Сходились мы с ними легко по родству одиноких душ, измученных гормональным напором, а расходились порой ещё легче. Девушки, что постарше, так были знакомы не с одним поколением курсантов Второго Факультета. Называли они нас "плохишами" и "змеями" (первое за поведение, второе - за петлицы, хотя за поведение тоже). Однако нас весьма привлекала их спокойная общага, где в отличие от буйных студенческих поселений, драмы ревности не возникали, свободное время, деньги и продукты у противоположной стороны водились всегда, в души глубоко не лезли, а сексуальный голод у молодых работниц зачастую превосходил студенческий. Поэтому пусть мы и были "змеиные плохиши", но по обоюдному согласию. Единственное, чего они терпеть не могли, это кода слышали своово "Цэ-Пэ-Ха". Дело в том, что эта аббревиатура была общесоветская, весьма известная и очень вульгарная - расшифровывалсь она как "центральное п...дохранилище".

Раз пошли мы в ЦПХ после отбоя чайку попить. Я, да Валерка-Студент. В ту ночь даже особых планов не строили - правда на чай пришли. Сидим, и в окошко на родимый Факультет смотрим. Вдруг видим, продъезжает патрульная машина из гарнизонной Коммендатуры, потом "Бобик" с дежурным по

Академии, потом какое-то начальство. Мы бегом вниз на вахту: "Баб Марусь, дайте к нам в "аквариум" позвонить, напротив шухер непонятный". Баба Маруся душа добрая - звоните, сынки. Звоним. А тогда по городскому телефону дежурному представляться запрещалось, только по внутренниму. Гудок, а потом: "Четыре-четырнадцать!" Это вместо "здрасьте" - какой-то курсант-старшекурсник, видать помошник, трубку взял. Ну мы и вопрошаем, что там происходит, и можно ли в спортивном костюме домой возвращаться? Он говорит, что крупный залёт на пятом курсе, но четвёртый курс даже не трясут, поэтому возвращаться сейчас категорически нельзя. Приходите только когда вся эта братия разъедется. А когда она разъедется, поди ты знай!

Доложили мы хозяйкам обстановочку, те нас успокаивают: "Да не переживайте, змейчики! Тут Светка с Олькой в ночную вышли, мы вас на их койки положим, а утречком пойдёте себе спокойно на Факультет". Ну спасибо, выручили - посидели мы еще с полчасика и пошли по Светкиным-Олькиным кроватям. В той комнате три кровати было. Похоже не только Светка-Олька, но и вся их команата в ночную смену вышла - койки пустые. Легли мы, свет выключили и уже почти спим. Вдруг дверь раскрывается и в проёме появляется женская фигура. Мы лежим, не шевелимся. Девушка постояла немного, видать пока её глаза к темноте привыкнут, а потом и говорит скороговоркой, но полушепотом: "У Натахи новый кавалер из ремонтно-механического, она меня попросила на ночь из комнаты уйти, а тут я вижу Лариски нет, так я на ее кровате посплю". Ага, понятно, значит третьей в этой комнате живёт некая Лариска. Ну ложись, спи, мы тут сами такие же... залётные. Девушка начинает раздеваться, и нам уже интересно, мы сквозь полуприкрытые веки вовсю подглядываем. Наконец она разделась и легла в кровать. А потом сладко так потянулась, как кошка, и мечтательно произнесла:

- Эх, девки! Мужика бы!

Тут Студнт не выдержал и брякнул своим басом: "Вот он я!!!"

Девушка схватила покрывало и пулей вылетела в коридор, а я чуть не задохнулся от смеха.

ОБРЕЗЧИЦА ВРУЧНУЮ

На одном из чаепитий в ЦПХ мы познакомились с удивительной женщиной. Звали её Нина, а вот фамилию я забыл.

Была она нас заметно старше, но мы с ней себя чувствовали как с ровней, и при этом вела она себя вполне естественно, не проявляя ни вульгарности, ни фальшивой моложавости. Один раз в разговоре ради красного словца коснулись мы каких-то заумных материй. Давольно быстро стало ясно, что во всех этих мудрствованиях если кто-то чего-то и понимает, то это Нинка. Мы обычно привыкли соседок наших интеллектом безоговорочно подавлять, и от такого поворота несколько обалдели. Больше в филосфские дебри мы при ней старались не залазить.

Как и большенство обитательниц ЦПХ Нинка была лимитчица-холостячка. Никого и ничего у неё в этом городе не было, кроме права на работу и на общажную койку. Однако несмотря на свои тридцать с гаком, эта особа, в противоположность остальным цэпэхашницам, умудрялась побывать на всех театральных премьерах и вернисажах, на всех выставках и концертах. Похоже что её саму такой вот странный быт вполне устраивал. Зная, что деваха эта весьма начитанная, мы всё же и допустить не могли, что она может чего-то понимать в медицине. Тут начитанностью не обойдешься - образование нужно. И вот однажды за чайком с пирожками и вареньем, Студент консультировал какую-то особу не то по вопросу острых маститов, не то хронических аднекситов, (воспалений груди и придатков) - короче что-то такое интимно женское. Понятно, что девушка его слушала, как профессора на лекции. Нинка сидела поодаль и вроде бы никакого интереса к разговору не проявляла. А потом вдруг негромко так заявила: "Ребята, да тут по симптоматике экстравагинальный эндометриоз исключить надо, а потом уже всё остальное - чего-то у нее с овуляционным циклом зависимость нехорошая..." Мы это... Опухли, короче. Во первых Нинка по делу сказала, а во вторых... Ну я например гинекологию знал так-сяк, в размерах программы военного врача, и хотя конечно о таких тонкостях слышал, но на четвёртом курсе не шибко то в них разбирался. Откуда пусть десять раз начитанная пролетарская бабёнка знает такую мудрятину? Устроили мы Нинке допрос с пристрастием. Нинка вначале ничего нам говорить не хотела, а потом вздохнула и рассказала коротко всю свою жизнь.

В свои семнадцать лет круглая отличница Нинель приехала из какого-то захолустья в Ленинград, где поступила она Философский факультет ЛГУ, второго по престижности Университета страны. На пятом курсе её, без пяти минут философа, оттуда за какой-то залёт с позором выперли. Тогда

Нинка устроилась на работу по лимиту, а на следующий год поступила в Первый Медицинский. Там она уже умудрилась доучиться аж до шестого курса, а потом сама пошла и забрала документы. При этом была она одной из самых лучших студенток на потоке. "Плохиши, я в отличие от вас, просто полностью охладела к медицине" - вот такя "простенькая" причина такого странного поступка. Поэтому она не пошла фельдшерить куда-нибудь на "Скорую", да и фельдшерам лимитной прописки не давали. Опять Нина ушла в пролетарские низы, а потом по уже накатанной рабфаковской дорожке поступила в Техноложку, тоже весьма не слабый институт. Там она просидела аж четыре года, потом влюбилась в какого-то семейного доцента, причём всё это со скандалом. Из Техноложки она ушла, не доучившись лишь год с хвостиком...

- Нин, так ты с тремя незаконченными высшими - гуманитарным, медицинским и техническим!!! Подумать только - этож пятнадцать лет академической школы! Небось у себя на "Треугольнике" на какой-нибудь крутой должности подвязаешься - то-то ты такая умная... На какой, если не секрет?

Нинка опустила глаза и полезла в свою тумбочку. Там она покопалась и вытащила небольшой листок из плотной бумаги с заводской печатью. Так, понятно - выписка из трудовой книжки для получения лимитной прописки. Занимаемая должность... обрезчица вручную!

- Нин, а что такое "обрезчица вручную?"

- Ну змейчики, совсем вы неграмотные. Работа такая... Когда из здорового пресса калоши вываливаются, у них по шву идёт чёная резиновая бахрома. Так вот эти ошмётки ножницами срезать надо. Их и срезают обрезчицы вручную.

ГАЙКА

Вообще-то не только обрезчицы вручную на весьма странные поступки горазды. Мне вот после Нинкиных откровений самому разок тоже пришлось поработать обрезчиком вручную. Да не одному - в составе целой бригады. Правда обрезали мы не калоши... Был на нашем четвёртом курсе один курсант и обрезали мы у него... Хотя, подождите, чуть не проболтался! Имя главного героя не скажу ни за что. Хоть пытайте, хоть пентотал натрия колите - уж очень он большой человек сейчас.

Принёс Коля с Кафедры Медснабжения и Военной Фармации здоровую жёлтую гайку. Не-е, не стырил. Ему её для дела там дали. Ещё ему дали какую-то железяку с манометром на

макушке от кислородно-распределительной станции, большой газовый разводной ключ, микрометр и штангель-циркуль. А если точно, то это вообще не гайка была, а муфта латунная обжимная. И надо было Коле науку делать - эту латунь на железяку несколько сот раз накрутить и скрутить, притом периодически износ замерять. Ну он всё добросовестно выполнил, а результаты в таблицы занёс. После этих операций край и резьба у гайки пошли острыми заусеницами.

Коля немного сибаритствовал. Первый на курсе купил себе махровый халат в Пассаже. В общаге он ходил исключительно в халате, ну кроме построений, разумеется. Поэтому не удивительно, что эта гайка валялась в кармане того халата. А когда Коли на курсе не было, то его халатом пользовались все кому не лень - в основном чтобы в душ на первый этаж сходить. Лежу я на койке, умную книжку читаю. Забегает один курсант из соседней комнаты: "Где Колян? А нету! Ну я его халат возьму, в душ сходить". Хватает халат, уходит. Ну я ноль внимания.

Через десять минут тот курсант опять появляется, в халате. Что-то слишком быстро, чтобы помыться. Ну я глянул на его лицо - сразу понял, стряслось с человеком нечто страшное. Губы дрожат и бледный весь. Я спрашиваю, мол что произошло, а он пытается меня убедить, что всё нормально. Пришлось надавить на психику. Тут он молча пОлы халата распахивает. На эрегированном члене сидит Колина гайка. Плотно сидит. С того краю, что к корню ближе капельки крови выступили - видать заусеницы режут. Глянс пенис (или залупа, если хотите) тёмная, багровая.

Всем изучающим медицину ясно, что будет, если плотным кольцом corpus cavernosus обжать - в него кровь идёт, а оттока нет. Член встаёт и попадает в ловушку - и упасть не может, и обжимающий объект уже не снять. Часа четыре на раздумья есть, а потом и некротические изменения могу начаться. Это все небось с первого курса знают. А вот мы были уже далеко не на первом, и мой коллега о подобном повороте событий прекрасно знал. Поэтому моя первая реакция была не сострадание или там поиск выхода, а гневная тирада: "Ну ты и дурак!!! За каким членом ты это сделал!? Ты что, комиссоваться по болячке решил?! Так сразу по двум статьям пойдёшь - через Дурку и Урологию!"

А курсант этот до сего момента ничего безрассудного не совершал - был он весьма дисциплинированным, ответственным и

учился хорошо. По морде видно - он сам толком не понимает, что его на такой шаг толкнуло. Что это не попытка изобрести новый способ онанизма ясно сразу - знания такого не позволяют. Смотрит он на свой член, а из глаз слёзы текут: "За каким членом, за каким членом - да за своим членом! Чёрт его знает, что нашло - императивный позыв какой-то. Стою голый перед зеркалом, в одной руке член, в другой - эта гайка чёртова. Думал в момент сдёрну, а она колючая, зараза, оказалась. И в Дурку не надо, и в Урологию не надо, нельзя, чтобы официальные разборки начались, и вообще ты никому не говори... А ещё пилить надо. Быстро пилить надо! Щас пилить надо!"

Такого выражения мольбы, что стояло у него в газах, наверное можно увидеть лишь приговаривая людей к смерти, да и то не у всех. Остался он у меня в комнате, а я побежал напильник или ножовку искать. Ни у кого нету. Лыжная комната и каптёрки закрыты. Ясно, что ножовок и напильников на курсе полно - замки с ворот и задних дверей Факультета спиливать, да народу по комнатам мало, а те кто есть - у того нет. Я на младшие курсы - пацаны, инструмент нужен. А дневальные там зашуганные, давай дежурного на выход орать, а тот старшину, а старшина - типа пошёл вон злостный старшекурсник, не дам тебе инструмента наши факультетские замки портить! Щас запишу фамилию и доложу, кому надо, кто у нас двери вскрывает! Ну не могу же я ему, мудозвону, сказать, что инструмент мне для святого дела нужен - член от ампутации спасать.

Делать нечего, надо или в хозроту, или в автопарк бежать. Бегу, смотрю Керогаз, Светофор и Поршень идут. Вообще-то это были обыкновенные прапора - инструкторы по вождению с Кафедры Автоподготовки. Фамилии их я уже забыл. Поршень был лысый крепыш с квадратной головой. Светофор - дылда с красным носом и разноцветными разводами на лице, в основном в виде фингалов. А Керогаз самой колоритной фигурой был - ругался очень красиво. Ну я к ним, мол товарищи куски, разрешите обратиться и выручайте пожалуйста. А сам думаю, пока я тут без толку бегаю, минутки ценные уходят - детородный орган боевого товарища к некрозу приговаривается. Была-нибыла, обещаю прапорам початый пузырь водки и выкладываю всё начистоту. Прапора от такой истории обалдели, клянутся режим неразглашения до гроба поддерживать и прочую секретность соблюдать. Предлагают доставить пострадавшего в мастерские, где операционные условия лучше - тиски есть.

Я бегом на курс. Одевайся, мол, пошли в автомастерские лечиться. А член у него уже болит и выглядит чёрно-синим, хотя по моей экспертной оценке до некроза ещё далеко и времени на все дела предостаточно. Решили мы, что трусы и штаны - дело лишнее. Одели рубаху и галстук, сапоги, а сверху шинель - шинель до сапог, голого тела не видно. Пошли дворами в мастерские. Пострадавший руки в карманы шинели засунул и полы чуть над членом придерживает, а то распёртая головка о сукно трётся, и ему больно. Наконец дошли.

Куски солдат выгнали, дверь на замок закрыли. Принесли лампу-переноску. Маленькую струбцину-тисочки на самый угол стола прикрутили и в них член зажали. Ну не сам член, а только гайку. А под задницу пациента кучу ватников накидали. Общая картина такая - сидит курсант верхом на углу стола, угол промеж ног выходит, а ноги по разные стороны свешиваются. Давай прапора гайку точить, да резать - Поршень напильником работает, Светофор водичку поливает, чтоб латунь не грелась, а Керогаз между ними стоит, даёт всем ценные советы и держит железную пластину - прижимает её к члену, плоть от напильника защищает. А от работы ножовкой отказались сразу, очень уж громоздкий и травматичный инструмент. Ну а мне совсем простая обязанность досталась - лампой-переноской операционное поле освещать.

Наконец труд побелил металл. Керогаз взял пассатижи и давай края по надпилу отгибать. Отогнул. Потом тиски раскрутили и сняли, Керогаз взял вторые пассатижи, одними схватился за один край по распилу, другими - за другой и давай гайку разжимать. Только он её с члена снял, как ему в лицо струя спермы ударила. Видать сильная вибрация при операции была, вот организм и не выдержал.

Керогаз, утираясь изрёк слова: "Тебе, козлу, не в Академии учиться, а в зоопарке работать - слона за член водить, когда тот у него стоит. А стоит он у него, как у тебя, мудака, один раз в год. Тогда сразу весь зоопарк собирают, чтобы его на слониху вести, как тебя в мастерские, чмо ты, обезьяна сингапурская!"

Причём тут слон я так и не понял, но всё равно красиво.

ТРИ ЯЙЦА
или автомат по урологии

На втором семестре четвёртого курса началась у нас Урология. А Главным Урологом Вооруженных Сил, профессором и Начальником Кафедры Урологии тогда был полковник Шевцов. Это мужик широкого научного кругозора, имел любимую, весьма урологическую поговорку: "В медицине бывает все, за исключением трёх яиц". Так вот с одного момента это основное кредо его жизни перестало существовать.

Старшим нашей комнаты был один способный курсант - Женя Велиев. Этот курсант очень хорошо Урологию знал, предмет этот любил и в кружке при Кафедре постоянно торчал. Доигрался он с Урологией, что в конце-концов на той же кафедре преподом оказался. Но среди курков-слушаков Женя был известен на этом поприще за многие годы до своей преподавательской работы, так сказать со школьной скамьи, и по двум веским причинам. Первая - клиническая. Женя этак курса с четвёртого всему Факультету трипак и трихомоноз лечил. Да и не только по месту службы он этим занимался, его уникальные медикаментозные схемы вкупе с несложным процедурным подходом и на выезде хорошо работали - в основном по институтским общагам. А вот вторая причина его известности уже чисто научная. Любил Женя мудрёную литературу читать, в основном касательно его любимых мокрых дел. Так дочитался до того, что прилюдно осрамил своего почитаемого Шефа, самого полковника Шевцова! После этого позора Главный Уролог свой методологический подход к медицине поменял кардинально.

Дело было так: Читает нам полковник Шевцов свою очередную лекцию про почки-письки. Дошел до дифференциальной диагностики. Ну и рассказывает, что при этом - это может быть, а при том - то, а вот при вон том, то вообще может быть всего очень много. Ну и завершает этот раздел своими любимыми словами: "Товарищи курсанты, запомните, в медицине бывает всё, за исключением трёх яиц!"

И тут Женька совсем не вежливо с места орет: "Не правда, и такое бывает!"

Очень строго посмотрел полковник Шевцов на Женю и говорит: "Нет, товарищ курсант, такого быть не может в принципе!" И давай свою точку зрения обосновывать, на доске рисовать схемы эмбрионального и перинатального развития яиц и показывать все возможные варианты патологии. Точно, три яйца в одной мошонке - дело в природе невозможное. Одно - пожалуйста, даже четыре бывает, а три - ни в коем случае.

Все с интересом Главного Уролога слушают, а Женя совсем по-хамски какой-то журнал листает. Мы все думаем, ну теперь точно нашего Женьку с научного кружка на Урологии выпрут, придётся ему свою специализацию менять. Видно, что полковник Шевцов задет за больное, ибо его крылатые слова цитировались многими поколеньями слушателей ВМА. Публичные нападки на святое обычно не прощаются.

Только закончил Шевцов свои объяснения, как Женька понаглому с места встает и без разрешения к профессору "в яму" спускается: "Товарищ полковник, вот номер британского журнала "Дженерал Патолоджи" за тысяча девятьсот двадцать восьмой год. Прекрасный случай трех яиц в одной мошонке. Патология изучена посмертно, подробные материалы секционного и гистологического исследования. Посмотрите, пожалуйста".

Шевцов очки нацепил, статейку пролистал и говорит, просто так, будто перед ним ровня: "Женя, оставь мне журнальчик почитать".

А Женя отвечает: "Не могу, товарищ полковник. Я его нелегально из читального зала Фундаментальной Библиотеки вынес. Специально вам показать. У меня военный билет в Фундаменталке под залог оставлен. Я тут вам координаты этой статейки на карточку записал, потом возьмёте почитаете".

Отдал полковник журнал курсанту. Вроде инцидент исчерпан. Через недельку у нас очередная лекция по Урологии. Читает опять профессор Шевцов. Заходит. Все поздоровались, расселись. Достает тут Шевцов тот английский журнал, открыл на странице, где картинка трёх яиц, нам её показывает и журналом над головой своей трясёт. А потом начинает лекцию словами: "Товарищи курсанты! В медицине бывает всё! Абсолютно всё!"

Ну а дальше по теме. Отчитал что надо, лекция к концу подходит. Тут полковник Шевцов и говорит: "Курсант Велиев! Спуститесь ко мне. И зачетку возьмите. Вам автоматически зачтен экзамен по Урологии с оценкой "отлично"!

Ну а по мне, Женя и без этого выстеба "автомата" по Урологии заслуживал. А знаменитую Шевцовскую поговорку больше никто никогда не слышал.

ВОЕННО-ПЛЯЖНАЯ ХИРУРГИЯ

Вот зарекался же страшилки не писать, а один юмор. Не получается. Как начнешь вспоминать свою курсантскую молодость, так рано или поздно на этот эпизод выходишь, хоть я там с боку-припёку сторонним зрителем. Студент там главный герой.

Студент вообще заслуживает того, чтобы пару общих слов о нём сказать. Значит так, от печки. Валерий Владимирович Рябуха из славного города Симферополя, что тогда считалось внутри страны, поехал поступать в Военно-Медицинскую Академию. Доехал. Пролетел. По конкурсу не прошел. Ну коль уж до Ленинграда добрался, не пропадать же такому путешествию за просто так. Пошёл Валера в Сангиг - в Санитарно-Гигиенический Институт им. Мечникова. В Сангиге просидел почти три года, и всё сожалел, что он не в ВМА. Дядька у него служил флотским военврачом в его (тогда и нашем) родном Крыму, а дурное дело - заразное. Вот и понял Валера, что не там он, где надо. Плюнул на просиженные три года, из Сангига ушел и опять в Академию попёрся. Ну там ответственные лица недоумение выразили, но ведь берут после медучилищ на общих основаниях. Значит приравняли Валеркино образование к этим самым общим основаниям и зачислили. Валера на Флот попросился. А тогда как было. Чтобы служба медом с первого дня не показалась, надо в просьбе сразу отказать, а что-нибудь наоборот приказать. Зачислили Валеру в ВДВ, в Первый Десантный взвод. Хотел под воду - а вот полетай с парашютом. Наверное и сейчас так.

Ну и как ещё назвать курсанта с тремя годами институтского стажа? Однозначно студентом. Вот мы его так и назвали. Валера-Студент, а потом вообще просто Студент. Студента можно было считать отличником-второгодником, но честь ему делало не столько повторное образование, сколько сильная башка и еще одна редкая черта - он никогда не терялся. Его хладнокровию позавидовал бы и мамонт в вечной мерзлоте. Доучился Студент до середины второго курса и пошёл "специализироваться". Да в чём - в оперативной гинекологии! Не только у Цвилева на Кафедре сидел, но и по разным роддомам Ленинграда сутками ошивался, конечно в основном "на крючках". Все над ним подтрунивают. Стоило в Академию с гражданки идти, чтобы гражданской наукой заниматься. А ему хоть бы хны. Кстати, сейчас он гинеколог, и кандидатская его именно по оперативной части. Он до кучи спелеологией увлекался, наверное это лазание по тёмным мокрым норам и натолкнуло Студента на

выбор профессии. Но не стал бы я вас утомлять описанием чужих достоинств, кабы не этот случай.

После летней сессии 4-го курса позвал меня Студент к себе в гости спортивно-культурно отдохнуть в Крыму, в районе Феодоссии Ну там скалы, пещеры, море, вино, фрукты. По окончании спортивной части и переходе к культурно-развлекательной, познакомились мы с парой студенток из Московского Торгового Института. А товароведы, особенно складов или "комков" - коммерческих (немножко так, ну совсем слегка капиталистических) магазинов - это считалось крайне круто (гарантированная жизнь без дефицита, кто помнит такое явление). Девки с гонором оказались, явно посчитали, что будущие офицеры это ниже их достоинства. Мы им о высоких материях - они нам о материальных ценностях. Мы им песни под гитару, мол мы военные врачи - дела медицинского бичи. А они - вот и бичуйте себе всю жизнь, купите нам только дорогих вин и шампанского к завтра. При этом все это не явно, а на каких-то полусловах византийской дипломатии, завуалированное "фи" на фоне "мальчики вы нам нравитесь". Назначили мы им стрелку на автостанции к семи утра следующего дня, пообещали их просьбу удовлетворить, плюс редкостный шашлык и прогулку по диким пляжам устроить. Но сказали, что автобус ждать не будет. Хотите красотами дикой Крымской природы полюбоваться - будьте вовремя.

Шашлык у Валерки действительно был отменный - свинина, обязательно чуть с жирком для сочности, замачивается на ночь в пиве, туда же соль, перец и много лука крупными кольцами. Ну а главный шашлычный секрет совсем прост - горячее сырым не бывает. Не пережарь! Целый кулёк мяса намариновали, последние гроши выскребли, купили "Южную Ночь", "Чёрные Глаза" и бутылку "Советского Шампанского". Набор несколько нешашлычный, но очень благородный. На утро все готово к мероприятию - букету мимолетных и ни к чему не обязывающих встреч в красивых местах, что обычно запоминаются на всю жизнь. Да только не пришли они. Ну и не надо. Постояли, прождали до самого отправления, не пропадать же добру и отпускному дню - поехали сами. День существенно подпорчен.

Место действительно уникальным оказалось - маленький дикий пляж между Царской Бухтой и Чёрными Камнями. Прямо на границе заповедника, но не заповедник - егеря не гоняют, жги себе костер, если хочешь. Цивилизация далеко, море синевы

необыкновенной, известковые скалы стеной, лишь узенькая тропиночка меж камней до воды спускается, а там полоска чистого, дикого пляжа из угольно-чёрной гальки. Я такой гальки нигде больше не видел, да и само место стоило, чтобы так рано в такую глушь да даль переться. Народу почти нет, включая нас четыре-пять группок по всему пляжу - в основном молодые семьи, видно с неперегоревшей ещё романтикой к путешествиям. Обстановочка весьма приватная - расстояния между всеми порядочные.

Мы накупались, наловили мидий и крабов, затем занялись "первобытной кулинарией". Наелись, но настроение так себе. Пить не охота, но не пропадать же добру - да и отпуску считай конец, нет резона оставлять на другой случай. Часа в два по полудню, как по принуждению начинаем пить сладкое вино. Пьём быстро, словно микстуру, но пить тёплое шампанское уже выше наших сил. Бутылка остается неоткрытой. Жара делает свое дело, и в момент состояние становится как у тюленей на лежбище - лень и полудрема, усиленная алкоголем. В этой истоме валяемся с полчаса. Из ступора нас выводит истошный женский крик.

Расстояние порядочное, поэтому драматизм ситуации не виден. Лениво подымаем головы, продираем заспанные глаза. Чувство, что прямое солнце проплавило мозги - соображается с большим трудом. Какая-то непонятная возня метрах в ста-пятидесяти, может и больше. Видно, что никто не тонет и никого не насилуют. Нет и особого желания выяснять, что происходит, и мы уже готовы опять окунуться в сомнамбулическое полузабытье. Явно народ балуется - место дикое, можно и поорать. Но крик повторяется вновь, ещё более дикий и вовсе не шутливый.

Весьма молодая женщина лет 23-25 в ярко красном купальнике кричит: "Помогите! Ну люди, ну помогите же кто-нибудь! Ну кто-нибудь!" Рядом мужик в плавках, скорее всего муж, тоже молодой, что-то пытается ей сказать, но поведение его странно - он то вскакивает на ноги, то падает. Мужчина атлетического сложения и явно в полном здравии. Что он делает нам не видно - они скрыты от нас по пояс небольшим бугорком из гальки. Приходится вставать в полный рост. Происходящее всё ещё не понятно, видно что мужик сидит сильно согнувшись на своем пляжном покрывале к нам спиной, и видно как несколько людей из ближайшей группки со всех ног бегут к нему. Конец нашим раздумьям пришел через пару секунд, когда он поднял голову и как-то истерично для своего внешнего вида закричал:

"Косточка! Кто-нибудь знает что делать?!" А через момент ещё яснее: "Врач есть!? Тут косточка!"

Моя реакция была наивно-простой: "Студент, бежим! Помочь надо!" А вот у Студента моментально включилось его хладнокровие. С лица слетело беспечное выражение, голос стал сухим и властным. В такие моменты он говорил коротко и конкретно. Общее впечатление, как будто с него сдиралась маска обходительного жизнелюба, или наоборот надевалась личина робота-терминатора. Его ответ на мой порыв был остужающе чёток: "Сандалии одень! Возьмем две палки от костра, да и вытащи оба наших ремня. Похоже там перелом, и раз визжат, то скорее всего открытый. Поэтому прихватим ещё бутылку "Шампанского", может промывать чего придется".

Сам он сел на задницу и стал натягивать кроссовки на босую ногу. Потом взял бутылку и две прямые палки, на которых мы раскладывали шашлык. Я тоже быстро сунул ноги в сандали, потом вытащил ремни. Студент побежал первым, я парой секунд позже. Через десяток метров бега по крупной гальке я понял мудрость его первого действия - обуться. Когда я добежал до места, реальность оказалась гораздо хуже моих ожиданий. Мне сразу стало ясно, что геройствовать в виде прилюдного оказания первой медицинской помощи нам не придётся, а придётся наблюдать смерть, полную нелепого трагизма и беспомощности.

На покрывале лежал ребёнок, мальчик лет трех, маленькое тельце которого конвульсивно вздрагивало, дыхания не было совсем, а страшный цианоз, непроизвольные мочеиспускание и дефекация свидетельствовали, что конец агонии близок. Отец ребенка совал ему палец в рот, как бы пытаясь что-то извлечь. Видно, что безуспешно, как и безуспешны были неопытные попытки делать какое-то искусственное дыхание методом рот в рот, кроме омерзительного звука трепещущих щечек мальчугана и рефлекторного сжатия детских ручек они ничего не давали. Лишь иногда совсем небольшие порции воздуха попадали в лёгкие, совершенно недостаточные, чтобы жить, но видимо достаточные, чтобы не умереть моментально. Этакая минутная отсрочка.

Мне страшно захотелось, что бы Валерка скрыл, что мы медики, но тот всем своим видом показывал, что он тут власть имеющий и поправить дело для него сущие пустяки. С интонацией профессора на рутинном обходе, как будто перед ним

не экстремально неотложный случай, а плановый больной, он спросил: "Так, кто мать?" Всем присутствующим было ясно, кто мать. Вопрос казался глупым и повис в воздухе. Сама мать на наше появление и вопрос никак не отреагировала, она упала на колени и начала бессмысленно сжимать то ладошки, то стопы мальчика. Тогда Валерка набрал полную грудь воздуха и заорал как начальник курса на построении: "Я вас спрашиваю, кто мать!? Мы врачи, и нам нужны родители!" Я готов был провалиться на месте после этой фразы. Чёрт подери, он ещё врачами назвался! На мой взгляд, это несколько более, чем четвёртый курс.

Глаза всех людей устремились на его лицо, а еще через мгновение нестройный, но громкий и требовательный хор людей, к этому моменту уже обступивших покрывало с разных сторон, запел бессмысленную арию "Так сделайте что-нибудь". В ответ Валерка опять заорал, теперь совсем уж по-военному: "Всем молчать! Говорит только мать! Что произошло?"

Такой тон отрезвил окружающих. Мать снова вскочила на ноги и смотря с надеждой в лицо Студента быстро затараторила: "Он чернослив ел, косточка во рту, муж с ним игрался, подкидывал, косточка в горло попала, мы не можем вытащить, раньше дышал, сейчас не дышит..."

Все моментально стало на свои места: не травма, не утопление, не астма или там какая аллергия-анафилаксия, а до банальности простая и поэтому страшная асфиксия - удушение инородным телом, закупорившим дыхательные пути ниже гортани.

Студент парень тяжеленький. Роста выше среднего, тело крепкое, таких обычно "квадратами" или "шкафами" в народе зовут. На курсовых соревнованиях по гиревому спорту из десятки не выходил - пальцы толстые как сардельки, руки - щенков душить, да в мозолях, ещё от скалолазания и ловли мидий, дранные все, в запекшихся порезах и с расслоившимися ногтями. Что-что, а на хирурга не похоже. Плюс слишком молоды, морды красные, обгорели под южным солнцем, и хмельком от нас попахивает. Народ как-то с сомнением стал поглядывать. А Студенту на эти косые взгляды наплевать.

Сел Валера на покрывало, тельце мальчонки лицом вверх себе на колени положил, так чтобы голова через бедро свешивалась, и пытается пальцем в горло пролезть. У мальчика

едва рефлекс заметен - слабенькая реакция на то, что задней стенки глотки так варварски касаются. Покопался он не много - толку ноль. Взял мальчонку под ребра и лицом вперёд к себе прижал - его спину к своей груди, как учили на реаниматологии выдувать инородное тело путем резкого внешнего сжатия грудной клетки. Картина ужасная - головка ребенка и ручки безжизненно свешиваются, а тельца не видно за Рябухинскими ручищами. Сдавил резко и сильно - только писк вышедшего через обструкцию воздуха где-то высоко, в районе гортани, да треск ломаемых рёбер раздался. Инородное тело не вытолкнуто. Мать в визг. В народе недружелюбный ропот.

Ситуация в момент стала хуже, чем была - из легких выжаты остатки воздуха, и гипоксическая синюшность удавленника растекается по лицу ребенка. Видно что открытые глаза смотрят прямо на солнце, радужка стягивается к краю в узенькое колечко, ирис глаза заливается полностью открытым, страшным, чёрным зрачком. Валерка трогает глаз пальцем, всякая реакция отсутствует. Мать с воем падает рядом с ним на колени и начинает тянуться к ребенку, уже по-видимому мёртвому.

Студент кладет ребенка перед собой и пытается делать искусственное дыхание рот в рот. На этот раз получается даже хуже - абсолютно ничего вдуть в лёгкие не удается. Валера встает, а к телу мальчика снова припадает отец. Студент обращается к матери, холодно и спокойно, как будто речь идет о котенке: "Выдуть не удалось, но похоже горло закупорено довольно высоко. У нас есть пара минут на последний шанс - я могу вскрыть трахею под перстневидным хрящом, ниже обструкции, и тогда попробовать искусственное дыхание еще раз - напрямую".

Мать больше не обращает на слова никакого внимания, она остается выть на коленях перед мальчиком. А вот отец среагировал мгновенно - бросил попытки вдуть воздух и посмотрел на Рябуху. Похоже, что полный смысл сказанного ни до кого из окружающих не дошёл, но обилие медицинской терминологии заставило всех задуматься. Отец рассеяно спрашивает: "Что? Как это?"

Студент видит, что наукообразность в данной ситуации котрпродуктивна и начинает говорить на народном языке: "Я хирург и могу вскрыть горло ниже закупорки, а потом сделать искусственное дыхание. Это последний шанс, но на это нужно Ваше согласие. Если "нет" - то тогда все..."

Отец: "Как вскрыть?!"
Студент: "Просто - разрезать. Давай быстро - да или нет?!"
Отец: "Да! Да, да, делайте! Пожалуйста, делайте!"
Студент: "Нож есть?"
Отец: "У нас нет, есть открывашка, вилка и две ложки..."
Какой-то мужик поворачивается со словами: "У нас есть, сейчас принесу! Мы метров двести от сюда".
Студент: "Долго это. Так, отец! Мужики, а ну-ка помогите ему - держите мать!"

С этими словами Валера хватает бутылку "Шампанского" и хрясь ее об камень. Шампанское перегрето и взболтано во время бега - взрывается как бомба. Все ошалело смотрят за его действиями. Студент копается в стекляшках и снова орет: "Мужики! Ну я же сказал мать держать!"

На этот раз все дружно бросаются к ошалелой матери и оттаскивают её от сына. Она не особо сопротивляется - видно смысл происходящего начинает доходить и до неё.

Студент берет подходящий кусок стекла и склоняется над мальчиком. Полосонул по коже на полпальца выше яремной выемки - моментально появилась кровь и залила рану. Валера издает сдавленный вздох облегчения со словами: "Похоже не поздно, похоже давление есть". Всовывает свои здоровенные указательные пальцы в рану и начинает тупо расслаивать ткани, пытаясь добраться до дыхательных путей. Попутно что-то режет стеклом. Видно, что плевал он на какую-либо оперативную технику - его интересует скорость. Я смотрю на его руки, проклиная этот день и Рябухину самоуверенность. На тыльной стороны его кистей видны кусочки засохших водорослей и сажа от костра, в волосах его весьма волосатых рук полно песка. В минуту трахея выделена и зажата между большим и указательным пальцами левой руки, правой рукой он снова сжимает стекло и перерезает ее, пытаясь попасть прямо между кольцами. Попутно сильно режет себе указательный палец. Затем бросает стекло и перехватывает трахею аналогичным манером пальцами правой руки и обращаясь ко мне говорит: "Сумку ту дай!"

Я протягиваю ему лежащую рядом полотняную сумку. В ней полотенца и какая-то еда. Валера сумку не берет, а свою левую свободную руку подкладывает под плечи мальчика и

приподнимает его. Правая рука остается в ране. "Ну подкладывай же!" Я подсовываю сумку. Из сумки с шумом проливается газировка. Голова мальчика свешивается через сумку, рана зияюще смотрит вверх. Студент припадает ртом к ране и с силой вдувает воздух. Видно как моментально вздымается грудная клетка мальчика. Студент поднимает голову. Из перерезанной трахеи начинает выходить воздух, булькая кровью и окропляя все вокруг многочисленными красными точками. Валера опять припадает к ране. И опять. И опять.

В глазах родителей - надежда, у остальных - омерзение. Рядом стоит какая-то молодая женщина, вероятно без купальника, под мышками обернута большим жёлтым полотенцем. Рябуха в очередной раз поднимает голову от раны. Валеркино лицо в крови, густая запекшаяся кровь на губах, на подбородке висит черно-красная капля. Картина ужасна - вампир над жертвой. Женщина в жёлтом полотенце не выдерживает, бледнеет и начинает валиться вбок как в замедленном кино. Кто-то бросается её поддержать. Какой-то юнец лет четырнадцати-пятнадцати из самой молодой и шумной компании в спешке бежит к морю. Его лицо зелено, и он громко блюёт в прибой. Возвращается мужик, что бегал за ножом. Становиться в отдалении, подходить явно боится, в руке столовый нож с круглым "острием".

Вдруг на лице Рябухи появляется блаженная улыбка. Народ непонимающе смотрит - неужели этот ужас ему доставляет удовольствие? Но мне уже видна причина Валеркиной улыбки - зрачки мальчика быстро сжимаются. Еще один вдох и появляется слабое подобие судорог. Ранее открытые веки теперь прикрыты - первый предвестник мышечного тонуса.

Студент довольно глядит на меня: "Вилочку, пожалуйста!"

Я не понимаю его вопроса: "Чего тебе подать?" Рядом лежит открытая консервная банка какой-то рыбы в томатном соусе, из нее торчит вилка со слоем подсохшего томата. Студент опять ныряет в рану, а я вытаскиваю эту вилку и начинаю обтирать ее о покрывало. Похоже, что ребенок уже пытается дышать самостоятельно. Я сую вилку Валере.

Валера не доволен: "Крючком согни, сейчас он задышит и нам придется трахею держать. А вам - руки".

"Вам" - это родителям и всем смелым. До меня доходит, что если вернётся сознание, работы хватит многим. Я ломаю о камень

крайние зубцы, а средние сгибаю на манер крючка. Студент делает последнее вдувание и подхватывает нижний конец трахеи этим инструментом. По пузырям видно, что дыхание устойчивое. Через минуту начинаются движения. Родители, как по команде наваливаются на ребенка. Мать хватает голову, отец пытается держать руки. Постепенно возвращается сознание. Дыхание всё активней и глубже, несмотря на сломанные ребра. Валера командует завернуть мальчика в покрывало и зафиксировать руки и ноги ремнями. Объясняет - ему очень больно, а надо думать о транспортировке до дороги. Пара мужиков уже посланы на дорогу с инструкцией не голосовать, а перекрыть её перед первым попавшимся транспортом - далее необходимо добраться до любого телефона и вызвать "Скорую".

Теперь недостатка в помощниках нет. Люди суетятся вокруг, множество рук поддерживает тельце и уберегает его от лишних движений. Ребёнок беззвучно плачет - воздух то через голосовые связки не идет, но по конвульсиям и потоку слез видно, насколько сильны мучения. Кое как разместившись вокруг тельца, всей кучей начинаем карабкаться по тропе. Местами приходиться мальчика передавать из рук в руки, только Студент остаётся на своем посту - он держит вилкой трахею.

Наконец выходим на ровное место. До дороги далеко, поэтому выстраиваемся в "боевой порядок" для наиболее быстрого, по возможности, следования: Валера всех подгоняет - уж очень его кровопотеря беспокоить стала. Студент с левого боку, мать в голове, отец держит тело и руки, я стою в ногах. Рядом ещё трое добровольцев идут на всякий случай - две женщины и мужчина. Примерно через час встречаем идущих на встречу тех мужиков, что за скорой бегали. Спешат назад с носилками, а за ними двое в белых халатах и ящиками с крестами, как потом оказалось врач и фельдшер. Машину они на дороге с шофером бросили.

Врач как глянул - без "здрасьте-досвидания" открывает ящик, достает несколько москитов и трубку-трахеостому. Пока фельдшер ребенка на носилки укладывал, Валера "на трахее" с вилкой стоял и попутно делал доклад по больному: "Механическая аспирационная асфиксия сливовой косточкой со вклинением ниже гортанной складки час двадцать тому назад с полной обструкцией дыхательных путей, острая гипоксия, почти до клинической смерти. По экстренным показаниям была проведена трахео-крикотомия бутылочным стеклом без асептики

и остановки сопутствующего кровотечения, затем неотложные реанимационные мероприятия по типу искусственной вентиляции трахея-рот. Острая кровопотеря, сопутствующая травма - возможные множественные переломы ребер в результате неудачной попытки форсированной экспулсии инородного тела. Помощь оказывал студент четвёртого курса Хабаровского Мединститута Иван Иваныч Петров".

После этих слов возникла натянутая пауза. Врач подскочил с трубкой и москитами и засуетился над раной. Через момент ребёнок свободно дышал через трахеостому, и врач занялся установкой внутривенной системы. Кто-то неуверенно спросил: "Так Вы не хирург? Вы же не имели права... Вы же были пьяны! Вы ведь могли..."

Лицо Студента помрачнело и он моментально оборвал эту тираду: "Да ничего я больше не мог!" Валера быстро дернул меня за руку: "Пошли от сюда, сваливаем, чем могли - тем помогли". И мы припустили назад быстрым шагом, а как зашли за громадный куст терновника, так и бегом. А вслед нам донесся крик врача "Скорой": "Коллега, спасибо!"

К своим вещам мы спустились в обход главной тропинки. Пока Студент умывался, я быстренько собрал вещи, и мы также в обход выкарабкались с пляжа. Потом Валерка какими-то партизанскими тропами до темна выводил меня к другой дороге. По пути я давил ему на душу: "Студент, а ты ведь герой! Тебе ведь медаль надо, ну там "За какую-нибудь доблесть" или на крайняк "За спасение утопающих". Представь только, собрание в нашем клубе, начфака, а то и сам начакадемии пламенную речь толкают! Потом генерал-полковник тебе медаль даёт. Все встают, хлопают. Потом статья в "Военном Враче", ну там за профессионализм, мужество. Профессура о тебе узнает, опять же сессии легче сдавать..."

Студенту моя трескотня надоела. Он остановился, посмотрел себе под ноги и задумчиво произнёс: "Да хорошо бы, как ты говоришь. А ты подумай, ребенок может умереть от сепсиса, от кровопотери или пневмонии. Может я его немым на всю жизнь оставил - я что за нервными веточками смотрел. И потом докажи его мамане, что перерезать ему горло был единственный шанс. К тому же юридических или там профессиональных прав у нас на это дело ведь и правда никаких нет. Никакого права, кроме морального... Ладно, пошли домой,

пусть лучше ищут героев среди студентов Петровых в Хабаровске. Специально сбрехал место подальше. И пусть виноватых среди них же ищут. А сессии я и без славы неплохо сдаю..."

* * *

5-й курс:

ПЕСНЯ ПО РЕЦЕПТУ

Ещё не улеглись наши переживания от экстремальной хирургии, как приперлись мы в Симферопольский аэропорт, там плюхнулись в самолётные кресла и улетели в Ленинград. Четыре года военного образования, считай полный курс любого командного училища, позади - здравствуй пятый "сверхсрочный" годок! Мы повзрослели, из курсантов переросли в слушатели. Так теперь официально называемся - слушатели Военно-медицинской Академии.

Пятый курс вообще халява, особенно если на предыдущих курсах пахал и набрал добрый теоретический запас. Тогда учить приходится всё меньше и меньше, всё больше и больше времени занимает отработка практических навыков. Ну а начало семестра в таком случае вообще можно рассматривать, как продолжение отпуска - знаменитая лекционная неделя, период полного ничегонеделания. Помню, сидит Сив на лекции по терапии, смотрит профессору в рот и нагло не пишет. А ведь на первом ряду сидит! Профессора такое достало:

- Товарищ слушатель, а чего это вы не пишите?
- Товарищ профессор, ну я же слушатель, а не писатель!

Правда не один Сив тогда не писал - не писали и я со Студентом. Но у нас причина уважительная была - мы с собой портфелей вообще не взяли. А всё потому, что с перерыва этой лекции мы должны были отправиться на концерт, не было печелали потом в гардеробе толкаться, да и портфелем на перерыве убегать неудобняк. Без портфеля куда легче - вышел покурить и не вернулся. Концерт тот был почти подпольным и выступал там не кто-нибудь, а Александр Розенбаум. Тогда он только входил в популярность и песни пел душещипательно-медицинские, что нам всем ужасно нравилось. Розенбаума ещё никто живьём не видел, а знали его исключительно по голосу на жеванных кассетных пленках. Билеты на него мы достали абсолютно случайно - никаких объявлений не было, а просто на

кассе от руки висела бумажка "Барт Разин БАМ". Что такое "барт"? Брат,бартер, Барто, которая Агния? Разин - это понятно, это Стенька, что из-за острова на стрежень выплывал делать крестьянскую революцию. Правда БАМа - Байкало-Амурской Магистрали - тогда вроде еще не построили, комсомольцев то не было! Мы спросили кассиршу, а она сказала, что это такой лысый мужик, который сам себе играет на гитаре и поёт песни. Тогда мы домыслили, что так зашифровано называется бард Розенбаум, и билеты купили. Билеты были дешевые, не то копеек по семьдесят, не то по полтинной, правда время какое-то непонятное - будний день, да еще в разгар рабочей смены. Да и не концертом мероприятие называлось, а "встречей с автором авторской песни". Видать при социализме Розенбауму, как "автору авторских песен", шибко то разгуляться не давали. Концерт был совсем рядом - в ДэКа Первой Пятилетки. Было тогда такое заведение - дом культуры,что рядом с Физиологией, идти близко.

Смылись без проблем, сидим слушаем. Несмотря на неудобное время, зал полный - народ даже в проходах стоит. Удивительно, встреча проходит считай в Академии, а нашего военно-медицинского брата почти нет - где-то по рядам затесалась парочка офицеров. А вот студентов-медиков!.. Похоже, что на старших курсах всех мединститутов Ленинграда в этот день лекции отменили - на каждом кресле сидит морда, а то и две, исключительно студенческого возраста, а воздухе аж гул стоит от произносимой латыни. Розенбауму такая аудитория ужасно понравилась. Он, значит, все положенные песни спел, а потом говорит, мол есть у меня еще минут пятнадцать - это на ответы на вопросы или могу по заявкам еще несколько песен исполнить.

Студенты сразу в свои сумки полезли, всякие бумажки достали и давай ему записки писать. Вопросы стандартные: Сидел - не сидел?, Когда из медицины ушел, и тянет ли назад? Правда ли, что собирается в Израиль? Не холост ли, а если нет, то есть ли планы разводиться? Ну и так далее... А песен по заявкам нету! Нам же в то время ужасно одна песня нравилась, а её-то как раз Розенбаум и не спел. "Утиная Охота" называлась, там хоть про медицину два слова всего, и те одинаковые "лечить, так лечить", но по жизни остальная тема правильная. И уж очень нам приспичило эту песенку послушать. Валера мне и шепчет, давай мол, тоже записку напишем, вдруг исполнит. Ну давай напишем. А на чём писать? Бумаги то нет!

Принялись мы по карманам шарить. А у меня в кармане рецептурный бланк завалялся. Да вот беда какая - бланк настоящий, с печатью поликлиники Академии. По-моему я его на занятиях по амбулаторной помощи свистнул. Просто так, вдруг какую рецептурную таблетку приспичит выписать - мы же не врачи еще, и своих бланков у нас пока не было. Достали мы эту единственную бумажку, чтоб ручка не проваливалась, подложили под нее военный билет, и на коленке собираемся на обратной стороне Розенбауму заявку писать. Тут Валерка меня останавливает - Розенбаум, конечно, мужик солидный, но ведь он потом эту писульку в мусорное ведро выкинет, а лицевая сторона с печатями, да не простыми, а еще и с "бесплаткой" от Министерства Обороны... Пойдет потом кто-нибудь, да на халяву выпишет себе чего-нибудь такого запрещенного. Давай ка ты на лицевой стороне пиши. Но там много не напишешь, сам бланк мешается. Тут Валерка опять шепчет, а ты мол много не пиши, ты просто песню, как рецепт выпиши - может Розенбаум еще азы не забыл, поймет. А на рецептах врач фармацевту исключительно в приказном тоне пишет. Начинаю я в лучших традициях допотпной медицины русские слова с латынью путать: "Неотложно! Возьми песню "Утиная Охота", исполни сколько потребуется, как успокоительное средство".

Сложили мы рецептик и аккуратненько, словно обычную записку, по рядам передали. А у Розенбаума уже времени совсем мало осталось. Он давай записки быстро просматривать, и отвечать лишь на некоторые, да и то односложно. Доходит до нашего рецепта. Прочитал, засунул во внутренний карам пиджака, и говорит: "А вот это проняло! Военные медики, когда я студентом был - то в вас одних конкурентов видел. Уж сам не знаю чего, но конкурентов. Рецепт в мою коллекцию пойдёт, а тот кто его выписал, после концерта получите своё снадобье согласно прописи. Спиртовый экстракт вас устроит?" А потом раскланялся и ушел за кулисы.

Народ непонимающе плечами пожал, пошептался, да и стал расходиться. Сзади нас и на переднем ряду пришли к одинаковому выводу, мол бард-еврей, всё равно еврей - песни песнями, но видать кому-то какой-то препарат Розенбаум достал. Наверное очень дефицитное лекарство, раз даже в Академии его нет. Народ почти весь разошелся, а мы всё сидим. Потом думаем, ну позвал же мужик, так пошли, вдруг правда споёт. Поднялись на сцену, зашли за кулисы - сидит там Розенбаум на табуретке и суёт свою гитару в футляр. Похоже, что никуда он и не уходил.

Рядом какая-то бабуся ему деньги отсчитывает, наверное за встречу с "автором авторской". Бабка деньги отсчитала, Розенбаум давай их в тот же карман совать, куда рецепт положил. Потом нас заметил. Прошли мы с ним за занавес, но не тот, который спереди опускается, а тот, что сзади стену занавешивает. А там пылюки! И в той пыли Розенбаумовский дипломат стоит. Следом за нами бабка пришла, извиняйте мол, маэстро, но мне здесь всё надо закрывать. Идите-ка вы через чёрный вход на улицу.

Вышли мы втроем на улицу. Перед ДК еще народ вертится, а сзади никого. Посмотрел Розенбаум вокруг, а день такой хороший... Настоящее бабье лето, солнышко, желтая листва, паутинки летят. Прошли мы сним к Кафедре Физиологии, на ту самую лавочку, где когда-то Сивохин с похмелья спал. Сели, достал Розенбаум из дипломата бутылку "Андроповки", платмассовый стакан, да с пяток буфетных бутербродов. Хряпнули. Взял Розенбаум гитару, опять посмотрел на хороший день и начал: "День такой хороший, и старушки крошат..." Потом "Утиную Охоту" по нашим заявкам, потом про врача, про неотложного, для кого ничего нет невозможного, потом про невропатолога... Почти как второй концерт получился - уж не знаю, что такое на дядьку напало, тот аж подохрип слегка. Мимо проходила группка третьекурсников. Заметили нас, подходят. Мы Розенбаума попросили уже пустую бутылку в дипломат убрать, мол ему-то ничего, а нам от греха подальше. Розенбаум бутылку спрятал, посмотрел на часы - ну ладно, ребята, давайте последнюю песню. Мы все единодушно как заорём: "Светофоры, дайте визу, едет "Скорая" на вызов..." Розенбаум и ее спел. Встал, жмёт нам руки, и идёт к своей машине, что возле ДК стоит. Тут один из третьекурсников кричит ему в след: "А неплохо, ты мужик, песни поёшь! Конечно, с Розенбаумом не сравнить, но всё равно понравилось!"

ЛЕНИНСКИЙ СТИПЕНДИАТ

Пожалуй тут необходим небольшой экскурс в советскую историю. Исключительно для молодого поколения. Обычная стипендия в гражданских ВУЗах Советского Союза была 40 рублей. Если средний балл за сессию выше 4,5 и нет троек, тогда давалась повышенная стипендия в размере 56 рублей. На старших курсах Военно-Медицинской Академии стипендий не было, всем платили стандартное денежное содержание в 95 "рябчиков", плюс "замкам" 22 рублика сверху, старшине - полтинник. Именные

стипухи были приятной доплатой только для избранных студентов и курсантов-гениев. В медицине особо популярной была Павловская стипендия. Она составляла 80 советских рублей и выплачивалась сверху повышенной. Такая стипуха давалась одна на курс по выбору декана (на гражданке) или начальника курса (на военке). Но самой крутой считалась Ленинская стипендия. Она была 120 рублей и давалась только после половины обучения и только тем, у кого одно "отлично" по всем предметам. В материальном плане, по понятиям СССР, с такими добавками жилось весьма неплохо. Для примера: 0,8 литра приличного грузинского сухого вина шло за 92 копейки, а пачка самых дешевых сигарет 7 копеек, снять комнату в коммуналке Ленинграда было 30 рублей в месяц, отдельную однокомнатную квартиру 50-60, а трехкомнатную в центре максимум за 120, как раз цена равная приплате ленинских стипендиатов. С гражданскими врачами получалась хохма - некоторые из них имели в институтах денег в два раза больше, чем их больничная зарплата по выпуску. Даже наши умники-слушаки с Ленинкой, получив после ВМА лейтенантский эполет, ощущали лишь десятирублевую разницу в денежном довольствии. Но деньги тут были не главное. Главное был престиж! Звание "ленинский стипендиат" было хорошей визитной карточкой в солидном обществе и пропуском в элитные семьи.

Валера Рябуха, по кличке Студент, никаким особенным стипендиатом не был. Учился неплохо, но четвёрочка проскакивала. Примерно через недельку после посиделок с Розенбаумом вбегает он страшно запыхавшийся к нам в комнату с нелепыми словами: "Всё! Свершилось! Снимаю крутую четырехкомнатную квартиру в Ленсоветовском доме, с обалденной мебелью, сервизами, японским телевизором и финским холодильником на два года! Обои - бархат, на стенах старые картины, ковры по щиколотку, ванна - утонешь!"

Мы: "Поди врёшь! Откуда столько денег?"

Студент: "А я за дешево, всего за 22 рубля в месяц, да и то не хозяйке, а ЖЭКу надо платить. Правда за электричество отдельно. Но все равно больше трояка не набежит. Итого всё удовольствие - четвертной!"

Мы: "Студент, мож ты съел чего? А мож тебе на Кафедру Психиатрии сходить надо, с дежурным врачем по душам поговорить?"

Студент: "Сами в Дурку идите, а я пойду в свои хоромы!"

Мы: "Так не бывает".

Студент: "Бывает! В субботу приглашаю на новоселье. А

сейчас вот что - Лом, у тебя мыло раскисшее? Раскисшее - хорошо, давай сюда! Да и мне нужна твоя печатная машинка и побольше испечатанных листков. Ты не выкинул еще свой брак с конкурсной работы по ВНОСу? Теперь Коля. Мне, Колян, нужны твои старые очки и алюминиевая расческа с длинной ручкой, та, что с бытовки первого курса осталась. В субботу, мужики, все отдам, кроме расчески".

Мы: "Ну бери, говна не жалко! Только машинка не работает - лента перебита сто раз и не печатает уже. Да и на клавиатуре половина букв западает. А на что тебе все это? Что макулатуру сдать решил и зрение подсело?"

Студент: "Нет, все в порядке. Печатает машинка или нет, мне без разницы. Главное - чтоб звук был. Подробности в субботу - намечается грандиозная пьянка, там все и расскажу".

Тогда компьютеров-персоналок не было. Может где какие и были, но не в СССР. Это сейчас - информатика, компьютерная грамотность... Тогда я даже не знал толком, что это такое. Была у меня гордость советской промышленности портативная механическая печатная машинка "Эврика". Делали ее где-то в Прибалтике, но надёжности вполне туркменской - сплошные поломки, да даже когда механизм в порядке, печатала она погано - одни буквы жирные, а других почти не видно. Зато звук издавала громче крупнокалиберного пулемета. Отдал я ее Студенту, так как с конкурсной работой на этот год было покончено, и сей хлам до следующего года мне был не нужен. У Коли завалялись старые очки, в которые по ошибке аптеки Академии засунули слишком сильные линзы. Еще Коля у нас на младших курсах числился бытовиком - внештатным бельевщиком и парикмахером, поэтому у него осталась здоровая алюминиевая расческа с надписью на острой ручке "МО Военторг ц. 12 коп". Студент нацепил Колины очки, засунул мелочевку на дно портфеля, сверху набил его "научными" трудами, подхватил подмышку машинку и пулей вылетел из комнаты.

В субботу вечером мы пришли по указанному адресу. Звоним в лакированную дверь из мореного дуба. Кто-то долго и внимательно смотрит через глазок, наконец дверь распахивается. На пороге стоит сияющий Студент, из кухни пахнуло ароматом жаренного мяса. Похоже адресом не ошиблись, нас тут ждут. Входим. Ну обстановочка... сильная, в общем, обстановочка. Похоже на смесь Юсуповского Дворца (до пожара) с Эрмитажем (в миниатюре). Студент радушно приглашает пройти в залу. Садимся за стол черного дерева. Студент быстро накрывает стол

"импровизированной скатертью" - вынесенной из нашей общаги простыней от родной курсантской кровати. На простынь выставляются горячительные напитки, холодные закусочки (консервированная литровая "Солянка с Пряностями" за 22 копейкии и маринованные развесные огурчики за 18 копеек килограмм), затем горячее (картошка в мундирах и здоровая сковородка жаркого из говядины с черносливом - его родной Крымский деликатесс).

Подождав минуты три, пока мы отойдем от увиденного и дерним по первой, Валера начинает рассказ с правил поведения: "Курить только на кухне, обстановки руками не касаться, в шкафы не лазить, предметы с места на место не двигать. Где что стоит у меня все до миллиметра измерено и в эту тетрадку записано. Пожалуйста, уважайте труд товарища и без надобности бардак не устраивайте. А пока вы кушаете, я вам мою квартиросъемную историю расскажу:

Знач так, поехал я на дежурство в Обсервационный Роддом на проспекте Газа. Помните этот гадюшник, где одни зэчки, туберкулезницы и сифилитичные роженицы, а персонал на одну половину из грязно-белых халатов, а на другую из зеленых юбок МВД состоит? Это единственный роддом, где я на правах полноценного дежурного врача, а не сопляка-"крючкодержца", ошиваюсь. Делаю с тетками все, что сам посчитаю необходимым. Среди персонала - полное доверие и уважение, среди рожениц - вообще почет! Они меня больше своих штатных врачей любят, особенно зечки, за то что не хамлю, вежлив, помогаю как могу, да по-максимуму новокаина на их рванные письки не жалею. На дверях и окнах там решетки, а мне плевать - меня не тюрьма, а акушерство-гинекология интересуют. Заразность же контингента я просто игнорирую, при разумном соблюдении правил, конечно.

Так вот, поступает ко мне в дежурство роженица. Молодая зечка, всего восемнадцать лет, но уже с туберкулезом, заразная - ТБК-положительная, микобактериями так и сыплет, беременность за шесть месяцев, сильно избита сокамерницами. Плод мёртв, роды в ходу. Решаю не кесарить, а вытянуть естественным путем с лёгкой помощью окситоцина и поляризующей смеси. Чуть родовые пути подколол анестетиком, чтоб ору не много было, и давай-давай, родимая, работаем! Баба в сознании, плод мелкий, положение правильное, рожается без осложнений. Ну я с ней парой слов перекинуться успел. Истощение у нее. Говорю ей - я тебе, родная, кровопотерю припишу побольше, чем есть, а там

можно и температурный лист слегка подправить. Полежишь у нас дней десять-пятнадцать, а повезет, то и двадцать-тридцать. За это время постарайся отожраться. Есть родственники в Ленинграде? Здесь хоть на тюрьму похоже, но не тюрьма - передач передают столько, сколько принесут. Давай, вспоминай телефон, я позвоню. На родные лица без свиданки из окошка полюбуешься.

Баба родила считай "на сухую", без слезинки, а тут в рев. Есть у нее один родственник, дядя родной, и телефон его знает, да только уверена, что не придёт он к ней. Уж очень он большой пост занимает, да и к тому же постоянно по заграницам. Ладно, давай номер, мое дело маленькое - позвонить. Монетку-двушку на телефон-автомат не жалко. Я всегда звоню из автомата, звонки по "лично-зечному" на Газа не приветствуются.

Позвонил. Трубку баба берет, судя по голосу, дама весьма интеллигентная. Объяснил ей ситуацию в двух словах, мол кто я такой и почему звоню. Реакции никакой. Я уже готов трубку повесить, как дама меня начинает просить провести ее к родильнице на свиданку. Я ей пытаюсь втолковать, что нет на то у меня власти - на обывательском языке я всего лишь практикант. Тогда баба давай всё и вся на чём свет стоит хаить - вот даже врача ее племяннице не дали, а обошлись безграмотным практикантом. Меня это задело, я ей грубо и говорю, мол кончай орать, лучше своей племяннице жиров побольше принеси. А насчет моей безграмотности - то вообще заткнись. Я лучший практикант в СССР - Ленинский Стипендиат по акушерству! Повесил трубку и поехал на Факультет спать.

Дня через два опять в "Обсералку" для набора опыта подался. Смотрю зав. отделением, хохол Сан-Саныч Адерейко идёт. Хвать меня за халат и говорит, пошли быстро ко мне в кабинет. Ну думаю, проштрафился на чём-то. Зашли к нему в кабинет. Достает он две бутылки армянского коньяку "Ахтамар", самого-самого старого и дорогого, и двести рублей двумя сотенными бумажками. Это нам, говорит. Как в песне - тебе половина и мне половина. Короче, шобы гомону не було, расскажу, шо було. Пришла бабёнка в лисьей шубёнке и заявила, шо ей свиданку с зечкой обещали. За услугу обещает гарно заплатыть. Ну дал я им на все про все минут пятнадцать. Захожу из палаты гнать - бачу, сидят обе в слезах, як ридна мамка с донькой обнимаются. Ну я эту семейную идиллию прервал, все, мол гражданочка, пожалуйте на выход. Доходим до дверей, она мне суе кулек с коньяком, та дви сотенных. На, доктор, половина

ваша, а половина для того практиканта, что у моей племянницы роды принимал. И просила тебя еще раз ей позвонить, вроде номер ты знаешь. Вот усё, швидко пакуемо цу цикаву горилку, ховаем гроши, та й шоб ни одна душа! Короче, Валера, ты парень военный, це сам разумиешь.

Ну позвонил я ей. В гости позвала. Приехал на эту вот самую хату. Скрывать мне нечего, в форме приперся. Дама, Вероника Игоревна, возраста "бальзаковского" не старенькая, не молодая. Давай за племянницу благодарить да всё про меня расспрашивать. На то, чтоб богатенькая стерва молодого кобелька снимала, не похоже. А чтоб у такой молодой тёщи дочь на выданье засиделась - по возрасту рановато. Вопросы обстоятельные задает, в голосе лести нет, в глазах похоти не видно. Я её за "магарыч" поблагодарил, сразу сказал, что племяннице её многим помочь не смогу. Я в этом роддоме на птичьих правах - опыта набираюсь, поэтому максимум, чего смогу сделать, то тормознуть ее родственницу дополнительно дней на десять. Советую ей приносить побольше высококалорийных передач. Сам в душу не лезу, типа я будущий доктор, а кто и за что сидит - не мое дело. Дамочка это оценила.

Пробыл я у нее минут двадцать, чего время терять, извиняюсь и собираюсь уходить. Тут дамочка и спрашивает, а правда ли я Ленинский Стипендиат? Да в нормальных условиях я бы не врал, а тут уже сбрехано, чего зря извиняться. Ну, говорю, правда, поэтому и засиживаться у вас не могу - надо идти по завету дедушки Ленина забираться на чердак и учиться, учиться и учиться. А она не отпускает - давай опять вопросики подкидывать, мол где я живу, трудно ли в общаге учиться, не мешает ли шум? Я и говорю - мне всё мешает, но я человек серьезный и целеустремленный, поэтому мнё все по барабану. Если же меня достанут, то я или в читальный зал, или в парк всегда смыться могу. А она говорит, что бы я делал, если бы у меня была своя собственная очень маленькая квартирка - только кухня с балкончиком, туалет, ванная и прихожая? Что бы я делал... Да я бы был в раю! Лучших условий для ленинских стипендиатов не бывает. Тогда она вынесла раскладушку и сказала, что с завтрашнего утра я могу жить в этой прихожей.

Её муженёк официально числился замминистра горнодобывающей промышленности Монголии. А так как все министры-монголы не знают и таблицы умножения, то ее муженёк в одиночку обеспечивает 95% монгольского

промышленного валового продукта. И живет он безвылазно в встолице Монголии, а ей, его преданной жене, необходимо к нему ехать, как декабристке на каторгу. Одна проблема - не на кого квартиру оставить. Нужен очень надежный сторож сроком на два года. Вот Ленинский Стипендиат Валерий Рябуха - очень подходящий кандидат.

На завтра Вероника Игоревна вызывает плотника, чтобы врезать замок в двери между прихожей и коридором, что ведет в остальные комнаты. После чего оставшаяся территория от двери до кухни, влкючая санузел, в полном распоряжении Валерия Владимировича. Копии ключей от входной двери и почты будут тоже завтра. Все комнатные цветы она вынесет на кухню, и дополнительной обязанностью будет их поливать. Квартира переводится в режим консервации, но платить стандартную коммунальную квартплату плюс за свет все равно надо. Возмещением расходов и оплатой труда сторожа будут его спокойные условия для учёбы. Телефон она тоже завтра отключит. Своим присутствием хозяйка не осложнит жизнь надолго - в пятницу у неё самолет рейсом Пулково-Улан-Батор. Если Валерий Владимирович сможет, то пусть ей поможет дотащить чемоданы до сдачи в багаж".

Согласие было дано сразу. В тот же самый день Студент зашел к нам в общагу за "хламом". По прибытию в хоромы Вероники Игоревны, он нацепил очки, поставил машинку на кухонный стол и начал что-то печатать - точнее громко звучать, как бы печатая до трёх ночи. Так продолжалось до пятницы, и у дамочки не осталось никаких сомнений в правильности ее выбора. Сторож - Ленинский Стипендиат! Это надежно. В одну из ночей Ленинский Стипендиат залез в хозяйкину сумочку и достал оттуда ключик от нового замка, что отделял его монашескую келью от королевского дворца. Ключик был аккуратно оттиснут на куске моего раскисшего мыла. Лекция не эрекция, отложить проблем нет - в пятницу Валера смылся с лекции, чтобы помочь Веронике Игоревне погрузиться в самолет. Потом он постоял немного за оградой лётного поля и поехал домой только тогда, когда сам увидел ее международный лайнер в воздухе. По приходу в свой коридор, Студент достал Колину алюминиевую расческу, надфиль и мой обмылок со слепками. Во истину слесарь-гинеколог! Он за двадцать минут умудрился выточить из острой ручки расчески какое-то подобие того мудренного ключика. А еще через пять минут Студент валялся на кожаном диване, переключая ногой каналы на японском цветном

телевизоре (до пультов дистанционного управления даже передовые японцы в те годы еще не додумались).

Потом много чего произошло в этой квартире. Одно время даже вся мебель стаскивалась в одну комнату, а две другие комнаты сдавались в помесячный наем девушкам-студенткам (за 30 рублей комната и без права привода гостей). В серванте были обнаружены хорошие запасы коньяков и вин. Совершенно несознательно эти погреба были очень быстро уничтожены, а потом мы полгода рыскали по Ленинграду, восстанавливая хозяйский бар. А вот сами хозяева оказались превосходными людьми. Периодически они присылали Валере открытки ко всем праздникам, на которые Рябуха отвечал коротенькими письмами-докладами, что мол всё нормально. Хозяева справлялись, когда у сторожа-квартиранта отпуск. А отпуск у нас всегда был в августе. Тогда хозяева брали свой отпуск на август, чтобы избежать неприятных накладок.

Перед из отпуском Валера всех нас звал на субботник. Кто забыл социалистическую действительность, я напомню - субботником называлась работа на халяву, без денег, исключительно из-за правильных убеждений. Мы все причастные к этому Студентову дому отдыха имели правильные убеждения. Всей гурьбой мы целый день всё чистили и драили, а затем по сантиметрам выставляли мебель и размещали вещи согласно записям в Валеркиной тетрадке. Затем пылесосили ковры. Затем вытряхивали мешок с пылью в специально принесенную старую наволочку. И самым ответственным действом было создание "нетронутой запущенности". Надо было, тряся наволочкой, покрыть все слоем пыли. Квартира приобретала вид девственного годовалого одиночества. В конце, как кульминационным моментом всего, Рябуха гордо доставал алюминиевую расческу и затворял дверь. Щелкал замок и Студент улетал в отпуск, чтобы вернуться в сентябре и опять зажить в приличных условиях, как и подобает ленинским стипендиатам.

БЛИНЫ ПО-КАННИБАЛЬСКИ

Часть-1 (каннибализм)

На пятых курсах с питанием было туго - курсантов организовано кормили только до третьего курса, а дальше или в "Общепите", то бишь в любой столовке Ленинграда, или сам готовь. В "Общепите" дороже, плюс всегда куда-то идти надо. Вот

мы и готовили сами, как могли. Я, кстати, за эти три года так жратву варить научился, что до сих пор жене фору даю! Хотя мои способности были ничто по сравнению с Колиными. Вспомнить хотя бы, как он пёк блины - брал две сковородки, хорошо их прогревал, а потом пёк блинчики, как жонглёр в цирке: подкидывал блин со сковородки, тот в воздухе переворачивался и точно другой стороной в сковородку падал. И так в две руки. За этот талант Колю все просили блинов напечь, особенно на пятых-шестых курсах, когда в расположении курса кухни появились. Коля обычно не отказывался, так как с каждой выпечки долю имел.

Как то раз заходит к нам в комнату Сив: "Коля, напеки нам блинов, мы тебе четверть отсыплем, и еще с нами покушаешь".

Коля: "Неси тесто".

Сив: "А мы не знаем, как его делать".

Коля: "Берешь два стакана муки, но не полных, а под рубец; три столовых ложки постного масла, ложку сахару, чайную ложку соли, чайную ложку соды, яйцо и литру пахты. Выливаешь в кастрюлю и вилкой замешиваешь, чтоб комочков не было. Всё! Как будет готово, позовёшь. Я на двух сковородках быстро напеку".

Сив ингредиенты на бумажку записал и пошел в "Чипок" - продовольственный магазин, что был прямо через дорогу напротив Факультета. Через десять минут приходит: "Все купил, кроме пахты. Она там не продается".

Коля родом из Воронежской деревни Гвазда, где народная речь сильно изобилует местными диалектами. Вот он Сиву и отвечает: "Ну ты, военный, даёшь! Кто же пахту продает? Её делать надо! Ладно, зайди в мою комнату, там у Лома под кроватью полно. Отольёшь литр".

В этот день я на свою научную работу в НИЛ-5 Центр Крови и Тканей поехал. Мой научрук докторскую писал, и захотелось ему узнать химическую силу взаимодействия антител с антигеном при резус-конфликтах. У одной беременной был страшный резус-конфликт, и её лечили плазмаферезом. Кровь выводится в специальную стерильную центрифугу, откуда плазма сливается, а клеточная масса насосом опять в вену закачивается. Попросил мой научный руководитель с этой человеческой плазмой съездить в один НИИ, где мне предстояло разогнать все белки по фракциям, выделить антирезусный гаммаглобулин и измерить аффинность его активного центра. Взял я бутыль с отсепарированной плазмой этой беременной тётки и поехал на курс - в НИИ ехать было уже поздно. Ну и поставил этот человеческий материал до завтра себе под койку, где у меня всегда куча всякого хлама валялась.

Что такое "пахта" Сив так толком и не понял. Но если ясно, где стоит, то и понимать не надо. Полез Сив ко мне под кровать. Меня в тот момент на курсе не было. Среди всякого барахла, стояла у меня под кроватью трёхлитровая банка скисшего молока, где простокваша уже поднялась и отделилась от сыворотки, по Колиному - пахты. А рядом стояла аккуратная бутыль со стабилизированной плазмой беременной женщины. Других жидкостей под кроватью не было. Сив знал, как выглядит скисшее молоко, поэтому руководствуясь элементарной логикой, он выбрал другую бутыль. В его понимании это и была пахта.

Дальше он всё сделал, как Коля учил.

Начал Коля блины жарить. Не получается его фирменным методом блинчики вертеть - прилипают. Пришлось использовать общепринятую методику - лопаткой переворачивать. Медленно получается, Коля злится. Наконец всё пережарил. Отобрал себе ровно четверть и отнес к нам в комнату сберечь на общий ужин. А сам прихватил банку варенья и своего фирменного деревенского блюда - смесь топлённого сливочного масла с мёдом половина на половину. К блинам лучшей приправы я не пробовал. Пошёл он со своим деликатесом к Сиву в комнату.

Сели они жрать. Блины очень вкусные получились, но вкуса не обычного - отдают яичницей с беконом! От Колиного варенья и масломёда сразу отказались, сбегали на первый этаж в буфет за сметаной. Со сметаной вообще пальчики оближешь. Сожрали всё и ещё хочется. Сив и говорит: "Я таких блинов отродясь не ел. Даже бабка моя, которая по блинам профессор, и та такие печь не могла. Коля, неси своё, что отложил, мы тебе еще теста сделаем - своим в два раза больше напечёшь".

Коля: "А пахта там осталась?"
Сив: "Да целая половина!"
Коля: "Ну тогда какие проблемы! Сделай мне тесто, как в прошлый раз, а я пока пойду покурю, схожу вниз почту проверить, ну и за одно и за сметанкой в буфет зайду".

Коля возвращается, а тесто уже готово. Он и его пережарил. Все от пуза нажрались и мне оставили. Я поздно пришел, поэтому пришлось блины кушать холодными (микроволновых печей тогда не было). Но все равно блины были исключительные - нежные, с запахом жаренного мяса, а вкус вообще не описать.

Сытые и довольные улеглись мы спать. На утро я собираюсь на занятия, надо взять с собой бутыль с плазмой, чтоб на курс потом не заходить, а сразу в институтскую лабораторию ехать. А бутыль пустая! Я в гнев: "За каким хреном?! Какая бешенная обезьяна мою плазму вылила?"

Коля: "Я не брал, да и вообще я эту бутылку первый раз вижу!" И тут замирает на полуслове, быстро ныряет под мою кровать и достает полную банку кислого молока: "Сив - падла, урод, козёл, мудак! Да вообще для таких организмов ещё слов не придумали!"

Я: "Коля, чё такое в самом деле?"

Коля: "Лом, и ты, и я, и вся Сивовская комната после смерти в Ад пойдем, за ужасный грех - КАННИБАЛИЗМ!!! Мы вчера на крови беременной бабы блины сделали и этими блинами наелись, как дурни мыла! То-то сучий потрох такой вкусный был. И бляха-муха за ночь то переварилось всё, уже не выблюешь".

Нашли Сива. Гад Сивохин Колину догадку полностью подтвердил. Решили мы всей кучей в ближайшую субботу сходить в Собор, что на Рылеева. Хоть мы и были атеисты, мерзость содеянного требовала какого-нибудь ритуально-культового обряда очищения. Да, если честно сказать, главная причина была другая - простое любопытство. Мы этот культпоход с агитпросветмероприятием давно планировали, а тут роскошный повод появился. Такой махровый грех искупить - что называется экскурсия с экзотикой! Приятное с полезным.

Часть-2 (очищение)

После школы (это мы так занятия в Академии называли) пришли мы, блиноеды и пара любопытных, в собор. В форме. Фуражки, правда, при входе сняли. У бабушек спрашиваем, такая-то история, что делать, может там клизмы со святой водой надо прописать, или ингаляции кадильным дымом сделать? Опять же, "Кагор" есть - вино вкусное, церковное, может это очищает? Тогда сколько бутылок на человека минимальная доза?

Бабушки в ответ спрашивают, аль сами-то крещёные? Чёрт возьми, ни один из нас не крещёный, тогда это не модно было. После такого ответа бабульки нам вежливо говорят: "А вот идите-ка вы в Ад, нехристи, людоеды-анчихристы, и будет вам там плач, стон, скрежет зубов и мука вечная в геене огненной!"

Мы: "Спасибо за информацию".

И уже собираемся уходить. Вдруг видим, идёт какой-то дедок в чёрной рясе и смешной шапке, с длинной седой бородой и прической, как у индейца. Ну мы его тормознули: "Ваше Превосходительство, Товарищ Ангидрид, помогите ради всех святых самого высокого звания! Здесь ни от кого помощи не допросишься в вопросах очищения грехов".

Дедок посмотрел на группу курсантов, на лицах вроде подкола нет. Потом на наши петлички уставился: "Врачи будущие? Из ВМА?"

Мы: "Так точно!"

Дедок: "Ну тогда во-первых Преосвященство, или просто

Ваша Святость, или ещё проще Святой Отец, во-вторых Архимандрит, "товарищ" здесь вообще не употребляется, а в-третьих я сам в ВМА давно учился, сразу после войны. Тогда две Военно-Медицинских Академии было, так вот я в Морской Академии был, что сейчас у вас 49-й Городок называется. До третьего курса отучился, а там исключили за религиозность... Ну рассказывайте, что вас сюда привело?"

Рассказали мы нашу историю. Архимандрит широко улыбнулся, что как-то не вязалось с его саном: "Ладно, ребята, выйдете ка из Собора, зайдите за калитку с задней стороны в палисадник - там лавочка есть. Если кто чего будет спрашивать, скажите Отец Павел сказал. Я через пару минут к вам подойду. Только не курите там".

Идём куда святое лицо указало. А там какие-то бабки цветочки сажают. Они на нас сразу вызверились, мол нельзя мирским сюда. Ну мы и говорим, что нам Отец Павел приказал. Бабки безропотно нас пустили и до лавочки провели. Садимся, ждём.

Выходит Отец Павел, а с ним какой-то молодой монах. Тоже в чёрном балахоне, только шапка чуть другая. У того волосы вообще хвостом на резинке, как у только что появившихся всяких хиппи-панков. У молодого в руках небольшая книженка.

Отец Павел его представил: "Это послушник мой, Лука. Тоже из курсантов, точнее из офицеров, Ростовское Ракетное закончил. Потом закончил Загорскую Семинарию. Сейчас учится в Духовной Академии. Чёрный Монах, принял обет безбрачия. Вам его тоже следует Святым Отцом называть - точнее просто Отец Лука".

Сели они посерединке и давай нас про Академию, про курсантскую жизнь и про Армию расспрашивать. Наверное минут сорок мы протрепались. И говорили нормально, в смысле как обычные люди, без всяких там церковных речевых оборотов, но конечно вежливо. Наконец, взял Отец Павел у Отца Луки книжечку, покопался пять секунд - похоже он её наизусть знал, и говорит: "Это, ребятки, "Новый Завет" Господа нашего Иисуса Христа. Я вам пару строк всего прочитаю, а вы запишите - пригодиться. Записные книжки у всех есть?"

Тогда каждому из нас полагалось постоянно носить "лилипутик" - маленькую записную книжку, поэтому мы хором

заорали: "Есть, есть, и ручки есть!"

Отец Павел: "Итак, Бог наш, сам Христос говорит: Евангелие от Матфея, глава 15-я, стих 10-й: "СЛУШАЙТЕ И РАЗУМЕЙТЕ! НЕ ТО, ЧТО ВХОДИТ В УСТА , ОСКВЕРНЯЕТ ЧЕЛОВЕКА, НО ТО ЧТО ВЫХОДИТ ИЗ УСТ, ОСКВЕРНЯЕТ ЕГО!" Это всё, что вам надо знать. Вам это понятно? Абсолютно ничего страшного с вами не случилось - просто случай-анекдот. Даже если кто вас насильно испражнением накормит, то скверны вам это не добавит. А вот самая малая ложь, любая подлость или сквернословие - это и есть настоящая скверна. Знаете, ребята, давайте я вам на чистоту: В Бога вы не верите и, возможно, не будете верить. Поэтому не пожалейте четвертной на крещение и пятерку на Библию. Там вам много читать не надо - собрал Христос как-то десять тысяч иудеев на склоне одной горы и прочёл им коротенькую лекцию, минуты этак на три, она "Нагорная Проповедь" называется. Десять строчек всего - десять заповедей, как хорошим человеком и надежным мужиком быть. Креститесь водой, а дальше живите себе нормально, соблюдая заповеди - люди вас любить будут, начальство - уважать, и жёны никогда не уйдут. Знаете, хорошие люди, они ведь редко встречаются. Таких все ценят! Смотрите, что будет - если Бога нет, то вы потеряли 30 рублей, но приобрели очень хорошую жизнь на этой земле. Если же Бог есть - вы также потеряли 30 рублей, прожили счастливую земную жизнь, а после смерти получили жизнь вечную в Раю. Последуйте моему совету - быть хорошим человеком в любом случае выгодно! Ну ладно, заболтались, нам к вечере пора".

Монахи ушли. Мы вышли из палисадника абсолютно спокойные. За летний отпуск покрестились все. Большинство купило Библии. Нет, мы не называли себя верующими, а хранить Библию на курсе вообще было опасно - тогда Политотдел и особисты не дремали. Но что я заметил, что каждый, кто был на той лавочке, поменялся. И поменялся в лучшую сторону. А ведь и правда - хорошие люди большего достигают и живется им легче, а если Бог есть, то тогда, как помрём... Короче, помрём - увидим.

Оказывается не только у папуасов каннибализм является позитивной духовной практикой!

ФАКУЛЬТЕТСКИЙ САМОГОН И ПРОВАЛ РЕЗИДЕНТА

Часть 1 (вводные положения)

Это сейчас в Академии факультетов - как элементов в таблице Менднлеева, а вот в те добрые советские времена факультетов было всего пять: 1й - это офицеры, 2й - армия, 3й - авиация, 4й - флот, а вот 5й - иностранцы, всякие импортные люди либо с недоразвитых стран, либо с дружественных. Ну и само собой нам с ними особо водиться не разрешалось, хоть и сидели эти ребята с нами на лекциях бок о бок.

Так вот была на 5-м факультете довольно большая группа немцев, на одном курсе их было человек двадцать. Ясно, что все они были из ГДР - ну там социализм, Варшавский Договор и всё такое прочее. Одним словом братья по разуму. Надо отдать им должное - немцы были самыми сильными на своём факультете. Преподы и начальство на них не нарадовались - везде у них порядок, с учёбой и дисциплиной проблем никаких. И было среди этих гансов два фрица - Марио Ремер и Торстен Хаазе. Мужики были очень умные и между собою большие друзья. По годам обучения они со мной параллельно шли.

Так получилось, что познакомился я с ними во время самой первой академической лекционной недели на самом первом курсе, "где Дыскин лекции читал, а Вайль секреты раскрывал, а впереди предметов тьма. Но кто похвастает, друг мой, такой стерильной головой как первый курс из ВэМэА", как в песни поётся. Всех ровняют и смирняют, а я, понимаешь ли, неофициальный контакт с иностранцами развиваю. В то время за такие дела можно было залететь в Особый Отдел, как два пальца намочить. Как бы там ни было, лекция за лекцией, привет-здорово-какдела-дайконспект, короче уже курсу этак к третьему, стали они мне если не друзьями, то хорошими товарищам. А еще все мы занимались во ВНОСе, и все по-разному. Напомню, ВНОС - это таким смешным словом додипломная наука обзывалась (Военно-Научное Общество Слушателей).

Я вообще был человек мирный. Ну там чтоб людей живьём резать, да даже крыс-собак (тож твари Божьи), или там кого химией какой пусть не досмерти травить, всякие там таблетки-уколы, или больных лапать - всё это не по мне было. Нашёл я одну забегаловку в Академии, НИЛ-5 называлась, или Центр Крови и Тканей. Делали там всякие полковники медицинской службы разные интересные дела - ну как только где-нибудь кто-нибудь чего-нибудь от человека отрежет или выкачает, так сразу отрезанное-выкаченное до этих полковников несут. А они с этими твёрдми\жидкими запчастями науку делали - то в вакуум

засунут, или там в жидкий азот, ну на крайний случай облучат, высушат, стабилизируют, стерилизуют, гидролизуют, витрифицируют, фракционируют, криопреципитируют, криопротектируют, гиперосмируют, гипоосмируют, ион-инверсируют, лиофилизируют, и многие другие подобные вещи. Курков-ВНОСовцев в той шараге совсем мало было, никто её не знал, а поэтому возможностей для творческого развития личности - тьма. Послали меня добрые дядьки-полковники м\с в ИВС (произносится "ивс", а не "и-вэ-эс", Институт Высокомолекулярных Соединений, что на Васильевском Острове, сразу за Стрелкой возле ЛГУ). Ну там вообще люди всякие Джи-Ди-Эм-Эсы с Эн-Эй-Эсами и Ай-Си-Оу-И проводили (*), да трёхмерные модели сложных полимерных веществ создавли. Делал я там какие-то эксперименты, и приходилось мне каждый день отходы моей экспериментальной работы в канализацию сливать. А в тех отходах порядочное содержание этанола было. Сливаю я и мечтаю, как бы этот спирт не губить, а извлечь и употребить по назначению - ну как внутреннее лечебное средство.

О ВНОСе Вовки Чернова и рассказывать нечего - ВПХ, Военно-полевая хирургия, и так всё ясно. Хирург-террорист. А вот Коля из всех нас самым серьёзным делом занимался. Медснабжением! Это при Кафедре Медснабжения и Военной Фармации. Шибко его интересовало, что с медицинским складом будет, если над ним ядерную бомбу взорвать. И послали полковники с этой кафедры (а они там были не добрые, а весьма злые и военные) нашего Колю на Медсклады, что перед Институтом Военной Медицины на Ржевке. Там самая серьёзная экспериментальная работа шла. То возьмут ящик с доксициклином, на улицу выбросят и держат год на жаре-морозе под дождём и солнцем, то коробки со всякими ампулами с разных этажей скидывают и считают, сколько побилось - короче нужными и полезными экспериментами люди занимались. Пытались рассчитать возможную боевую убыль военно-медицинской социалистической собственности при коварных происках НАТО. Так вот в результате этих экспериментов производилось много всяких хороших железяк и стекляшек, трубочек и ёмкостей. И всё это добро в мусор выбрасывалось.

Часть 2 (материалы и методы)

Ну теперь понятно, почему мы решили провести эту межотраслевую тему - гнать самогон на Втором Факультете?

Конструктивно-техническое решение самогонного аппарата, план сборки и общий технологический проект процесса дистилляции в комнате курсантского общежития в условиях предельной конспирации были созданы в соавторстве трёх человек в рекордно-короткие сроки - за одну лекцию по Марксистско-Ленинской Философии.

На воплощение проекта в жизнь ушло две недели. Во-первых, учиться надо было, а это тоже какое-то время занимает, во-вторых, вся матчасть Колей доставлялась этапно. Чтобы не утомлять лишними техническими подробностями опишу только принцип и главные узлы:

Аппарат состоял из герметичного стального бачка с регулируемым газовым вентилем для контроля скорости парового потока. Паровой поток направлялся по гибкому резиновому внешнему контуру с латунно-проволочной обмоткой в дистилляционную закрытую (!) камеру, состоявшую из аналогичного бачка, в нижней части заполненного водой с полупогружённым стеклянным змеевиком. В верхней части, непосредственно под выходным концом змеевика, посредством проволоки крепилась ёмкость для сбора дистиллята, а выброс отработанного пара производился через кусок стандартного резинового шланга через форточку на улицу. Нагревание бачка-1 производилось при помощи однокомфорной электрической плитки с питанием переменного тока 220 В. Охлаждение бачка-2 производилось путём его установки в оцинкованный таз для мытья полов, заполненным холодной водой на две третьих от максимальной ёмкости. Поддержание оптимального температурного режима в дистилляционной камере обеспечивалось периодической сменой воды в тазу.

По конспиративно-производственным условиям аппарат хранился в разобранном виде в разных комнатах. Сборка и подготовка аппарата к работе при достаточной технической подготовке персонала занимала около 10-ти минут. С момента запуска аппарат способен выдать первую порцию готового продукта всего через 1-1,5 часа. Производительность аппарата составляла от 700 мл до 2,5 литров конечного продукта за рабочую смену (одну ночь). Выход продукта в основном зависел от начальной концентрации спирта в исходном сырье. При точном соблюдении инструкций обеспечивалось стопроцентное отсутствие запаха в комнате.

Часть 3 (собственно история)

На пятом курсе до власти пришел Горбачёв - будь ему не ладно. В смысле, не только у нас, а по всему СССР. Придумал этот козёл антиалкогольную компанию - стране напрочь жизнь испортил. Особенно страдали иностранцы с Пятого Факультета. Русский человек, он ведь даже если нигде нет, то всё равно найдёт. Эти же к такому образу жизни совсем не адаптируемыми оказались. А вот нашей "святой троице" эта политика Партии совсем по барабану была - у нас самодельный продукт имелся, и что самое ценное и редкое в то время - продукт высочайшего качества с абсолютным отсутствием в своём химсоставе каких-либо сивушных масел, даже в следовых количествах (не из браги же гнали). Мы продукт дистиллированной водой разводили по ареометру (то что плотность жидкости меряет) и выводили на оптимальную концентрацию алкоголя - 33 весовых процента или сорок градусов по народной шкале. Наливай в любую бутылку из-под водки и иди в любое общество - никто "палёнку" не заподозрит. Ну а хранить лучше было в концентрированном состоянии - места меньше занимает.

Иду я значит как-то по своим делам. Бутылка "водки" в портфеле, после дел хотел к студентам из ЛГУ в гости сходить. На встречу идут Торстен и Марио.

Я: "О, привет мужики, как дела?"

Немцы: "Хреново дела. В России шнапс капут! Мы искаль - не нашёль".

Я: "Есть у меня пузырь водяры, только чуть початый". Мы, чтоб подозрений насчёт открытой пробки не возникало, всегда чуть не доливали - типа естественное дело, пятьдесят грамм уже выпито накануне.

Немцы: "Ой как карашо. Может хочешь нам продаваль?"

Я: "Ну зачем продавть. Так берите, у меня ещё есть".

Немцы: "Данке шён, данке шён! Мы тебе на курс на тумбочка звонить будем. Скажи можно за гости ходить? Шпек, чоколяд, кококлёц майн нести, шнапс твой сторона ставить".

Я: "Да можно! Только по-форме не препритесь".

Немцы: "Мы не есть думкопф!(**) Мы же ферштейн, по-гражданка придём. Карашо после школы тебе позвониль? В суббота зер гут?"

Я: "В субботу в самый раз".

Немцы: "Ауффедерзейн! Мы до фройлен бежать".

На старших курсах тумбочка дневального только

формально так называлась. Дневальный сидел на стуле за письменным столом с телефоном, читал книжки и отвечал на звонки. Ну и звал слушаков, если кому кто звонит, а звонили не много - телефон внутренний был, без выхода в город. Только я с занятий пришел, как немцы мне телефонят. Уже переоделись и ждут, когда прийти. Я им говорю, что в любое время заходить можно, если машин перед Факультетом нет. Машин нет - значит начальство домой уехало, путь свободен, по-гражданке бегом марш вверх по лестнице. Да быстро, чтоб Деж-по-Факу из своей будки вылезти не успел. Особую осторожность надо проявлять насчёт чёрных "Жигулей" (не анекдот, правда чёрных). То есть когда-то это был самый обычный белый "Жигуль" нашего начальника курса, да он его перекрасил под правительственный лимузин. Все смеются, а он считает, что это круто. За это его Автоковбоем звали.

Через десять минут вваливаются запыхавшиеся немцы с большущей сумкой забугорных деликатесов. Я и думаю, западло мне будет одному такую вкуснятину жрать, надо мужиков созывать. Пять секунд и все в сборе, кто же в здравом рассудке от такого откажется!

Сервируем стол. Режем, открываем, раскладываем. Стаканы, пепельницы. На край выкладываем курево. Вовка - сигареты "Космос" (это самое крутое, что советской табачной промышленностью производилось), Коля - папиросы "Беломор" (в то время самое народное курево для всех слоёв общества, от пролетариата до профессуры), я - сигареты без фильтра "Лигерос" (самое дерьмовое курево за всю историю потребления табака; производилось на Кубе, изредка продавались у нас в факультетском буфете на первом этаже толи за 7, толи за 12 копеек пачка). Об "Лигеросе" стоит сказать пару лишних слов. Они были настолько гадкими, что даже в курсантской среде курить их могли считанные единицы. По меткому выражению Коли: "Я б не стал курить навоз, а достал бы "ЛигерОс". Зато курение этих сигарет, кроме эмфиземы, давало определённые преимущества - их никто не стрелял. Ну ладно, отвлеклись. Далее по списку: Торстен - "Кабинет" (забавные очень короткие немецкие сигареты с малюсеньким фильтром), Марио - сразу три пачки. Да каких! "Мальборо", "Винстон" и "Кэмэл"! Я кроме "Мальбушки" ни разу в жизни ничего не пробовал. Ну, мы, типа, где взял? Он, типа, купил. Мы, типа, валюта нужна. Он, типа, ой забыл, сосед Ахмед-араб подарил. Я на заметку такое дело - надо бы мужика подпоить и выведать, как же он такие сигареты в

условиях социалистической действительности добывает.

Разливаем по первой (интеллигентно, по чуть-чуть). Дёрнули. Закурили. Разумеется все разом и исключительно Мариовские сигареты. Водка не сразу всасывается, это ж не вино-пиво какое - эффект сильный, но отсроченный. Наливаем по второй. Выпили. Давай немецкий "гроссен-деликатессен" жрать. Разговора особого опять нет. Очередь за третьей. Снова закуриваем. Появляется разговор. Тема первая - в ком из начальства говна больше. По прошествии стольких лет и вспоминать не охота. Детскими обиды кажутся. Ну выпили по четвёртой (стоя) - давай про дам. Тут вообще молчу - все, кроме Вовки, на других переженились. Дернули ещё раз. За учёбу поговорили. Тут вспомнить просто не могу - с годами всё забыл. За шестой очередь. Ну про ВНОС, про науку, про перспективу потрепались. Надо за научруков выпить.

А разведённая "водка" кончилась! Ну не знал я, что немцы так здорово пить умеют, по-наивности считал это исключительно русским талантом. "Конечного продукта" много заховано, но во-первых особо светить не охота, а во-вторых дистиллировки нет, разводить нечем. Не водой же ржаво-хлорированной из-под крана в умывальнике! Уже состояние алкогольного опьянения этак среднее. А была не была, достаю пузырь "конечного продукта". О происхождении молчим, хоть по пьяне рассказать подмывает. Объясняем немцам, что этот шнапс особый, ну о-о-о-чень крепкий. А они, раз за научруков, то наливай! Вот что значит годы в России прожить. Молодцы! Свои люди. Выпили за научруков. Типа как отцы они нам. Слово за слово, перешли к настоящим отцам. Вроде пьяный базар о том, чей папаня круче. Решили по культурному - каждый рассказывает по очереди, а после каждого рассказа все вместе пьём за рассказанного предка.

Я, значит, первый: "У меня батя самый крутой. Насосник! Точнее оператор насосной станции. В совхозе поля поливает. А ещё сторож на пол-ставки. Эти же поля охраняет. А кто что охраняет, тот то и имеет. Поэтому живём мы хорошо - в закромах гаражных картошки на три года, каждую неделю на базаре стоим, там лучок, чесночок и разный другой овощ. Живая денежка. А работы такой во всём Союзе только для четырёх человек есть - для моего бати и трёх его сменщиков. Пришёл на работу - сутки через трое. Откыл замок, посмотрел на месте ли насос, потом на небо посмотрел, не идёт ли дождик. Если дождя нет, тогда надо красную кнопку нажимать - насос поливать будет. После этого

надо замок на дверь вешать и идти домой. Работа закончена, обратно приходить только через четыре дня надо. Но если начальство должно приехать, тогда нужно сутки на работе сидеть - 24 часа в реке Кубань рыбу ловить".

Все говорят: "Да, крутую должность твой батяня имеет". Выпили, значит за моего батю, дай Бог ему здоровьица и долгих лет жизни.

Колина очередь. Он и говорит: "Крут твой батя, а мой-то покруче будет. Комбайнёр! Фёдор Миляев, известнейший механизатор из колхоза "Путь Ильича", что в деревне Гвазда, Воронежской области. Чемпион района по намолоту зерновых. В Москве был, сам министр сельского хозяйства ему Орден Трудового Красного Знамени дал, а потом он вообще столько накосил, что сам Суслов ему Орден Ленина пожаловал и на 25-й Съезд Партии делегатом позвал!"

Ну я обтекаю, у моего бати, кроме грамоты, что в школе дали, никаких наград нету. Да Колька, крут твой отец, надо за героя выпить!

Выпили. Вовкина очередь. Тот и заявляет: "Не, ну ясно в натуре, два ордена - это неплохо, но не круто. У моего предка такие тоже есть, только не Трудового, а Боевого Знамени, а Орден Ленина - тот вообще одинаковый. Да и наград у моего пахана, как у Брежнева, ну может на рядок поменьше. Ещё до Афгана папаня мой умудрился навоевать полных семь "календарей" - Сирия, Йемен, Ангола, Чад, Эфиопия, Никарагуа и прочая география. Ну а к сему моменту, он трубит уже третий год Главным Хирургом 40-й Армии (то бишь разменял доктор медицинских наук свой 10-й боевой годок из 23-х под погонами). Получается, что прошёл мужик две полных Великих Отечественных от звонка до звонка и это в мирное Советское время!. Всякие немээсы (НЕм\с - офицер НЕмедицинской службы) орут, что эка невидаль, дохтур десять лет на войне, это ж не ванька-взводный в окопе. Ну в окопе, не в окопе, а пока выжить в течении десяти лет в подвижном полевом госпитале передней линии только Кощей Бессмертный да Эдуард Владимирович смогли. Да, для немцев поясняю - Сороковой Армией или Ограниченным Контингентом по секретному называется всё то, чем Афганистан воюют".

Мы, понятно, в осадок: "Вот это по настоящему круто. Надо срочно за твоего отца выпить". Выпили, а состояние так ближе к средне-тяжёлому.

Торстена очередь. Ну тот с пьяну всё на немецкий съезжает:

"Майн дер Фатер их бин есть дойчен медицинский генераль всей авиация. Ещё он наш первый остен дойчен космонавт на ваш Байконур от здоровья лечить! Хайль Майн Фатер!!!"

Мы уже не в осадок, а в сухой остаток выпали: "Не, ну ясное дело - крутяк должность! Круче чем у всех. Зиг хайль, короче, пьём за твоего отца, генерала Отто Гельмут-Анна Хаазе!" А состояние у всех на пороге сумеречного сознания. Я про конспирацию забыл и ору в открытом эфире: "Коля! Наливай САМОГОН!" Торстену по-барабану, он уже вырубается. А Марио хоть бы хны - прям впечатление создаётся, чем больше мужик пьёт, тем лучше по-русски говорит! А ещё я замечаю, что не только я его, но и он меня спаить хочет. А ещё меня насторожило, что он всё подробности выспрашивал, то у меня про ИВС, то у Коли про Ржевку - объекты то режимные!

Нет, думаю, так дело не пойдёт. Надо меры принимать - бихевиоральные (больше не пить), физиологические (поблевать втихую) и медикоментозно-профилактические (кое-чего внутрь принять). Ну я и говорю: "Пардон, мужики, надо на толчок слетать". Шасть за дверь и в комнату к курсанту Сивохину, у него в шкафчике пакет первой помощи имелся - марганцовка и 20%-ный кофеин в ампулах. Надо сказать, что Сив был человеком добрым, души широкой, если кому надо, то никогда не отказывал. А мне тем более - я ему одну сигарету "Мальборо" покурить принёс. Навёл мне Сив марганцовочки, только покритиковал по-товарищески за моё аморальное поведение: "Это ж надо в наше тяжёлое время так бездарно пить, чтобы ценный эликсир прямо из желудка в унитаз сливать!" Я товарищескую критику принял, потом принял его первое снадобье - облегчился, потом принял второе прямо из разбитой ампулы каплями под язык - посвежел. Всё, готов к труду и обороне, а также к дальнейшему несению службы.

Возвращаюсь. Все, кроме Марио, на автопилоте. И я давай косить, что сам бухой в стельку. Налили. Все пьют, а я в тихую в Колин аквариум пойло сливаю. Все отключаются. Я опять наливаю. Тормошу отключившихся. Все пьют на спинальных рефлексах. Я опять спирт в аквариум. Все вырубаются окончательно и расползаются по койкам. Я опять наливаю. Уже на двоих - себе и Марио. Чокаемся. Типа, давай Марио за дружбу между народами! Тот - залпом в рот и пепельницу роняет. Пока он бычки с полу собирал, я опять свою дозу к рыбкам. Тут его наконец пришибло. Я опять наливаю, говорю что-то пьяно-высокопарное. Марио только головой сочусвтенно кивает:

"Яволь, яволь. Ферштейн, ферштейн".

Ну всё, боец, хрен ты чего на утро вспомнишь! Думаю, надо парня разговорить, а для этого первое дело создать ощущение полной безопасности, чтоб самоконтроль над ситуацией ослаб. Я ему: "Марио, ты за обстановочку не беспокойся. На курсе почти все койки пустые - все на выезде по институтским общагам у девочек. Щас мы с тобой хорошенько выпьем, ты мне, как последнему из Могикан, про своего папика расскажешь, а потом отведу я тебя к Сиву в комнату, положу спокойненько спать-почивать до завтра, хоть до утра, хоть до вечера. И не думай даже с этажа в таком виде выйти - это верный залёт. Всё, я твой ангел-хранитель. Приказываю во всём доверяться мне!"

И этот примитивный установочный раппорт сработал! Вижу - полный психологический контакт, защитного барьера нет, а говорилка у мужика ещё работает. Но надо бы провериться, прежде чем на откровения организм колоть. Ну я, типа, какие вопросы есть?

Марио: "Йя, йя-аа, есть впрос! Что эст са-мо-хон? Я не понималь".

Рассказал я ему в двух словах народный способ приготовления этого традиционного русского напитка; понятное дело, о том что сам ночами гнал - ни слова. Марио: "Ф Ленинград оччень короший самохон. Ф Лондон софсем гофно. Муншайнинг - ббеээээ, пить не корошо. Софсем не фкусно и вониаэт!"

Я так и ох... охренел, в общем. Думаю, как бы мужика не спугнуть. Задай прямой вопрос, типа "а ты откуда знаешь", и всё - пропало дело. Сразу контроль врубит. Я так аккуратненько: "Да, Марио, это ты верно заметил. Я полностью согласен. А давно ты его пил?"

Марио: "Пошти десят лет фзат! На стажирофка. Только отучились и направили. Русский старый эмигрант, арапский новый эммигрант, негры всякие - арбайтен учился. Много работа било - фсё в плохий кфарталы! А я арбайтен! То пшеки делаль - софсем нефкусный самохон, па-ра-ша. А утро голофа болить. А мне надо с молотенькой фройлин арбайтен. А у меня колофа болить и пить хочу. А всё рафно работу сделаль - девочка любит не этот голофа!"

Я: "Марио, так сколько ж тебе лет?"

Марио: "А мнока уже. До пениса! Ха-ха-ха! Что ф удостоверении прафда что ли! Как фотокрафия выглядит - так и

напишут".

Я: "А как ты так молодо выглядишь, что тебя Торстен ровестником считает?"

Марио: "Та ф ФРГ ездил. Ф тысяча девьятисот восемдесьятом. В Ферхни Бавария, маленки частни клиника. Смешно, я там невротиком прикидаться! Чтопы фрачи не саподосрили, что такой думкопф ф тватцат восем кочет фыклядить на фосемнатцат! Фокрук одни фрау ф восрасте и я! Ха-ха-ха! У нас гофно, и у вас гофно. Ничего не мохут. Фсе хирурги-плястики гофно. Им картопель чистит, а не лицо. Ф Сападной Германия мохут карашо! И волосы мне с круди и жопы лазером видерали. Ха-ха-ха! Всё как для фрау. Потом ваапще бештралюнг делали - чтопы и на морда мало росли. А фсе думали, какой молёдой думкопф! Ха-ха-ха!"

Тут Марио замолчал. Что бы не сбивать его с пути откровений, мне надо было срочно задать какой-нибудь неопасный вопрос: "Марио, а кто твой отец?"

Марио: "А мой отец короший. Ф наша армия собак разводиль. Сержант, капраль быль фсего. На пенсия сейчас. Сейчас дома собак содержиль - софсем мало собак, пиать собак всего содержиль. И дед мой для армия собак разводиль. Ещё для Хитлера разводиль. В армия не быль таже ф фойну - у него Вермахт собак браль, а деда не браль! Дафай налифай. Пить за них корошо!"

Тут я понял свою тактическую ошибку - новой рюмки Марио не выдержит. Я плеснул ему совсем чуть-чуть, на донышко, но этого хватило. Через пять минут я тащил его по коридору в комнату Сива, как командира из окружения. А ещё через минуту сам мирно храпел на первой попавшейся койке - всё же я тоже порядком нажрался, а на моей койке уже отдыхал Торстен.

Утром я никому ничего не сказал. Ну во-первых, Марио был мужик хороший. Во-вторых, он ни хрена не помнил вчерашний вечер, стойкая амнезия начиналась с момента, как заснул Торстен. В-третьих, мужик мог просто удачно сбрехнуть, а я наивняк кинуть - поверить. В четвёртых, если он сказал правду, то значит он из Штази, а это была дружественная организация. В пятых, я уже сказал - был я человеком мирным и срать хотел на всякие там Особотделы, КГБ-ГРУ. Чего в герои рваться? Чем меньше говоришь - тем лучше спать, а такие дела мне нервную систему совсем не укрепляли. В-шестых, у Коли все рыбки сдохли. А это уже серьёзная причина для молчания.

XXXXXXXXX

* GDMS - Glow Discharge Mass Spectrometry; NAA - Neutron Activation Analysis, ICOE - Ion-Coupled Optical Emission - аналитические методы определения ультра-следовых количеств веществ

** Дурак (Нем.)

АКАДЕМИК ПАВЛОВСКИЙ И ПСИХИАТРИЯ

На пятом курсе у нас занятия шли так называемыми "циклами". Это когда целый месяц изо дня в день на одну и туже кафедру ходишь. Вот явились мы на цикл Психиатрии. Препод у нас попался дельный - подполковник Рустам Фархадыч Мулюков. У этого дядьки, кроме таланта колоть своих больных на все их душевные проблемы, был еще талантище незаурядного рассказчика. На занятиях у этого доктора было очень интересно. Мы на "Психи" бежали как в театр одного актера - быстренько обход сделаем, а потом словно дети малые сядем в кружок вокруг Фархадыча и слушаем его нескончаемую "Сагу о Психитрах", "Баллады о Шизиках" и "Эпос Военной Дурки". Сейчас от досады локти кусаю, что тогда его истории не записал. И вот однажды приступили мы к Мулюкову и вопрошаем, а какой же самый смешной случай и с каким больным произошел. С шизофреником или циклотимиком? Тот и отвечает - мол и не с шизофреником, и не не с параноиком, а с академиком! С нормальным здоровым академиком.

Ещё при нас между Клиникой Психиатрии и бывшим стадионом Академии росло с десяток здоровенных и видимо очень старых берёз. С ними и связана эта история, хотя само событие случилось задолго до моего поколения курсантов:

Как-то раз сбежал из нашей "Дурки" кто-то буйный. Уж как там этот больной умудрился смыться, и какой там ляп постовые санитары и фельдшера допустили, уже не помню. В общем хватились - опасного психа "в кругляке" нет. "Кругляком" называли специальную круглую палату постоянного наблюдения, где одни острые психотики, и те даже не в смирительных рубашках, а прямо к кроватям полотенцами привязаны. Персонал всю клинику перерыл - нигде нет. Дежурному врачу ничего не остаётся, как звонить в ближайший опорный пункт милиции, что на Финбане - в такой ситуации этого требовала инструкция. Милиция, тоже как положено, прибыла и давай первым делом

территорию около кафедры прочесывать.

В те далёкие славные советские годы Начальником ВМА был академик генерал-лейтенант Павловский (об этом выдающемся учёном с мировым именем лучше всего на Кафедре Биологии спросить, откуда тот "родом"). Проходил как-то Павловский (по-гражданке, не в форме) мимо Психиатрии и заметил на одной берёзе здоровый гриб-чагу. Кто забыл, то напомню - чага, это очень редкий гриб из семейства трутовиков, обладающий ценными целебными свойствами. Отвар из него, или чаговый чай, сильный естественный биостимулятор. Так вот, Павловский дед был бывалый, по таёжным экспедициям наскитавшийся, достал перочинный нож, скинул пальто и залез на ту берёзу чагу срезать. А что, он самый главный начальник, ему можно.

Выбежали менты и видят - прямо перед Клиникой Психиатрии дедок в одной рубахе на заснеженной берёзе сидит.

- Кто такой?
- Академик, генерал, здесь всем начальник!
- А что там делаешь?
- Грибы собираю.

Павловский, конечно, поупирался, что-то там орал, что он и вправду генерал-лейтенант медицинской службы и действительный член обоих академий, мол не только Медицинских Наук, но как биолог ещё и академик "большой" Академии Наук СССР... Все равно менты его с берёзки содрали, скрутили, повязали и в "Дурку" благополучно доставили. А там как дежурный офицер своего самого-самого начальника увидел - сразу на вытяжку, куча извинений. Отпустили деда, а тот дежурный врач сам на березу полез чагу для Павловского срезать. Так-то по-гражданке ходить, даже генералам от ментов никакого уважения.

ЦЕРЕБРОЛИЗИН
на карманные расходы

Но не только со здоровыми генералами на "Психах" казусы происходят. С рядовыми, которые вроде бы в своём уме, порой забавные истории тоже случаются. Хотя трудно судить о степени их забавности... Вообще-то "Дурка" жизни всех учит - и больных, и здоровых. Я вот припоминаю один случай, довольно сильно

поколебавший мою "правильную" систему советских ценностей, и весьма тонко продемонстрировавший изнанку социализма и утопизм его главного принципа "каждому по труду". Сейчас, пожалуй, такое никого не удивит, а для меня тогда это был шок, своего рода предтеча смены социальной парадигмы. А случилось всё на том же цикле Психиатрии.

В самом конце советского периода появилось лекарство "Церебролизин". Появилось и сразу стало страшным дефицитом. Медикамент этот содействовал рассасыванию спаек в мозгах после сотрясений и другой патологии центральной нервной системы. В Союзе его не делали, но импортировали в размере 100%-ной потребности. Однако такая потребность ничего не покрывала! Этого лекарства всегда недоставало. Потом КГБ раскрутило причину - безобидный препарат повсеместно перекупался наркоманами. И по простой причине - они активно использовали побочное действие церебролизина для снижения дозы и усиления кайфа в виде так называемой "присадочки".. Само побочное действие было простым - церебролизин увеличивал проницаемость ГЭБа (гематоэнцефалического барьера). Так называлась группа тканей, что лежала между кровью и нейроном - клеткой мозга. Из крови только маленький процент растворенных веществ в нервную клетку попадает, остальное барьер задерживает. Если этот барьер немножко поломать, то вся гадость напрямую в клетки пойдет, что наркоманом и надо было.

Помните в 1986 году было землетрясение в Армении? Армения была частью СССР, и ее трагедия была во истину бедой общенациональной. Города развалились, целые дома под землю уходили. Среди пострадавших, но выживших, было очень много черепно-мозговой травмы. На всех церебролизина не хватило бы. Тогда Международный Красный Крест самолет этого лекарства из Швейцарии в дар прислал. И все равно разворовали. И знаете сколько? Около 99 процентов! Можно сказать всё. А Афганская Война? В лучших госпиталях родственникам говорили сразу, поможем всем чем можем, но церебролизин добывайте сами. И они добывали, покупали на чёрном рынке, продавая дачи и машины, чтобы спасти близких.

Примерно через месяцок пьянки с немцами свела меня судьба с "церебролизиновым королем" Ленинградской Области. Свела банально - "король" оказался больным, которого я, простой слушак-салага, курировал в Клинике Психиатрии. Мудрёным

словом "курировать" называли процесс врачевания, а точнее написания истории болезни, где все назначения можно сделать только с одобрения преподавателя. В реале получается, что это препод тебя курирует, а ты больного с его подачки лечишь. Познакомился я с "церебролизиновым королём" сразу по поступлению его в отделение острых психозов, правда пробыл он там не долго и был переведен на общий режим, где наша "дружба" несколько окрепла, хотя своим подданством "его величество" меня не пожаловало.

Так вот больной мой наркоманом не был, был он классическим алкоголиком, с чем в нашу "Дурку" и попал. Точнее, когда-то он был опиатным наркоманом, но в самой начальной стадии, и ему удалось самому с иглы спрыгнуть, заменив ее на водку. Бутылка в день, через год уже алкоголизм, а через пять... Короче почти тоже самое, что наркомания получается, только смерть от цирроза печени. Мужик являл из себя пример из учебника по теме классического параноидального бреда алкаша. Это такой бред, где нет галлюцинаций, а есть неправильное понимание отношений окружающих. Основная его жалоба была на чайник со свистком. Понимаете ли, сам больной чай любит, и поэтому если ему куда-то надо идти, то жена непременно ставит чайник. Ну у нормальных людей вывод прост - любящая супруга мужа на дорожку чайком поит. Типа хорошая тётка. Но не у алкоголика со вторичным бредом и наркоманией в анамнезе. Анамнез - это так прошлое больного по медицински называется. По интерпретации моего "психа" выходило, что как только свисток засвистит, то это сигнал такой от жены для соседа - значит мой муж скоро уйдет. Можно приходить и заниматься изменой в виде развратного секса. О том, что в обоих квартирах были телефоны, и чайник вроде как лишний, больному алкоголизмом было невдомек. Кроме этого алкогольного "загона" во всем остальном черепок у мужика варил нормально.

Долго проработал я с этим больным, и как не странно, вошел к нему в доверие. Его "белого коня" мы оседлали без особых проблем, даже релашкой сильно не грузили. Через пару недель стал наш алканавт вполне интеллигентным, умным, даже весьма прозорливым человеком, и к тому же приятным собеседником. Чтобы курсант (читай студент-практикант) от больного взятку получил - ну уж это из ряда вон выходящий случай. А мне вот дали, я взял. Да какую - пятьсот рублей! В общем за ничто, за потраченных две минуты и четыре копейки. Как-то попросил он меня выполнить парочку безобидных на вид

поручений - позвонить по двум номерам с телефона-автомата, да кое чего на словах передать. Вообще-то внутренняя инструкция Клиники Психиатрии такое категорически запрещала, но ведь грех хорошему человеку не помочь. Дело плёвое, две "двушки" не жалко. Позвонил, передал. А меня потом мой больной нежданно-негадано вот так отблагодарил. Понятно, что после этого я готов был с моего "клиента" пылинки сдувать.

По выходу из алкогольного делирия развилась у больного крайняя психоэмоциональная лабильность (это когда по любому поводу плакаться хочется). Смотрит такой больной, чья натура в обычных условиях суха и цинична, программу "Время", ну там кто-то чего-то перевыполнил, или спортсмен какой выше всех прыгнул - у больного слёзы гордости катятся. Показывают ли какое кино - так он над всеми бедными и обиженными просто рыдает от сострадания, ну а если кто-то подарки детишкам в детский сад занёс, или там киска котёнка облизывает в передаче "В Мире Животных", то тут уже слезы умиления градом. Стал мой больной своего состояния очень стесняться - с больными разговоров избегает, телевизор не смотрит, сидит себе на кровати днями. Вижу опять мужику надо помочь неформально. При лабильности лучшее средство - это просто дать больному выговориться, душу облегчить, излить излишки отрицательных эмоций. Стал я к нему на часок после занятий заходить. Начались "психотерапевтические" (а может и без кавычек надо) беседы. Только на тех беседах больше говорил больной, а я слушал. Но они больному очень помогли - его психика стала крепнуть прямо на глазах.

Вначале больной меня побаивался и многое скрывал, но чем уверение он начинал контролировать свои эмоции, тем больший уровень взаимного доверия устанавливался между нами. И эту пару недель болтовни мой подопечный оценил в одну тысячу рублей... Я конечно же опять взял, но уже дураком его не считал, а считал человеком в финансовых вопросах довольно прижимистым. В советское время 1500 "деревянных рябчиков" были больше годовой зарплаты гражданского врача, но это состояние было сущие копейки для моего больного. Он ведь только числился художником-декоратором в каком-то театре - там его работу выполняла целая группа талантливых студентов из Мухинского Училища и Академии Художеств. Выполняла в срок, хорошо и качественно, и по его мнению за гроши - за десять стипендий. Им щедро платилось без всяких ведомостей, и они такому самоплагиату были очень рады. Наш герой в театре

появлялся редко, ибо по настоящему он работал "церебролизинщиком". Несколько забавных фактов о нищем ленинградском художнике мне запомнились во время наших душеспасительных сеансов.

Церебролизин распределялся в Москве. В Министерство надо было ехать "груженным". Много не везли, от ста до ста пятидесяти тысяч советских рублей (100 000$-200 000$ по официальному курсу того времени или в два-три раза меньше по неофициальному, чёрному). Там какие-то бумаги подписывали, в результате которых на область не поступало ничего, а то что должно было поступить в двух больших чемоданах выдавалось на руки. Одна пачка церебролизина это десять ампул. Ее государственная цена не то 67, не то 37 копеек. С рук одна ампула стоила 25 рублей оптом или 50 р. для наркоши (и больного) в розницу. Итого 250 рублей в пачке тому, кто ее привез. Ну и "шустрик", тот кто распродаст конечным потребителям, тоже столько же навара получит. В чемодане 180-250 пачек, чемоданов от двух до пяти. Одни не ездили, всегда с сопровождением. Дней в неделе семь, а ходок Москва-Ленинград три-четыре. Итого 300-700 штук (тысяч рублей) в неделю. Столько же выходило на долю "розничных" продавцов на месте. Пусть с заработка 150 штук надо было отдать "на верх" - от четверти до половины недельной "зарплаты". Когда зарплата участкового терапевта была 95 рублей в месяц, чистый месячный доход "церебролизинщика" составлял от одного до трех миллионов советских рублей, что близко к миллионам долларов. Это было больше пожизненно возможного состояния не только терапевта, но и самого крутого профессора. Миллионер Корейка отдыхает - мы же говорим не об НЭПе, а об развитом социализме с полным отсутствием частной собственности.

Когда я спросил насчет детей с травмами и "афганцев", мой пациент лишь отмахнулся - таким загонять "церу" себе дороже, пусть лучше дохнут. Им продашь, а они на тебя в милицию. Наркоман же свой человек - никогда не сдаст!

На последок произошел один казус - в день выписки больной забыл очень красивый художественный альбом - книжку о русском передвижничестже с прекрасными иллюстрациями. Её уже медсёстры замылить хотели, да я случайно увидел. Дал им десятку и сказал, что забираю альбом по просьбе больного. Никакой просьбы не было, просто от этого человека пахло такими деньгами, а я... Бедный я был. Да и церебролизин мне тоже бы не

помешал. Точнее не мне. У ребенка моей одноклассницы и подруги детства, с которой почти десять лет я просидел за школьной партой, была родовая травма. Много раз она просила меня достать на курс четыре коробки церебролизина по цене не более 10 рублей за ампулу. Я пытался по всей Академии, да никак не мог добыть это лекарство.

И решил я позвонить по тем номерам, что когда-то мне мой "цербролизиновый" больной дал. Сказал что забытая книга у меня. Попросили перезвонить через час. Я перезвонил - спросили где я нахожусь и чего хочу взамен. Ясно сказали, что встречаться со мною не будут. Зная теперь, что по чём, я особых надежд не питал - сказал о ребенке и о четырех упаковках, как в шутку. А серьезно им говорю - да ничего не надо. Заберете книгу - хорошо, а нет, так я ее себе на память оставлю. В трубке хмыкнули и стали что-то говорить, видимо прикрыв её рукой. Потом говорят - бери такси езжай в ресторан "Адмиралтейский", что на Невском. Только будь один. Книгу оставишь в гардеробе, а кто-нибудь из официантов тебя проведёт за столик - обед тебе бесплатный, но не борзей сильно. Всё понял? Да уж понял, приключение мне нравилось.

Я поймал такси и поехал в Адмиралтейский. Как обычно советскими вечерами двери были закрыты, за ними неприступно торчал швейцар, а перед входом стояла небольшая, но грозно напирающая толпа жаждущих попасть во внутрь кабацкого рая. Пришлось кое как протиснуться к стеклу и показать книгу. Швейцар недовольно оглядел меня (я был в форме), но немедленно пропустил. Я снял шинель и отдал ее вместе с книгой гардеробщику. Минуты две бестолково стоял озираясь. Наконец ко мне подошел мэтр и кто-то ещё из "подносных бригадиров" и спросили, тот ли я, что с книгой? Кивнул им. Метрдотель безучастно сообщил, что он меня кормит бесплатно по моему выбору, но из общего меню, свободного столика нет, поэтому подсадит к кому угодно, тоже на мой выбор. Большинство компаний были весьма пьяные и шумные. Одному присоединяться к ним не хотелось , а в зале никого из своих знакомых я не видел. Тогда я подсел к тихой парочке, где обменявшись парой вежливых слов, спокойно отужинал и немного выпил хорошего коньяка. Но в курсантской форме не разгуляешься, и через час я засобирался домой. На всякий случай кликнул официанта, и тот еще раз подтвердил, что с меня ничего не причитается, отказавшись даже от рубля чаевых. Ну тем лучше, пора в гардероб.

В гардеробе мне подали шинель и фуражку, Но подали галантно, за плечики - гардеробщик, как генералу, помог мне её одеть. Пока я возился с уставными шинельными крючками и ремнём, гардеробщик на миг отлучился и вернулся с большим бумажным свертком. Он всучил его мне в руки, попросив ничего в ресторане не открывать.

Я вышел на Невский и поплелся, где стояли ближайшие лавочки - к аллее, что шла вдоль Адмиралтейства. Усевшись возле памятника Пржевальскому, я осторожно размотал пакет. Сверху лежала та же самая книга. На развороте обложки, размашистым и весьма корявым почерком с кривыми вычурными завитками, что часто характерно для художников, была написана банальная дарственная надпись: "Доктору от благодарного больного".

Дальше стопочкой в два ряда по семь штук лежали 14 упаковок церебролизина. На верхней упаковке тем же почерком было написано: "Не мельтеши и забудь всё, а то со свету сгинешь, 4+10, для одноклассницы и на карманные расходы". А я больше и не мельтешил. Похоже мой больной окончательно выздоровел.

АВТОМАТЧИК

Уже в самом конце пятого курса мне еще раз пришлось столкнуться с подпольным советским капитализмом. Перед самой сессией дело было - поздняя весна активно мутировала в раннее лето. Собрались мы на природу, на Залив, на шашлык. Я, Коля, Хут, Сив, Шлёма, Студент, Изя, Орел - да все, короче. Компания большая и шумная, сбор как обычно, у Паровозика. На Финляндском Вокзале стоял старенький паровозик, с которого когда-то Ленин слазил. Может и по сей день стоит, а может его уже какой местный начальник в металлолом продал. Сидим мы за этим паровозиком и играем в карты - электричку ждём. Тут радио гнусавым голосом объявляет, что электричка задерживается аж на полтора часа. Народ приуныл, но маршрута менять не хочет - поехали куда планировалось. А ведь полтора часа на асфальте отсидеть не шутка, давай мы в преферанс играть. Разбились все на команды по четыре человека и расписали классическую пулю-ленинградку, где "халявный на прикупе сидит".

Только одна группка из трех человек оказалась, у нас на прикупе никого. И тут за нашими спинами склоняется какой-то

мужик. Мы вначале испугались - а ну мент, игра всё же азартная, пусть на копеечные, но на деньги. Оборачиваемся - нет, вся в порядке, какой-то работяга-оборвыш. Стоит дяденька, лет этак пятидесяти, в серой рабочей робе. Роба вся в масле, штаны латаны, ботинки заношены, ручищи в мозолях - ну настоящий пролетариат-гегемон, если по Марксу. Мы работягу и вопрошаем: "Отец, чего стоишь - работа не волк, на электричке не уедет. Вист - копейка, финансового риску никакого - считай игра на интерес, плата только за потраченное время. Присоединяйся!"

А тот и отвечает: "Я только в очко играю, ну еще в козла, в дурака, или в секу. А ваша игра какая-то мудреная, типа карточных шахмат. Мне очень нравится, но играть в неё я не умею".

Мы: "Ну, отец, это не проблема - садись научим! Только сможем мы тебе за полтора часа лишь общие правила объяснить, а вот чтобы игру в преферанс по серьёзному освоить, так это месяца два надо... За более короткий срок не научишся - всё время проигрывать будешь!"

Сел тот мужичок с нами, давай мы его учить. Кстати умный дедок оказался - на лету правила схватывал. И чем больше он преферанс понимал, тем больше он ему нравился. Вот уж объявляют о нашей электричке. Мы говорим: "Извиняй, дед, тут у тебя проигрыш копеек на сорок. Мы тебе его прощаем, так как пулю дописать не можем - ехать нам пора. Если не согласен, то приходи завтра в нашу общагу, там допишем, благо конов пять всего осталось". А работяга и спрашивает, как мол к вам пройти? Мы же думаем, не серьёзный какой-то мужик попался - чего он из-за такой мелочи справедливость ищет? Объяснили ему - дуй по Боткинской в самый конец, потом поворот на Карла Маркса, второй дом налево. Хорошим шагом от Паровозика минут десять будет. Мужик сказал, что завтра вечером придёт. Ладно, ладно, не обещайся. Уехали мы на пикник и о том мужике забыли.

В понедельник вечером кто-то стучится в нашу комнату. Открываем - вчерашний работяга в той же самой замасленной робе. Из-за его внешнего вида на него даже факультетские дежурные внимания не обратили - небось подумали, что какой-то сантехник по работе на Факультет идёт очередной толчок пробивать. Никто его даже не окликнул на входе. И тут до нас доходит, что мы тоже даже имени этого мужичка не знаем: "Отец, как звать то тебя?"

Мужик: "Да оно тебе не надо. Давай, сынок, сдавай!"

Нас такой подход несколько покоробил: "Отец, ну мы к такому не привычные. Не хочешь настоящего имени говорить, скажи уж кличку, или как вообще тебя называть?"

Мужик: "Да просто - Санёк Финбанский Автоматчик".

Мы хмыкнули насчёт "Финбанского Автоматчика", ну а Санёк хоть имя для нас по годам весьма панибратское, но вполне приемлимое. Достали старую роспись, быстренько доиграли пулю. Мужик в конце целый рубль проиграл. Оставил нам рубль и ушёл. А на следующий день опять приперся.

Мы в недоумении: "Мужик, тебе чего?" Тот отвечает, мол опять пришел в преферанс играть. Но нам же и учиться надо, и жрать готовить, да и вообще, что за дела - без приглашения заваливает когда хочет! Нас немного злоба взяла. Мы переглянулись и говорим, мол сегодня мы играем по серьёзному, на настоящие деньги, а то что вчера и позавчера было, так это просто баловство ради учебного процесса. Мужика такой подход вполне устроил. Тот философски заметил, что преферанс не сека, тут мол много не проиграешь и безоговорочно согласился с назначенной ставкой вист - рубль. Мы опять переглянулись и сели что называется мужика "обувать" - где якобы каждый играет сам за себя, но в финале по секрету никто никому ничего не должен. Цель у "обувалова" простая - всей кучей вогнать стороннего игрока в максимально возможный проигрыш.

Коллективно заваливали ему взятки. Плевали на собственный недобор и скидывали королей, где надо кидать семерку. Пасовали при тузах, играли "левые распасы" при стабильной шестерной взятке. Цепляли "паровоза" на "мизере" и заявляли "Сталинград" при "тотасе". Кто играл, тот поймёт. В конце игры оказался нам мужик должен семьсот восемьдесят рублей. Пролетарий извиняется, мол у него всего с собой четвертной. Мы посмеялись, потом забрали его кровные двадцать пять рублей и выперли из комнаты. Понятно, что от него больше никаких денег мы получить не рассчитывали. Мы прекрасно понимали, что с таким долгом он никогда больше никому из нас на глаза не попадется, а уж про то, чтоб в общагу зайти, то и думать забудет.

Но на следующий вечер Санёк Финбанский Автоматчик приперся снова. Принес недостающую сумму и еще сказал, что сверху взял тысячу рублей, теперь можно смело играть. Мы тогда настолько опешили, что деньги взять отказались. "Мужик, ты чё,

совсем с ума спятил? Небось все свои кровные принёс, что на дачку или на "Запорожец" копил! А ну забирай своё бабло и вали отсюда! Мы будущие офицеры, а не жулики. Мы тебя вчера всего лишь попугать хотели".

Мужика эти слова очень обидели. Нет, правда обидели - на морде разочарование написано было. Он кинул нам деньги на пол и вышел, громко хлопнув дверью. Ну и чудак, а мы вот сейчас твоё состояние на троих разделим, будем пить-гулять, да в ресторанах веселиться! Мы подняли деньги с пола и тут увидели, что в попыхах нам мужик не ту пачку кинул - он швырнул припасенную тысячу, а свой вчерашний проигрыш он по ошибке оставил в другой руке. Тогда Шлёма высунулся из окна, дождался когда мужик выйдет из Факультета и заорал ему, чтоб тот не уходил, подождал. Шлема взял деньги и спустился к нему на улицу. Через пять минут они оба появились в дверях. Ну ладно, раз тебе так охота проигрывать, садись Санёк-Автоматчик, второй раз будем тебя обувать.

И обули. Правда на несколько меньшую сумму, но тоже солидно - уж полковничью месячную зарплату за каких-нибудь три часа он нам проиграл. Безропотно заплатил и довольный удалился. А на следующий вечер опять пришел. Теперь мы уже не протестовали - когда такая деньга прёт, чего же тут возмущаться? В этот вечер Санек-Автоматчик сосвем сильно продулся - проиграл, наверное, уже генеральскую зарплату вместе с профессорской ставкой. И опять безропотно заплатил и удалился. И опять на следующий день пришел. Принес с собой банку исландской селёдки, жестянку финской ветчины и пузырь русской водки. Сказал, что у него сегодня сиропный день, а поэтому играть он большую партию не будет, устал мол сильно. Расписали "десяточку", но и тут посадили мужика на сумму, равную среднелейтенантскому денежному довольствию. К концу игры мужик нашу коллективную стратегию раскусил, хотя не обиделся. Отсчитал проигранные деньги, рассказал нам свои догадки, каким образом мы его в хронический проигрыш вгоняем, а потом поблагодарил за науку - с нашей подачи он выучил очень интересную карточную игру. Но так как он нюансы уже просек, то с нами ему играть больше не досуг - хоть он по крупному и не проигрывает, но так тоже не честно. Тут уже возмутились мы. Нет, не в плане как настоящие шулеры, мол да как смеете о нас такое думать. Мы честно признались, что все играли только ради его проигрыша, но нас возмущает его заявление о том, что это НЕ КРУПНЫЕ деньги! Если ему хочется пускать нам пыль в глаза,

даже путём проматывания сбережений всей своей жизни, то это его дело, но все-таки своей поставленной весьма глупой цели - произвести на нас впечатление - он не добился. Мы его считаем просто дураком.

Тут уже хмыкнул мужик. Он тоже не стал спорить, но сказал, что пара-тройка тысяч только для нас, для нищеты, деньги. Для солидных людей это мелочь. Это кто солидный? Мы через год будем военврачи - вот это солидно! А работяга в засранной робе, это что-ли солидно!? Работягу аж передернуло:

- Я не работяга, а Автоматчик!

- Чё, мужик, с автоматом по сберкассам бегаешь? - засмеялись мы.

Мужик посмотрел на нас как на законченных клинических идиотов:

- На Финляндском вокзале и вокруг сорок автоматов "Газ-Вода". А по же-дэ веткам, в смысле по всем направлениям, идущих с Финляндского Вокзала, еще три сотни. И только двадцать восемь числятся на баллансе в Ленпродторге. Остальные - мои! У меня сегодня сиропный день - я своим автоматам на семьдесят тысяч сиропа накупил. А вы мне за какие-то "две тонны дерева" Марксизм-Ленинизм проповедуете... Ребята, оставьте этот гнилой базар!

Эх, помните эти допотопные автоматы "Газ-Вода"? Железные глазастые ящики с громадной пастью, похожие одновременно на электричку и саркофаг египетских фараонов. Нажмёшь стеклянным стаканом на мойку - оттуда брызнут чахлые струйки водички. Ополоснешь с претензией, что помыл, и кидаешь монетку. В ответ автомат издаёт громкий утробный звук, плюёт в стакан сиропа, а потом с брызгами извергает струю газированной воды. Хватаешь этот засмоктанный сотнями чужих губ стакан и быстро пьешь. Об антисанитарии думать некогда - позади алчущая очередь таких же как и ты, томимых жаждой советских граждан. Стакан простой воды - копейка, воды с сиропом - три копейки. В час пусть полсотни человек. В день рублей пятнадцать, а если автоматов этих три сотни... Так даже половины своего дневного заработка не проиграл нам Санёк Финбанский Автоматчик! А ведь наверняка были и рижские, и пушкинские, и московские, и павелецкие, и сочинские, и многие другие автоматчики. Получается, что это мы, военные медики, и есть самые настоящие работяги, а вот они... Чёрт его знает, кто они. Тогда ещё точно не элита. Просто автоматчики. Хотя по

наивности нашей мы о таком советском капитализме даже не слышали.

* * *

6-й курс

КУРСАНТ МАКСИМ ГЛЮТЕУС

Наш Автоковбой, начальник курса майор Коклюшин, изрек как-то слова: "Товарищи курсанты! Приказываю не принимать за любовь давление в семенных пузырьках!" Сказано это было еще на первом курсе на общем построении, а подтекст этого "приказа" был следующий - не спеши жениться на первой встречной-поперечной, какая это самое давление тебе периодически снижает. Ведь посчитай у каждого курсанта хронический затяжной спермотоксикоз, или по-латыни Status Chronicus Acoiticus - состояние хронического недоебита. Но если все пойдут жениться, то успеваемость и другие показатели на курсе сразу упадут. Социалистическое соревнование будет проиграно! Коклюшина такой вариант не радовал, поэтому в его философии проходила красная нить: гулять - гуляйте, а жениться повремените!

Но не только начальника, а и большинство его подчиненных такая жизненная позиция вполне устраивала. Не устраивала она только замполита, да кто же его, убогого, в серьез то воспринимал! Народ лавеласил как мог, и в своей массе о женитьбах до последних курсов не думал. Но в этом плане бывали осложнения, как то неразделенные девичьи страсти, драмы растований с "вернись, я все прощу", и самое тяжелое - венерические заболевания, а хуже всего - нежелательные беременности.

Основная масса курсантского народа все эти препоны решала на чистом вербально-коммуникативном уровне. То есть, когда отношения с противоположным полом заходили слишком далеко, то ставился честный вопрос "Жениться или расходиться?" Если выбиралось второе, то даме сердца просто говорилось что-то вроде "Арриведерчи миля бонбина, я от тебя ухожу, меня еще ждут великие дела!" После этого (обычно в пределах недели) начинался новый роман с очередной джульеттой. И так до шестого курса, а то и дальше.

Но некоторые курсанты предпочитали обходиться без всякой дипломатии. Их вполне устраивали старые добрые английские традиции исчезать не прощаясь. Только вот девушки почему-то этого не ценили. По исчезновению предмета страсти слабая половина устраивала поиски, часто с детективным расследованием на тему, что случилось с моим обожаемым. Залеты, или нежелательные беременности, такие поиски тоже мотивировали и соответственно стимулировали принятие заблаговременных контрмер с курсантской стороны.

Одной из мер была полная анонимность при встречах. Я не я и хата не моя. Да только трудно такое осуществить будучи в форме. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы по форме вычислить происхождение курсанта. Конечно, были и тут свои маленькие хитрости.

Я, например, хорошо помню, как оказался случайным свидетелем одного разговора двух курсантов-медиков в форме с парочкой симпатичных девушек на скамейке Летнего Сада:

Девушки: "Ой, ребята, а откуда вы?"

Курсанты: "Из Высшего Командного Училища Пожарной Охраны!"

Девушки: "А что это у вас за эмблемки в петлицах?"

Курсанты сконфуженно оглядывают свои змейки, и тут один гордым голосом говорит: "Это эмблемы курсантов-пожарников! Видите пожарный брандсбойд обвивает пожарную тумбу - водяную колонку".

Ну что тут сказать? Первый и весьма грубый уровень конспиративной работы. Более основательным подходом было перед каждым увольнением перекрутить эмблемки-змейки на общевойсковую "капусту" и перешить шеврон. Дел на пять минут, а уровень секретности сразу возрастает на порядок. При этом весьма патрульнобезопасный вариант - никто из патрульных офицеров никогда не догадывался, что эмблемы не соответствуют учебному заведению, указанному в военном билете. "Мы так ходили, значит всем так надо" - была железная логика строевых офицеров. Другое дело, если нарвешься на офицера медицинской службы... Но этот случай сам по себе статистически представлял крайне незначительную вероятность. В общем бояться было нечего. Но в карамне лежал сам военный билет. Этот предатель выкладывал о своем хозяине сразу всё, вплоть до группы крови, и девочки об этом прекрасно знали.

Оставался самый последний путь - путь глубокоэшелонированной конспирации с полным легендированием. В таком случае, только короткая прическа выдавала в молодом человеке военнослужащего. Все остальное подлежало забвению. Человек получал новое имя, новую Alma Mater, новое место и день рождения, обычно сразу выпадающий на следующую свиданку, ну и разумеется, новый род войск и профессию. Кстати, последнее было прикрыть наиболее сложно - медицинские термины невольно выпрыгивали в разговоре, а потом требовалось долго объяснять, что твоя мама медсестра в Мухосранске, и что ты с самого розового детства вырос среди подобной терминологии. Разумеется, приходить на свиданку (особенно на всю ночь) по форме, имея в кармане обязательный военный билет, в таком случае было верхом безрассудства. Нет, такие дела делались чисто, без "кротов".

Самым надежным вариантом была индивидуальная работа нелегала. Такое соло почти 100%-но гарантировало нераскрываемость агента. Но при строго индивидуальном подходе имелся один ужасный недостаток - одному было работать намного скучнее, чем в паре, а лучше в тройке. Присутствие бОльшего числа законспирированных агентов сильно затрудняло внедрение, потому что народ начинал путаться в легендах, а по пьяне вообще какому-нибудь продажному двойному агенту с внезапным обострением спермотоксикоза всегда приходила мысль попускать девушкам странные намеки, типа: "Да мы в нашей Мореходке и Фармакологию и Гинекологию учим! Ха-ха-ха..." Вот тебе и ха-ха-ха. Не дали одному, а влипли все. Полный провал целой агентурной сети.

Поэтому группа должна была состоять из близких, проверенных боем друзей. Заранее оговариваются тайные знаки и готовятся легенды. Клички лучше оставить как есть - иначе проколов не избежать. С фамилиями и отчествами просто - их называют при встрече, а потом ими не пользуются. Риск засыпки на фамилии минимален. Именно поэтому допускается использование чего-нибудь редкостного и изысканного для придания дополнительного шарма, типа: Роземир Феоктистович Стародворянских, Вольдемар Генрихович Геройцев, Святослав Ярославович Победоносцев и т.п. Абсолютно необходима как минимум двух-трехдневная практика-тренировка для их успешного освоения. К сожалению, после медицинской терминологии, проколы в использовании собственных имен стоят

на втором месте. Необходим постоянный самоконтроль и контроль над ситуацией, чтобы исключить ситуации типа: "Арнольд, Арно-о-ольд! Серёга, козёл, че молчишь, тебя же зову?" Другая опасность засыпаться - это реакция на чужое имя, как на свое, особенно если оно твое и есть. Например лежит Роберт с Зиной на кровати. Кто-то в коридоре орет: "Петь, ты где?" А Роберт спрашивает Зину: "Кто там меня ищет?" Ну что подумает Зина о Роберте?! Наверняка что-то заподозрит.

Из-за вышеперечисленных причин настоящие асы, способные демонстрировать высший пилотаж истинной конспирации, не жалели времени на коспирологическую подготовку и боевое слаживание агентурно-конспиративного подразделения перед каждым секретным внедрением в новую студенческую общагу. Тщательно планировались даже якобы незначительные моменты, подтверждающие легенду. Например, достойной операцией считалось надыбать где-нибудь китель с черными погонами и символикой артиллериста или строителя и один раз появиться в нем. Вроде увольнения не дали, пришлось убежать в самоход, вот тебе цветы, милая, но прости, надо бежать, буду вечером. В таких случаях, как у разведчиков и саперов - достаточно одной ошибки, и прощай малинник.

Какой бы мудрённой не была конспирология курсантской жизни, но провалы, к сожалению, бывали. Поэтому с самого начала сознательные курсанты просчитывали варианты провалов и заранее принимали меры по минимизации их последствий.

Сижу я как-то в "аквариуме" помощником дежурного по Факультету. К окошку подходит симпатичная девушка: "Пожалуйста, помогите! Мне срочно найти одного курсанта!"

В ее глазах стоит мольба, поэтому решаю помочь: "Так, как зовут и какой курс?"

Девушка: "Я точно не знаю, он, наверное, курсе на третьем-четвертом. По-моему на Факультете Гинекологии... Он прибалт, зовут его Максим Глютеус!"

Musculus gluteus maximus - большая ягодичная мышца. Без комментариев.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ

Мы объяснительные вонючками называли. Шеф наш, майор Коклюшин, заставлял нас вонючки писать по любому поводу.

Этих пасквилей от нас самих на себя у него много накопилось. Уже на шестом курсе мне мельком в его сейф удалось заглянуть - надкушенное яблоко, початая бутылка коньяку и вонючек, как трудов у Пирогова! Всё с самого первого курса повзводно подшито и по годам разложено. Никогда и никому чужую объяснительную читать не доводилось, кроме одного случая, когда сам Автоковбой парочку вонючек пред строем зачитал.

В те выходные меня с субботы на курсе не было, пришёл только к построению в понедельник. Поэтому не знал, что дома творилось. Построение самое обычное, вроде залётов нет. Уже все расслабились, ждут "разойдись" с секунды на секунду. Тут шеф вдруг приказывает: "Курсант Сивохин, выйти из строя!" Ну Сив бах-бах по полу, выходит как примерный. Шеф опять: "Курсант Миляев, выйти из строя!" Ну и Коля бах-бах, поворот через левое плечо. Все притихли, похоже разбором полётов пахнет. Достаёт тут Автоковбой две бумажки и начинает громко читать:

Объяснительная записка

Я, курсант Сивохин, поехал на подлёдную рыбалку в Шувалово на Озерки. Был мороз и я крайне-опасно переохладился. В "Птичнике" купил бутылку сухого вина, чтобы согреться. Приехав в расположение Академии рыбу решил отнести одной малознакомой женщине. Чтобы срезать путь пошёл через Парк Академии через забор. Пьян не был, матом не ругался, сопротивления патрулю не оказывал. Вину свою осознаю, обещаю исправиться. Дата. Подпись.

Объяснительная записка

Я, курсант Миляев, придя с занятий почувствовал крайнее раздражение переходящее в гнев. Чтобы купировать мое нервное состояние принял одну таблетку седуксена, а чтобы заснуть - одну таблетку фенобарбитала. Перед сном решил поесть. Мне из дома прислали трёхлитровую банку виноградного сока, который прокис. Будучи очень голоден был вынужден выпить его полностью. Вероятно, произошла тройная взаимная потенциация фармакологического эффекта смеси бензодиазепина с барбитуратом (в минимальных терапевтических дозах) следовым количеством алкоголя. Необходимость развеять неприятный эффект, вынудила меня совершить оздоровительную пробежку в Парке Академии, куда пошёл через забор, чтобы срезать путь. Пьян не был, матом не ругался, сопротивления патрулю не

оказывал. Вину свою осознаю, обещаю исправиться. Дата. Подпись.

Всё. Хохот и пять суток авторам.

СПОРТСМЕН-ПАРАЛИТИК

Отсидели Коля с Сивом свои пять суток на "губе", на гарнизонной гауптвахте, но оптизма там не растеряли. Решили мы их благополучное возвращение от греха подальше отметить где-нибудь на стороне. Не только я, а еще и Ксюжена, и Инга. Удивительно, но после трипачного залёта, Сив всё ещё дружил с Ксюженой, а Инга, это её лучшая подруга, и так вышло, что и Колина подружка по совместительству. Она была спортсменка с Герцена, с педагогического, готовилась стать учителем физкультуры. Хотя девушки и были ос разных ВУЗов, но вскладчину снимали однокомнатную квартирку где-то на Охте, на Проспекте Металлистов. Вот мы всей толпой дождались трамвая и поехали к ним в гости. Мы по гражданке были, а Инга с палочкой. Она там у себя в институте на батуте прыгала, да что-то не так прыгнула, вот и пришлось ей временно с тростью ходить.

На следующей остановке заходит в трамвай старая баба, такая крепенькая бабца. И видно, злющая. Этакая эксплозивная параноялочка. Из тех, что всегда правы, любят скондалы, возражений не терпят и права качают. Злоба из нее так и источается, на каждого, кто ближе трех метров стоит с неприкрытой ненавистью смотрит. Только зашла - уже склока, народ в проходе пройти мешает. Наконец прошла - опять скондал, сесть старой негде. Согнала мужичка, едва себя моложе. Только села - опять война, соседка не так сумку поставила. А сама же удобно сидит, прямо возле двери, а что своими кошелками людям мешает, ее не волнует.

Смотрел Коля на нее, смотрел и говорит: "Спорим мне эта старая гнида сейчас место уступит!" Мы типа того - не верится. А трамвай к остановке подходит. Коля берет у Инги тросточку и шасть в заднюю дверь. Вокруг трамвая оббежал и в ту дверь, где бабка сидит лезет. Да как лезет! Как паралитик. Закосил под убогого. О трость опирается, глаза подкатил, морду кривит, изо рта слюни капают. И мычит, громко так, и еле поймешь что: "Бааыыыбуушка, дыыыаааайте сыыыээээсть!"

Ну бабка пулей на ноги: "Садись, садись сынок! Ух ты,

Господи, сиди, сиди сыночек".

Коля: "Ууааам спыыыаааасыыыыбо!"

Мы не выдержали и стали громко смеяться. Тут бабка на весь трамвай как начала нас ругать да поносить, что мы мол над больным человеком смеемся. Нам стало дальше ехать стрёмно, и решили мы на ближайшей остановке сойти. А у девушки по правде нога болела. Ей без трости очень трудно с трамвая слезать. И вот только двери открылись, как Коля на глазах у всего вагона перевоплощается - во мгновение ока вскакивает с кресла, подхватывает Ингу на руки и выносит ее из трамвая.

ДЕНЬ ДУРАКА

Вообще-то Коля шалопаем не был. Он был парень серьёзный, в перерывах между хохмами науку двигал. Избрали его во ВНОСе секретарить. И в эти секретарские обязанности вменялось проводить межвузовские конференции. Почти как у настоящих ученых, только среди курсантов-студентов. Хотя эта должность была не особенно серьёзной, но даже кое-какую дополнительную денежку за нее платили, а поэтому к такой работе Коля относился отнюдь не понарошку. Хотя если честно сказать, то самой работы было немного - сходить в деканаты разных ВУЗов, да переговорить с ответственным за СНО (студенческим научным обществам) насчет того, чтобы ваши студенты к нам, а мы к вам. Докладики почитать, да умом порисоваться. И Колина роль в конце концов сводилась к простой передачи списков. Такое много времени не занимало.

И вот в конце марта отправился Коля в ЛГУ, Ленинградский Госуниверситет. Ну и я к нему на хвост упал, тоже посолидничать захотелось. Решили мы их биохимиков-иммунологов к нам в Академию пригласить. А в ЛГУ старостой СНО был в то время Всеволд Шадрин - довольно пакостная личность с сильным комсомольским уклоном. Ну он нас облажал - типа мы Университет, глубокая наука, ещё бы к каким-то военным свои труды читать ходили. Мол у нас уровень не тот. И словно рисуясь своим университетским блеском, особенной студенческой неповторимостью, и собственной значимостью и властью, пригласил он нас на Первое апреля посетить их ЛГУ-ховский праздник "День Дурака". Дал нам по пропуску-прегласительному в их высотное общежитие, что в Студгородке.

Вообще-то на первоапрельский "День Дурака" даже не

каждый рядовой студент самого Университета попасть мог. Давались специальные пригласительные билеты, а на входе каждому на лоб ставили здоровую красную печать "ДУРАК". Ну а дальше такой "дурак" моментально забывал все комплексы, с лёту окунаясь в студенческое шоу-юморину, плавно переходящую в дискотеку, а та в костюмированную оргию, где уж каждый веселился и дурачился, как мог. Университетские студенты этим капустником очень гордились и его считали лучшим в городе. Да пожалуй он и был лучшим. "Дня Дурака" в Университете ждали многие студенты Ленинграда из разных ВУЗов, лелея тайное желание "ну хоть в этот год я туда как-нибудь пролезу".

Коля за снобизм решил Университет наказать. Да не как-нибудь по мелочи, а решил ни много, ни мало этот самый знаменитый университетский праздник подпортить. Пока мы шли из их деканата с Васильевского по набережной Невы до Авроры, обозначился чёткий план мести - в этот год шоу должны будут прикрыть городкие структуры охраны правопорядка, в просторечьи - менты. Саму идею мы стырили с показухи у псковских десантников на войсковой стажировке, правда те там ничего такого противозаконного не совершали, а просто демонстрировали собравшимся на стадионе нескольким тысячам зевак разные зверские способы убийства холодным оружием.

На Факультете Коля пошел к Бате, к нашему курсовому художнику. Тому постоянно Серпомолот приказывал делать разные стенды. Так вот на те стенды Батя вырезал горячей проволокой из пенопласта красивые объёмные буквы. И этого пенопласта в его каморке всегда было завались. Коля там взял два куска. Ещё у нас был тесак. Давным-давно, курсе этак на втором, когда мы только вселились в общагу, то у себя в комнате на антресолях нашли здоровый заржавленный кухонный нож, из тех, что использовались в хлебных магазинах и в столовке. Откуда пришел этот реликт, мы не знали, но кочевал он с нами без дела из курса в курс, из комнаты в комнату. Вот, наконец, нашлось применение наследству стрших поколений - Коля положил нож на на плинтус и гирей перебил калённую сталь пополам. А в ночь накануне "Дня Дурака" Коля пошел к клинике Госпитальной Хирургии и добыл там литр настоящей консервированной донорской крови. У этой крови вышел срок годности и ее списали - то бишь просто выкинули в мусорный бак, что стоял во дворе недалече от чёрного входа. У Коли вообще талант на помойки. На курсе нашлась старый спортивный костюм и рваные кеды. Если это надеть, то получался вполне

внутриобщаговский вид весьма обнищавшего студента. В подельники к себе Коля избрал Сива, как натуру наиболее артистичную. Вместе они отрепетировали детали мероприятия по срыву мероприятия.

И вот 1-го апреля Коля и Сив отправились в Студгородок. Заявились в форме. Весь антураж поместился в небольшой дипломат. Дипломат слегка раздулся, но подозрений не вызвал - на вахте ребята показали свои пригласительные, и их с улыбкой пропустили. Недолго поторчали у лифтов со скучающими мордами, мол кого-то ждут в вестибюле, а улучив подходящий момент, когда остались внизу одни, быстро поднялись на последний этаж. Там Коля скидывает форму и прячет ее на самых верних ступеньках, что ведут уже к моторам над шахтами. Одевает спортивный костюм, на спину и грудь подкладывет пенопласт. На всякий случай, чтобы не оставлять отпечатков пальцев, Сив натянул хирургические перчатки, затем в пенопласт через аккуратные прорези вставил половинки ножа и обильно облил всё кровью. Создалось вполне реалистичное впечатление, что человека проткнули насквозь здоровенным тесаком. Коля на голову одевает каюшон спортивки, подходит к лестничому пролету, где и остаётся ждать условного сигнала.

Сив спокойно проходит по этажам и обнаруживает, что на шестом этаже у лифтов и в корридоре пусто. Вытягивает в пролет руку и на пальцах показывая "шесть". Коля мчится к лифту и спускается на шестой этаж. Там он с лифта выходит и ложится на пол, Сив же поднимается по лестнице на пролет выше. Ждать долго не приходится, скоро двери лифта открываются и оттуда раздается цокание каблучков и беззаботный девичий смех. Вдруг наступает тишина, а затем раздается истошный визг, гулкий топот по полу, бухание створок лифта. Лифт немедленно отъезжает вниз.

Похоже сработало. Сив выскакивает из засады и наливает здоровую лужу крови, еще при этом брызгает на стены и потолок, создавая для криминалистов характерную картину борьбы. После этого Коля наступает кедом в лужу и топает ко второму лифту, будто человек в агонии на карачках бежал. К счастью за эти несколько секунд никто в коридорчике не появился, а вот и подошел пустой вызванный лифт. Ребята поднимаются на два этажа выше и осторожно выглядывают - опять никого. Чтобы лифт "не убежал", его двери заклинили дипломатом, а Коля ложится перед вторым лифтом, Сив снова скачет на лестничный пролет.

Через минуту шоу повторяется - хлопают створки, кто-то подъехал. Секунда тишины, а потом суета, но похоже, что человек даже не решился выйти из лифта. Правда теперь никакого визга нет, а звучат полновесные русские матюки, произносимые мужским басом. Лифт опять уходит вниз.

Сив выбегает из засады, обильно капает на пол крови, а Коля стягивает с себя костюм. Остатками крови мажут лифт - наделали кровяных смазов, будто уже метрвое кровоточащее тело здесь тянули. Окровавленный костюм и остальной отработанный реквизит тут же скинули в шахту лифта, ну в щелку, что остаеся между дверями, когда лифт стоит на этаже. Потом на этом же лифте ребята поднимаются на послений этаж, где Коля галопом одевает форму. Бегут в ближайший туалет, где ножницами режут на кусочки перчатки и пустой пакет из-под крови. Затем ошметки единственных улик, способных указать на принадлежность "шутников", спускаются в унитаз. Осталось тщательно вымыть руки и оглядеть себя - все отлично, нет ни капельки крови, даже если застукают, то доказать причастность к "шутке" будет трудно. Можно по лестнице спокойно спускаться на первый этаж и присоединяться к общему празднику.

На первом этаже на вахте переполох - срочо вызвана бригада дружинников из студсовета, контролирующих порядок во время праздника. Похоже серьёзное ЧП - только что группа первокурсниц обнаружила на шестом этаже мужской труп, ну с очень явными следами насильственной смерти. Нет, кто это опознать не смогли - голова трупа в капюшоне, а лицо почти вплотную к стене. Но то, что его здоровущим ножем насквозь - это точно видели, тут сомнений нет. Председатель студсовета пока в милицию звонить не спешит - "День Дурака" все же, вдруг у кого такие шутки дурацкие. Без меры в смысле. Но тут прибегает испуганный парень с восьмого и говорит о том же самом. Теперь дружинники-студсоветовцы уже смеются, они явно думают, что это шутка - чего это труп с ножем будет по этажам бегать, но все же решают проверить место происшествия.

Всей гурьбой они подходят к лифту, открывают двери и... И галдят наперебой - в лифте следы кровавой драммы. Самый умный советует оставить двери открытыми, чтобы лифт вызвать не смогли. У дверей выставляют двух постовых беречь сцену преступления в неприкосновенности до самого приезда ментов. Другая группа несется по лестнице на шестой этаж, кто-то пытается вызвать второй лифт, чтобы уехать на восьмой. Теперь у доморощенных сыщиков сомнений нет - и на шестом и на восьмом следы преступления. Все наперебой высказывают свои соображения, испуганный вахтер звонит в милицию.

Менты явились быстро. Какой-то капитан, видать начальник вызванной опергруппы, начал опрос свидетелей. Ситуация не совсем ясная - толи в общаге идёт кровавая бойня и на каждом этаже полно трупов, толи труп один, но его какой-то маньяк таскает с этажа на этаж. Решили заглянуть в лифт. Дежурный криминалист макнул капельку ваткой на фенолфталеиновую пробу - однозначно свежая кровь! Сразу опросили вахту, не выходил ли кто и не выносили ли чего-нибудь громозкого и подозрительного? Поставили ментов с пистолетами и наказали никого не выпускать. Капитан решил просто - скорее всего и жертва, и преступник все еще в общежитии, а поэтому решил шмонать всю эту гиганскую общагу начиная с самого пятнадцатого этажа.

Менты вызвали дополнительный наряд. Дискотеку и капустник тут же прикрыли, и народ устремился на выход. В этой пестрой толпе довольно много было курсантов в форме разных военных училищ. Из оцепленной общаги их выпускали в числе

первых, только переписав данные военных билетов и спросив причину появления, к кому пришли, и кто дал пригласительный? Когда подошла очередь Коли и Сива, то они честно ответили, мол Всеволд Шадрин пригласил, пообещав, что тут такое увидим! Но ничего так и не увидели, кроме испуганных студентов.

РАЗДЕЛИМ ПО-БРАТСКИ

Но не только Коля умудрялся проделывать шутки, один раз неплохо подшутили над ним самим. Через недельку после "Дня Дурака", после занятий заскочили мы в офицерскую столовую на обед. За исключением генеральского зала и зала старших офицеров, слушателям старших курсов туда был вход свободный. Кстати надо отдать должное этой весьма демократичной столовой - что курсантов, что генералов там кормили одним и тем же, разве что старшие офицеры обслуживались официантами как в ресторане и могли заказать себе спиртное, что нам, конечо же не позволялось, да и в очереди нам приходилось стоять, как в городском "Общепите". Но в отличие от "Общепита" еда там была весьма вкусная и сравнительно дешевая. Если не изголяться и не брать всяких "двойных люля" или "табака", а ограничиться салатом, борщем и шницелем, то запросто можно было в полтинну уложиться, ну максимум копеек в шестьдесят. Мы были не из привередливых, и в отличие от офицеров, брали себе чего по-проще, в смысле по-дешевле.

В той же офицерской столовой обожали подъедаться наши "друзья, развивающиеся по социалистическому пути" - вся разноцветная экзотика с 5-го Факультета. Самыми интересными были выходцы из стран Африки. На этих форма была под стать их местной фауне - словно тропические птички или экваториальные рыбки они переливались всеми цветами радуги и блестели разными побрякушками, и все это на фоне угольно-чёрных лиц. А вот степень благосостояния у них заметно варьировала, даже не от страны к стране, а от курсанта к курсанту. Некоторые по нашим понятиям были богачи, но большинство всё же нищета.

Стоим мы в очереди - Коля, затем куча обычных советских капитанов да лейтенатов, потом какой-то бравый воин Гвинеи-Биссау, затем я со Студентом. Мы Колю видим, а он нас за офицерами не замечает. Коля взял солянку, котлеты с картошкой-пюре и компот. И негр тоже самое взял. Коля свой обед на поднос поставил и осматривается, где бы ему лучше сесть. Нашел место и понес туда обед. И тут до Коли доходит, что он хлеб забыл.

Пошел Коля за хлебом, а это опять в очередь становиться - копейку доплачивать. Он от столика отошел, а обед свой так на подносе и оставил. Смотрим мы, что к нему за столик подсаживается тот негр-гвинеец. Вот и наша очередь подошла, мы через пару столиков сели. Негр всё сгрузил и пошел поднос относить. Тут Студент к его столику подскакивает и Колин обед к нам переставляет - чего, столик на чеверых, мол по-дружески вместе отобедаем. Однако Коле об этом объявлять не торопится.

Первым вернулся негр, увидел, что поднос напротив исчез и довольный уселся на Колино место. Обед свой передвинул и давай с аппетитом солянку уписывать. Возвращается Коля с хлебом. Стал рядышком, и аж челюсть у него от удивления отвисла. Потом он как-то обреченно вздохнул, видать не хочет международного скандала, быстро сел напротив и к себе второе подвинул. И ну его жрать! Котлеты глотает нежуя, картошки в рот пихает столько, сколько на вилке удержаться может. Тут уже опешил негр - так из застыл с открытым ртом, откуда начала вываливаться недожеванная солянка. Но не надолго. Коля и негр как по команде уставились на компот, получается кто первый сожрет, тот компот и получит! Негр в туже секунду включился "в компотное соревнование", а потом бросил ложку, схватился за компот и победными глазами на Колю смотрит. Коля видит, что сожрать ему уже больше нечего, покосился на недоеденную негром солянку, вдохнул и встал из-за стола.

Когда Коля понуро проходил мимо нас, его окликнул Студент. Коля глянул на стол, оценил ситуацию... И я подумал, что сейчас солянка окажется на Студентовой голове. Или на моей. Ведь по нашим довольным мордам было видно, что мы от начала до конца наблюдали за его "соревнованием". Студент виновато потупил глаза, потом пытаясь загладить ситуацию, подхватил Колино второе и понёс его к негру за столик. С минутку там постоял, объясняя происшедшее. Негр поднялся, улыбнулся своей контрастной улыбкой и громко загоготал на всю столовую, от удовольствия дружески похлопывая Студента по спине своей черной ручищей:

- Ай-яй! Моё думать совсем оголёдаль русский курсант! Гы-гы, ха-ха! Думать, вот какой нахаль - перед моё лицо моя обед кушать и меня не спрашивать! Думаю - чего не спросишь!? Если голёдный, то я тебе котлетка по-братски и так подарю, я не жаданай!

- Ха-ха! А он-то думал, что это вы там у себя в Африке оголодали, что чужие обеды жрать стали. Он кстати, с тобой тоже

бы по-братски обед разделил бы! Он тоже не жадный.

Негр сел и довольный расправился с котлетами. Коля в этот момент сконфуженно ковырялся в солянке. Негр встал и пошел на выход. Проходя мимо нашего столика он дружески потрепал Колю по плечу:

- Ай-яй, ай-яй, я так смеялься! Ай-яй, как я смеялься - я никогда так не смеялься! Я поеду в Гвинея и всем буду рассказывать, как я смеялься! Разделили по-братски!!! Сапасиба за много смеялься!

Коля в ответ лишь тихо буркнул:

- Пожалуйста.

ЗА СЕБЯ И ЗА ТОГО ПАРНЯ

У Сива был младший брат. Он тоже поступал в Академию, но пролетел. И потом пошел в Сангиг. В принципе Сив-младший, по кличке Молодой, повторил судьбу Валеры-Студента, разве что бросать Сангиг не собирался и гражданской жизнью был вполне доволен. От такого родства судеб Студент в Молодом души не чаял, всячески ему помогал и был, так сказать, в старших наставниках. А вот что касается отношения к учебе, то в отличие от Студента у обоих братьев Сивохиных подходы особо не отличались - "абы сдать".

Дело близилось к зимней сессии. У нас как раз закончилась лекция по Инфекционным Болезням. Выходим, смотрим, в сторонке в заснеженном дворике стоит Сивохин-младший и глазами в толпе слушателей кого-то выискивает. Наконец увидел Студента и бегом к нему. На лице расстерянность, от волнения аж заикается. Спрашиваем, что случилось? И тут Молодой обращается к Валере с необычной просьбой - сдать за него Микробиологию. Потому что у него по "микробам" полный завал. Идут они первым экзаменом, и сдавать их завтра, а он за семестр и учебника не открывал... Короче, если Студент не поможет, то прощай институт. Студент давай отнекиваться, да у нас же микробы на 3-м курсе были, я мол я уж всё забыл. А тот умоляет - ерунда мол, у вас вон и "гигиена", и "эпидемка", и "бакоружие" после были, а сейчас вот "инфекция" идёт, хоть на троечку то с минусом ты наговоришь. Грозится за такой подвиг с себя последнюю рубашку снять, но Студента в лучшем ресторане накормить. Валера почесал затылок, поморщился и саказл "ладно", правда взяв с Молодого слово, что в случае провала тот его винить не будет. На том и порешили.

Вообще-то Валера похож на младшего Сивохина, как Эйфелева башня на линию электропередач - силуэтом. А вот на морду совсем разные люди. На счастье у Студента завалялось неслько старых фотографий, когда он еще в институте фотографировался по-гражданке на студенческий билет и зачетку. Молодой же уверял, что он на кафедре Микробиологии был гостем редким, а поэтому в лицо его там никто, кроме его родного препода не знает, а сдавать он будет какой-то доцентихе, что вообще в вглаза его не видела, а поэтому можно смело переклеить фото в его зачетчой книжке. Однако от такой идеи пришлось сразу отказаться. В их сангиговском учебном отделе, или как там эта контора в гражданских ВУЗах называется, оказались уж очень ушлые люди - фотку в зачётку они налепили таким зверским клеем, что отклеить оказалось абсолютно не возможно. Тогда решили еще круче - подделать сразу всю первую страницу.

Копировальных машин тогда было раз-два и обчёлся. В Фундаменталке стоял допотопный "Ксерокс", который штамповал плохонькие копии, да еще ужасным синим цветом. За каждую скопированную страницу брали каки-то копейки, весьма неслабые по тогдашним понятиям, обслуживали этот аппарат злющие тётки, и у него постоянно толпилась очередь из офицеров. Содрать там зачетку полностью отпадало. Тогда решили использовать новейший аппарат, что был на "Рентгенах", в смысле на Кафедре Рентгенологии. В принципе, то был рентгенаппарат, а не копировальная машина, где вместо плёнки использовалась электростатически заряженная пластина, но изображение там выводилось на экран. А если нужно было сделать бумажный отпечаток, то рядом стояла другая машинка, весьма похожая на копировальную, где с блестящей металлической пластины при помощи яркого света делалась копия на бумагу, примерно как на том же "Ксероксе". Только было одно неудобство - вместо копировального порошка в эту машинку заряжался рулон ленты, типа чёрной угольной копирки. Видать эта лента была в дефиците, и поэтому на том аппарате если кому и делались копии, то только их генералу, начальнику кафедры и Главному Рентгенологу СССР. У нас звания и должности были пониже, а значит попасть к этой машинке, да еще со странной просьбой скопировать зачётку нам не светило.

Студент без особой надежды привел Сива-младшего к кафедре. Затем он долго объяснял, где стоит этот чудо-аппарат, и

к кому лучше всего подойти с такой странной просьбой. На счет просьбы Молодой ответил просто: "Это стопудовое палево. Просить не будем!" Тогда Студент отказался с ним идти на кафедру - самовольно вламываться в кабинет по его представлениям было верхом безрассудства. Молодой пошел один, а Студент присел нервно перекурить на лавочке. Не прошло и десяти минут, как к нему Молодой подходит. Подмышкой пальто, сам одет в белый халат и колпак, а в руках держит штук десять копий своей зачётки. Идёт, чуть не плачет. Студент аж подпрыгнул от недоброго предчувствия:

- Что, спалили!?

- Да, нет, нормально всё. Зашел в вестибюль, в раздевалке разделся. Думаю, у меня патлы аж на плечи ложаться, а вы тут все стриженными ходите, а не закосить ли мне под медперсонал? На курсанта ведь я не похож... Это у вас халаты на кафедрах выдают, а мы каждый со своим ходить обязанны. Вот я из своего портфеля достал собственный халатат, нацепил свой колпак. А колпак у меня во! Полметровый, почти как у повара. Засунул зачетку в карман, а там смотрю на каком-то столике стоит пустой стерилизатор. Я его подхватил и с деловой мордой пошел по твоей наводке кабинет с копировалкой искать. А там какой-то мужик куче курсантов чего-то объясняет. Я извинился, потом протиснулся в тот кабинет, поставбил там стерилизатор и бегом к аппарату. А там устройство для дураков - кнопка ON/OFF и COPY. Ну чё, включил с "офф" на "он", положил зачетку, да нажал "копи". Вот наштамповало мне кучу копий. Потом вышел, никто на меня даже и не глянул.

- А чё грустный такой?

- А ты на это говно посмотри! Какой дурак поверит? Оно, зараза, все жирным черным цветом нарисовало, и синюю печать, и синюю подпись, и еще каких-то точек вокруг налепило - стопудовое палево!

Студент забрал у Молодого зачетку и долго вертел её в руках, сверяя с копиями. Получилось действительно плохо. И тут взгляд Студента упал на последнюю страницу зачетки - там маленькими буковками было написано "*Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография N2 имени Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Совмине СССР. 198052; Ленинград, Л-52, Измайловский проспект 29. Спецзаказ N70152-36. Тираж 10 000 экз.*" Студент медленно поднял глаза и тихо произнес:

- Я знаю, где это. Поехали!

На город уже упали ранние зимние сумерки. Силуэты зданий сгладились, а потом и вовсе растворились в мельтешении снежинок.. Повсюду зажглись фонари, давая вокруг себя размытые красивые желтые ореолы. Рабочий день подходил к концу. Под ногами спешащих домой людей чавкала холоднючая каша из полураскисшего снега и соли. До экзамена оставалось немногим более пятнадцати часов. По пути к метро Студент отправил Молодого в "Антимир", наказав купить бутылку водки и бутылку хорошего коньяку. Тот еще минут двадцать толкался там в очереди, наконец купил. Когда добрались на Измайловский, то уже совсем стемнело. В ранней Ленинградской ночи Типография N2 имени некой Евгении Соколовой казалась мёртвой. Похоже, что работали здесь только в одну смену, и все уже ушли домой. Ребята обошли здание и тут заметили свет в нескольких окнах. Студент слепил снежок и кинул его в окошко. Вскоре к стеклу подошел какой-то дедок в рабочем халате, весь перемазанный типографской краской. Он с удивлением уставился на Валерку - чего это солдату тут понадобилось? Ребята принялись ему объяснять, оживленно жестикулируя. Но у деда в его небольшом цеху работал печатный станок, и тот ничего не расслышал, да и смысла в махании руками не понял. Тогда Валерка вытащил из портфеля пузырь и многозначительно потряс им. Через несколько минут с торца здания открылась неприметная дверь и дед поманил их.

- Чего тебе, служивый?

- Отец, выручай! За дело с нас магарыч! У вас тут зачетки печатали. Может чего осталось... Не найдешь ли мне подобной кижицы. Нам даже не вся книжка нужна, а лишь первая страница с обложкой.

Рабочий повертел зачетку в руках. И многозначительно сказал.

- Старый заказ. На такое даже контрольный экземпляр не оставляют. Но на обложку старое клише в инвентарке найду. А вот текст и линовку... Вот если вы еще и напарника моего... В смысле того... Короче - за два магарыча мы вам такую зачетку запросто спечатаем!

- Отец, нет проблем! Смотри сюда - зчетку нам, а эту водку и коньяк вам. Только вы странички не сшивайте!

Через пару часов ребята распрощались с работягой, передали магарыч и получили взамен кучу корочек и бланков. И по бумаге, и по шрифту сходство было стопроцентным: "Ленинградский Государственный Санитарно-Гигиенический

Институт им. Мечникова". За исключением рассыпающихся страниц, настоящая зачетка, не подкопяешься!

Ребята приехали на курс и пошли на поклон к Бате, нашему художнику Виталику Руденко. Тот похожим почерком переписал титульный лист, потом наклеил туда старую фотографию Студента. С печатью оказалась проблема - сварили яйцо вкрутую, очистили, но теплым яйцом эти чернила переводиться не желали. Точнее на яйцо печать перевелась, а вот обратно на бумагу не захотела. Мы таким методом обычно переводили печати на увольнительных записках, когда бегали в самоволки на младших курсах, но там наверное чернила были другими. Делать нечего, Батя достал кальку и лупу, и сел химическим карандашом копировать печать вручную. Эта суперювелирная работа взяла часа два. Потом Батя положил кальку на новоиспеченный титульный лист, напитал все это своим очередным "дралоскопическим" рецептом - смесью из изопропилового спирта, ацетона и глицерина, а потом прижал утюгом. Через минуту химический карандаш перевёлся на фотографию и новоиспеченный титульный лист. Если особо не приглядываться, то весьма похоже. Правда глицерин оставил на бумаге довольно пакостные разводы. Молодой осмотрел подделку и удовлетворенно хмыкнул: "Палево, но не стопудовое! Короче, пусть думают, что ты, Студент, на зачётке тюльку жрёшь".

С этими словами он вял немного постного масла и грязи с пола, да хорошенько затёр уголки новенькой обложки. Получилась нормальная студенческая зачетка средней неряшливости. Затем аккуратно разрезали сшиву на настоящей зачетке Молодого и переставили листы с подписями преподавателей в этот новодел. Затем Студент отправился с этой зачеткой по комнатам выискивать тех, кто не спит. У нас каждый знал, что Валерка до Академии три года отучился в Сангиге, и поэтому когда тот показывал эту зачетку, никто не удивлялся. Удивление начиналось, когда читали фамилию Сивохин, вместо Рябуха. Тест на аутентичность сочли благополучно пройденным. Время далеко за полночь, до экзамена осталось менее пяти часов. Теперь можно и поспать. Так поздно возвращаться домой смысла уже не было, и поэтому Студент и Молодой разбрелись по комнатам. Закон в этом плане у нас был прост - где койка свободна, та и твоя. А свободных больше половины.

Утром, бросив дежурное, "если меня будет искать

начальство или спрашивать преподаватель, то я заболел и пошел в поликлинику" Студент вместо занятий поехал на когда-то родную Пискаревку. Там у студенческой общаги Сангига его уже поджидал Молодой. Для снижения риска засветки, точнее "застука" ненадёжными сокурсниками, а особенно сокурсницами, решили, что безопаснее пойти в числе последних. Это в Академии списки составляли, а тут же живая очередь, как на приём к стоматологу - сиди и дрожи при слове "следующий". Поэтому ребята вначале отправились в хоромы к Студенту, где тот неспешно переоделся в гражданку, потом сходили в столовку покушать, и лишь потом заявились на экзамен.

Вообще-то Студент чуть сразу на том экзамене не провалился. Ну во-первых он по привычке решил подойти к доцентихе строевым шагом. От такого грохота тётка подпрыгнула и быстро-быстро заморгала глазами. Она внимательно уставилась в Валеркино лицо. Нет, не то что бы она там чего-то заподозрила, просто понять не могла - это что, молодой человек издевается, или заучился до сдвига по фазе? Во-вторых, вместо вежливого "здравствуйте" из его глотки вылетело привычно-казённое:

- Товарищ Доцент! Студент третьего курса рядовой... м-м-м... рядовой гражданин Сивохин на сдачу экзамена по Микробиологии прибыл. Р-р-разрешите взять билет!?

Доцентиха опять испуганно заморгала, потом нацепила очки и уставилась в поддельную зачетку, медленно листая страницу за страницей:

- Да вы не волнуйтесь, Сивохин. Я конечно, вижу, что ваша общая академическая успеваемость оставляет желать лучшего, но я обещаю вам абсолютно непредвзятое отношение. Возьмите себя в руки, потом возьмите билет и спокойненько идите готовиться. Но главное - не переживайте так! Мы же тут не звери, мы понимаем ваше состояние.

Валера тоже понял, что дал маху, выключил свои военные рефлексы, тут же вспомнив либерализм своей прошлой студенческой жизни. Он спокойно взял билет и пошел готовиться. Досталась ему кишечная палочка и возбудитель тулерямии. "Микробы" действительно Студент подзабыл. Всякие там посевы на среды и на пестрый ряд, всякие там антигены и покраски... Вместо этого всплыли титры и индексы, штатные укомплектования спецотрядов ликвидации очага и разведмероприятия в тылу, расчет комплектов ООИ-3 и РО-1 при сочетаном боевом применнии тулерямии с газом Би-Зет по

плотноснаселенной местности, а также организационно-штатная структура формирований, обеспечивающих карантин на уровне областного центра. Но время неумолимо ползло вперед, и вот подходит его очередь отвечать. Валера вздохнул, взял беспорядочо исписанный листок и подошел к доцентскому столу.

- Товарищ доцент, кхм... виноват... Тамара Павловна! Я бы хотел несколько глобальней осветить проблему Ecerichia coli - кишечной палочки - казалось бы обычного представителя микрофлоры наших каловых масс. Вначале рассмотрим ее в общеэпидемиологическом, а затем в клиническом аспектах...

И тут Валера перешел в словесный аллюр. Он собрал все свои знания, сыпал номерами приказов, министреских инструкций неотложных мероприятий, цитировал параграфы из РМО мирного и военного времени (РМО - Руководство по медобеспечению). А уж когда подошел к клинике... Описав все разновидности клинической картины колиэнтерита, перепрыгнул на хирургию, где стал рассказывать лечение тяжёлых каловых перитонитов при огнестрельных ранениях толстого кишечника на этапах эвакуации раненных с фронта.

Так и не дождавшись, когда же дело дойдёт непосредственно до самой микробиологии, доцент попросила перейти ко второму вопросу. Тут началось ещё хуже - Валера, словно забыв, что он в гражданском ВУЗе, стал выдавать всякую закрытую информацию, обильно подсаливая ее байками, что слышал из секретных "ящиков". Когда он дошёл до классификации боевых штаммов тулерямии и принципиального конструктивного устройства ракетной боеголовки для распыления спор, доцент не выдержала:

- Хватит, Сивохин. Несмотря на некоторые пробелы в деталях, я ставлю вам твердую отличную оценку. Ваш медицинский кругозор просто вызывает удивление. Для третьекурсника вполне не плохо - из вас получится хороший санитарный врач. Жалко, что вы в научный кружок на нашу кафедру не ходите.

Студент встал, манерно склонил голову, взял зачетку из рук доцентихи и коротко бросив "досьдание", пулей вылетел из кафедры. Внизу его с нетерпением ждал настоящий Сивохин-младший:

- Ну как?

- Стопудовое палево - "отлично"!

ЦЕЛКОПЛАСТИКА

Сивохин-Молодой был безмерно благодарен. У него даже затеплилась надежда получить стипендию. Он стал намекать Валерке, что пока зачётку назад не перешили, то не мешало бы ещё парочку экзаменов за него сдать. Но тут уже Студент был непреклонен - во-первых, судьбу дважды не испытывают, а во-вторых врач-оболтус, пусть даже и санитарный, это нонсенс. И послал он Молодого куда подальше - к остальным экзаменам самому готовиться. В заключение, как и было обещано, они здорово откушали в ресторане, а потом Молодой ещё сверху бутылку коньяка Студенту отвалил.

Студент принес коньяк на Факультет. Сидим мы у не распечатанной бутылки и смотрим в окошко. У самих на носу сессия, пьянствовать нам не охота, но и бутылка соблазняет. Тут замечаем, что напротив в ЦПХ в знакомой комнате какой-то девичник. Думаем, пошли сходим. Посидим часок, на кучу баб и на двоих мужиков одна бутылка пойдет как добавка к чаю - никакого пьянства перед сессией. Заходим в ЦПХ, поднимаемся на третий этаж. А там в коридоре вопли! Какой-то мужик с сильным акцентом на всю общагу орёт:

- Фатыма! Ты кров мою стаканами пьёшь! Что отец скажет! Что соседи скажут! Не приедэшь через две нэдели - убью! Зарэжу! И нэ вздумай убегат - найду и как овэчка на байрам зарэжу!

Тут мимо нас прошел небритый мужик южно-орлиного склада в весьма дорогой дублёнке. По его налитым кровью глазам нетрудно было догадаться, что это он так орал. Заходим в комнату. Здравствуйте девушки, давайте ставьте чаёк, будем балагурить. А у девушек настроение ниже плинтуса. А одна, черненькая такая, вообще в слезах. Вопрошаем, что мол, за дела. Бабоньки молчат. Опять спрашиваем, может чем помочь? Молчат, вздыхают, да на черненькую обречённо поглядывают - вроде как на приговорённую к смертной казни, когда приговор уже обжалованию не подлежит. Валерке стало жаль девушку, но жалость тут же смешалась с любопытством:

- Эт ты Фатима, чтоль?
- Я...
- А то кто был? Ну тот, небритый, что орал тут - муж чтоль?
- Нет, брат.
- А чего он орал?
- Они там колым за меня взяли, а я домой ехать не хочу...

-Большой колым-то?

- Шутишь! Кто ж за меня большой даст? Я же инженер-экономист. Вот если бы у меня было образование семь классов и жила я безвылазно в горном кишлаке, тогда да... Тогда большой бы был колым. У нас так - чем больше баба на рабыню похожа, тем её цена выше.

- А где это "у нас"?

- Да в Таджикистане.

- Да-а, тяжёлые у вас там нравы.. Слушай, ну а какие проблемы? Сама же говоришь, что ты девушка дешёвая, колым за тебя маленький - откупишься!

- Глупости! Не в деньгах тут дело... Если брат узнает - убьёт!

- Чего узнает?

Фатима ничего не ответила, только опустила глаза и зарделась, а потом от стыда и горя уткнулась лицом в подушку и беззвучно заплакала. Подруги залепетали:

- Фатя, да не плачь ты! Ну уйди с общаги! Ну уедь из Ленинграда... Ну не будет же он тебя по всему Союзу искать?

- Будет! Он проводником работает - а среди проводников... Да у них по всем городам... Всё равно как в КГБ... Они найдут! Да и жених ведь хороший! И-иииии! И-иииии! И-иииии мне нравится!

Тут уже не выдержал Студент:

- Что за параноя? И денег дали, и жених нравится, и родственники не против - так откуда же проблема? За что тебя убивать то?

Фатима подняла зарёванные глаза и уставилась на Студента, как на умственно отсталого:

- Это у вас, у русских, проблем нет! А у нас есть! Я же здесь Ли-и-иии... Ли-иии, ли-иии-э-ээ-и-иии закончила... И-иииии...

- Чего, чего ты закончила?

- ЛИЭИ, Инженерно-Экономический, а это пять лет в Ленинграде. И по распределению здесь осталась - уже два года, как на "Уране" работаю. А я что не человек? Я что, не в ЦПХ живу? Я же как все... Вот за это меня и убьют! Если узнают... А если поеду домой к жениху - то тогда точно узнают! Соберутся всей роднёй, приведут меня к отцу и бросят там, как паршивую кошку. Даже если не зарежут - то всё равно позор!

Так открыться можно только или очень близким друзьям или абсолютно посторонним. В друзьях у Фати числилась пол общаги, а в абсолютно посторонних - мы. Дело в том, что в ЦПХ

между девушками секретов почти не было - там интимная жизнь каждого была на виду у всех. А годы общажно-студенческой, а потом и общажно-лимитной жизни видать перемололи даже мусульманскую неприступность симпатичной таджички. А что? Девушка молодая, грамотная, по-русски говорит без акцента, одета по моде... Ее дремучая смесь традиций и чугунной шариатской нравственности видать только-только пробудилась от долгого анабиоза. А пробудившись, такое вылезает откуда-то из подсознания и ведёт себя, как медведь-шатун. Все "цивилизованные" устои развратно-беззаботного общажного быта вдруг воспринимаются как моральное падение, жизнь сразу становится мрачной под тяжестью грехов. Хотя нам такое всё равно казалось чем-то средневековым: подумашь трагедия - плач Ярославны-Шахерезады по невесть когда потерянной девственности! Студент цинично заявил:

- Ну и дурь! Бросить невесту или убить сестру из-за отсутствия девственной плевы. Ха! Да это же простая дупликатура истонченной кожи! Две танталовых скрепки и десять минут работы, включая анестезию!

Фатима громко всхлипнула и вопросительно уставилась на Студента. Студент вытащил ручку, взял с тумбочки газету и принялся старательно чертить на ней жирную букву Z.

- Во! Всех дел-то.

- Чё это? Зорро такие знаки рисовал. Шпагой по телу...

- Ну шпагой я не умею, а скальпелем запросто. Вот смотри...

Студент схватил лежащие рядом маникюрные ножницы и разрезал газету по нарисованной Z, а потом сложил нижний разрез с верним. Получилось нечто непонятное с торчащими рожками-треугольничками.

- Что это?

- Целка! Точнее простейшая виргопластическая операция по восстановлению действенности - virgo intactum artificiale, или хименопластика. Проще только зуб выдрать.

- Откуда там зуб?

- Тю, ты! Зуб во рту, а это - в преддверии влагалища, ну в крайнем случае в самом начале входа делается. Вот смотри - треугольнички на уголках закрепляются специальной танталовой скрепкой, даже шить ничего не надо!

Для большей демонстративности Студент закрутил газету в трубу и показал, как искусственная целка, пардон - химен, пластически восстановленая девственная плева - перекрывает добрых две третьих просвета.

- Вот! Такое зарастет за неделю, ну надёжней за две. Как

кто туда полезет, ну в смысле того... Ну половой акт совершать, так почувствует это дело лучше настоящей плевы. И кровишки ливанёт - всё как полагается!

Тут на Валерку налетел почти весь девичник. Все наперебой принялись критиковать достижения современной оперативной гинекологии и рассказывать собственные истории на эту тему. Ленка с восемнадцатой советовала использовать капустный лист и красное вино, да стонать, как на примьере в Большом Театре. А Оля-табельщица с четвёртого этажа вообще потрясла всех сказанием, как еще в училище, сразу после комсомольского собрания её трахнул комсорг. При этом она прямо в классе незаметно умудрилась расковырять себе комсомольским значком палец, потом измазать всё что надо, только бы тот поверил, что он у неё первый. Комсорг поверил, но не надолго - её вложил один мерзавец, кто был до комсорга. Однако наиболее рациональной была история Любки-крановщицы. Та сказала, что ничего ковырять не надо, надо просто наврать про менструацию. То есть когда нет - сказать есть, а когда есть - сказать "сегодня можно". И орать много не надо, а всего лишь раз крикнуть "ой-ёй-ёй". А Зойка с бухгалтерии сказала, что всё это вообще глупость. Можно спокойно получать удовольствие всю ночь, а когда жених заснет, взять и налить из пузырька куриной крови в кровать. У них на деревне всегда на дворе простынь вешали после первой ночи. Ну чтоб люди видели, что мол всё, как надо прошло. В смысле девушка нормальная. Так вот чем больше пятно, тем нормальнее. И ни одна целка ещё такого пятна не дала, как зарубаная кура! Это её мама по секрету научила.

Конец интересному семинару положила сама Фатима:

- Всё, что вы советовали, подойдёт только для русских. Для таджиков не пойдёт. У нас старшая тётя жениха и старшая тётя невесты это дело до свадьбы коллективно осматривают. И вместе пальцами трогают! И если там нету того, чего надо - они сразу увидят, позовут мою мать и... Слушай, доктор, а там железки сильно видно? Они же их заметят, что я скажу? Мода что-ли такая, или зачем их доктор прописал?. А если не заметят, то потом, ну когда это дело делают, они же могут в это... ну в жениховое хозяйство воткнуться.

Студент аж подпрыгнул от восторга и загоготал:

- Ну ты даёшь, энженер-экономист - какие там железки! Да их же через пять дней снимают! Ну максимум через семь. И если твои тётушки не консилиум судмедэксперта с гинекологом со стажем, то чёрта лысого чего там они заподозрят.

Заключительное слово взяла всё таже Ленка с восемнадцатой. Точнее даже не слово, а как положено после семинара - вопросы в плане свободной дискуссии:

- Фатяша может на такое и согласится, а сколько это стоит? Мне лично такое и за даром не надо - не хватало еще эту пытку два раза терпеть. Точнее три - когда ломали, что Бог дал, когда зашивать вашей проволокой будут, и когда повторно ломать. Бр-рррр! Но я знаю многих, кому надо. И кто делать будет? Ведь в женских консультациях такое точно не делают. И в абортариях не делают! И в роддомах не делают! Что в вашей Академии что-ли делают? И сколько после этого больничный?

Студент задумался:

- Не знаю я, при мне и в Академии не делали... Это я так, в литературе вычитал. Хотя повторю - сделать такое просто! А вот сколько это стоит? Наверное четвертной. Может меньше. Может бутылку коняку... Фатя, но это не мне - это хохлу одному, завотделением в Обсервационном Роддоме на Газа. Если он согласится, то тогда... Тогда он мне смотровую даст. Дело маленькое, это ж не внематочную резать и даже не аборт какой. Тут большая операционная не нужна. А вот про больничный забудьте - через полчаса после операции вызывай такси и болей отгулами или прогулами исключительно за свои. Любите вы, бабоньки, Советское государство в собственные интимные проблемы впутывать - то первого мужа через партком назад требуете, то больничный за второе девичество.

Такой скорости развития событий не ожидал никто. Фатяша, в стиле личшего особиста-дознавателя, за пять минут выведала у Студента всё - откуда он знает завотделением и как долго знаком? Степень вероятности, что тот предоставит надлежащие "рабочие условия", и наконец, когда его первое дежурство? По каким-то, мне абсолютно не понятным причинам, она не задала ни одного вопроса об самой предполагаемой операции. Тут или феномен утопающего, что хватается за соломинку, пусть даже "соломинка" в виде рослого шестикурсника ВМА. Или же подпольный авторитет Студента в ЦПХ был настолько высок, что в успехе технической части задуманного мероприятия никто не сомневался. Оказалось, что тот самый завотделением заступает на дежурство сегодня в шесть, винно-водочный работает до семи - то есть стопроценто можно успеть с целкопластикой до полуночи! Оставалось одно "но" - в роддоме на Газа не было соответствующего инструментария, а имено скинстэйплера - нечто похожее на

гибрид пистолета и пассатижей, что загибает специальные танталовые скрепки, позволяя удерживать нужную форму не пережимая ткани сверх допустимого. Скрепок там тоже не было, как и не было пилонов - специальных влагалищных вкладышей, позволяющих держать открытым просвет преддверья влагалища до первичного рубцевания.

Вопрос с пилоном, со специальным фирменным вкладышем, Валера решил сходу - он предложил использовать обычный презерватив, в который напихать маленьких стерильных ватных шариков. После целкопластики их легко можно вытащить из просвета влагалища пинцетом, а потом извлечь пустой презерватив, не нарушая целости воссозданой девственной плевы. Сразу из разных концов комнаты раздались девичьи возгласы с сиюминутным предложением "проверенных электроникой" презервативов в любом количестве. А вот насчёт танталовых скропок и скинстэйплера... Тут путь один - идти клянчить в академическую Клинику Гинекологии. Может дадут до утра. Студент быстро выдумал довольно гнилой повод - хочет подать коротенькие тезисы на конференцию ВНОС по теме "Годовая потребность в тантале для гинекологических отделений по госпиталям Советской Армии". Звучит туповато, но ради такого скинстэйплер и упаковку стерильных скрепок на ночь дать вполне могут, тем паче, что на "Гине" Валерка уже какой год, как свой - староста научного кружка, и прочие "блатные" дела слушакского уровня.

По оглашению последних деталей Фатяша воскликнула "а чего же мы всё ещё здесь?!" Затем она, как давняя подруга, подхватила Студента за руку и потащила его выполнять задуманное, дни то на пересчёт! А я остался пить чай с коньяком. Когда бутылка опустела, девицы притащили водочки, и я как-то забыл о надвигающихся экзаменах. Вобщем, засиделись. Время за полночь, пора бы и честь знать. Тут слышим в коридоре: "Да забудь ты свои трусы! Сейчас главное покой и хоть пару дней постельного режима!" Выглядываем всей толпой из дверей - по коридору идут в обнимку Студент с Фатяшей. Точнее идёт только Студент, а Фатю он скособочившись аккуратно за талию несёт. Фатька же, словно демонстрирует школу верховой езды - в воздухе раскорячила ноги, как наездица на коне. Тут все бабоньки из комнаты выпорхнули, Фатеньку на рученьках понесли, всякие слова соболезнования да сочувствия выражая. Студент же в нашу комнату зашел, глянул на пустые бутылки и сказал:

- Лом, я смотрю, вы тут водку пьёте! А осталось?

А водки не осталось. Всю выдули. Ну коньяк, само-собой выдули ещё раньше. Тут Студент достает червонец и просит меня сходить на улицу и взять у таксёра. Для младшего поколения объясняю - водка в магазине стоила от трёх до пяти рублей. Но это до семи вечера. А вот ночью её можно было купить только у таксиста, но уже много дороже - за червонец. При этом практически любой таксист предлагал подобные услуги. Беру я червонец и спрашиваю, мол пополам или как? Оказалось "или как" - червонец пришел не от Фати, а от Сан Саныча Адерейко - того завотделением в Обрвационном роддоме на Газа. Тут у меня глаза из орбит вылезли - как такое возможно, ведь это они ему должны были магарыч ставить, а получилось наоборот. Студент криво улыбнулся, потом с сарказмом брякнул "дело мастера боится" и выпроводил меня за водкой.

Вообще-то можно было за минут пять пять дотопать до гостиницы "Ленинград" и там взять наверняка. Но мне топать было лень. Я даже шинель одевать не стал - выбегал из ЦПХ на улицу и махал рукой "привет" одновременно дневальным по Факультету, что сидели напротив, и несущимся по проспекту такси. Курсанты махали в ответ, а вот таксисты, замечая неадекватное поведение военного, проносились мимо. Наконец один остановился. Увидев в моей руке червонц, без слов вытащил водку. Порядком замерзший, я словно гранату схватил её за горлышко и бегом припустил обратно в общежитие.

Вернулся я как раз к середине "лекции". К этому моменту Фатю уже уложили спать, подсунув под ноги подушки, и теперь весь женский коллектив собрался слушать нюансы целкопластики. Студентовкий басок был слышен даже в коридоре:

- Ну значь на кафедре подхожу я к медсестре. Мол здрасьте. Дайте мне... И типа забыл, что же мне надо. Ага - вот такую штуку - скинстэйплер и упаковку таналовых скрепок. Кто приказал? Как кто приказал - сам Цвилёв приказал, начальник кафедры! Для научной работы - перерасчёт тантала на всю армию сделать. Завтра всё назад принесу. Та без задней мысли достаёт инструмент и в журнале пишет "выдано 6к. 2ф. ряд. Рябуха". Мы значь, в "Антимир". А времени уже семь ноль три - "Антимир" закрыт. Мы, значь такси хвать и на Газа. А там, значь, Сан Саныч вопрошает - что за дела такие? Я ему, значь, все объяснил, а он мне и говорит - даю бутылку водки, если и меня технике научишь! Ну тогда всё пучком - большую операционную

подготовили словно на кесарево. Я, значит, всю теорию Заву объяснил, а у того аж глаза на лоб полезли - до чего всё просто оказывается. Ну уложили, то бишь усадили мы Фатю в кресло, подкололи новокаинчиком и в четыре руки за пять минут всё сбацали. А потом позвали санитаров и вынесли её на улицу до лавочки, чтоб та не стояла, а сидела, пока я за такси бегал. Вот и всё. Ходить ей пару дней не желательно, так что пусть лежит. Хотя до туалета сама дойдет без проблем - уверен, что наша конструкция не расползётся. Может вот писать по первой чуть больно будет, но это ерунда, завтра к вечеру и это нормализуется - уретра там от плевы порядком отстоит. Так что Фатя у нас снова девушка по всем анатомическим правилам!

Мы разлили водку и выпили за непорочных девственниц, а потом отправились на Факултет спать - опять же хорошее дело общага, надежный запасной аэродром, если домой уже поздно ехать. На следующий день Студент пришёл проверить состояние прооперированной, еще дня через три извлек пилон-презерватив, а потом снял скрепки. Послеоперационное течение, если так можно назвать эту пустяшную ранку, прошло без осложнений, и вскоре Фатя укатила к себе в Таджикистан. Но история в лету не канула. Через месяцок Студента разыскала еще одна таджичка. Она передала горячий пламенный привет от Фатимы, коробку шоколадных конфет и опять же классическую бутылку коньяку. Но уже не от Фати - от себя. Теперь уже Студент не церемонился - цена девственности у него составила две сотни рублей, что и были уплачены тут же без торга. Потом пошли узбечки и казашки, потом черкешенки и чеченки. Да и русские попадались. Уж как там народная молва разнесла славу о молодом талантливом специалисте в области оперативно-пластической гинекологии остается только догадываться. И ещё большей загадкой остается, где Студент добывал каждую неделю скинстэйплер. Точно не на кафедре, наверное вместе с Адерейко совоим собственным обзавелись. Под выпуск Студент совсем поменялся - он звонил в тот знаменитый обсервационный роддом и вальяжным голосом говорил с Сан Санычем:

- Коллега, у нас сегодня опять заявка на срочную хименопластику. Гонорар уже поступил!

НЯНИ В ПОГОНАХ и РУБЛЁВЫЙ СУББОТНИК

Вроде бы это был самый обычный день шестого курса. Впрочем не совсем обычный - это был последний для нас субботник в Академии. Всякими землеустроительными и

мусоросборочными работами шестой курс уже мало нагружали, поэтому на последний курсантский субботник мы шли как на праздник - своего рода прощание со ставшим уже привычным нашим бытом. Даже замполита проняло, правда истолковал он это как всегда дубово. Серпомолот увидел наши довольные морды и решил, что пылают они от возвышенно-патриотического настроя. Кононов едва не прослезился: "Вот сыны, не зря я вас воспитывал эти долгие годы - повзрослели к шестому курсу, цените момент всеобщего коллективизма и получаете осознанное удовольствое от общественных работ!". Мда-а... Мы-то ценим, а вот ты каким шесть лет назад был, таким и остался. Дураком в смысле.

Построились, сделали поверку - то бишь перекличку по списку. Все в сборе, кроме Вовки Чернова. Ну и зря не пришел, сейчас мы соберем по рублю и пошлем гонцов - парочку в "Очки" за пивом "Колос", других на "Яйца" за пивом "Жигулёвское", а еще нескольких в "Сайгон". Вообще-то "Сайгон" по настоящему называется ресторан "Вечерний", небольшая забегаловка напровив громадного "Лобка", нашего Лабораторного Корпуса. Этот ресторанчик "Сайгоном" еще в шестидесятых окрестили во времена Американо-Вьетнамской войны - уж очень там любило подъедаться азиатское братство с Пятого Факультета. Так вот в днём в "Вечернем" можно было запросто заказать шашлыки на вынос. Подставляй кастрюлю, коробку или просто газетку, и тебе туда официант посдирает с шампуров аромтнейшего мясца. Шашлыки в "Сайгоне" были так себе, но на свежем воздухе пролетарской пасторали в голодные желудки созревающей военной интеллигенции вполне пойдут. Значит, кто участвует? Порядок - все участвуют! Собираем деньги на пикник, гонцы бегом по точкам, остальные на Факультет менять парадно-строевую форму на рабочее Х/Б. Впереди потно-весёлый праздник.

Это сейчас энтузиазм от бесплатной низкоквалифицированной физической работы звучит немножко странно, а тогда при правильном подходе и хорошей организации дела такое было не в диковинку. Работали мы с огоньком, и в общем-то с удовольствием. Не сказать, чтобы мы горели идти на субботник, но уж коли пришли, то "сачка давить" у нас считалось позором. И не в "совковстве" тут дело. Скорее в воинском коллективизме и... удали молодой, что-ли... Ну и в нелегальном пикнике, конечно.

От нашего взвода лететь на "Сайгон" за шашыком выпало Коле. Мы его наускиваем: "Миля, беги первым, чтоб потом ожидаючи не томиться, когда перед тобой гонцы с других взводов "шашлычную линию" на пол дня закажут. Тот было припустил, а от него, словно от тройки на Масленницу, звон бубенцов. Миля остановился и умоляет: "Мужики, ну дайте бумажных денег, чего вы мне железных рублей насыпали, карманы рвёт, да и неровен час порастеряю!" Железные рубли никто не любил. Помните такие здоровые кругляки с Лениным, чуть ли не по полкило весом? Народ упрямится, рад что от железа поизбавлялся - бегите, товарищ Миляев, и не рассуждайте. Тот вздохнул, ещё пуще зазвенел и побежал.

Пришли мы на указанное место, что сразу за Кафедрой Травматологии. Появился полковник Пяточная Кость и давай нам фронт работы показывать. Мы всё уяснили, козырнули, перекурили, и принялись поставленную задачу выполнять - подбирать мусор, сгребать старую листву в кучки, грузить всё это на носилки, таскать и сваливать в ещё бОльшие кучи. Чуть-чуть поработали, а вот и Коля прибегает. Глаза виноватые, как у побитой собаки. Мы сразу вопрошаем, что мол произошло. Тот в землю уставился и вздыхает тяжело: "Бейте меня, мужики, придется шашлыком делиться, я пять рублей по дороге потерял". Плачется, что всё мол из-за того, что мы, гады, не послушались и перед вылетом на "Сайгон" нагрузили его железом, как американский тяжёлый бомбардировщик Б-52. Бить мы его конечно не стали, обошлись устным выговором - мол когда бежишь, то как замполит говорит, "обязан слушать по сторонам", чтоб быть начеку, если по асфальту деньги зазвенят. А тот ни в какую вины не признает: "Какой там "по сторонам слушать" если мой карман гремит громче трамвая на перекрестке". Ладно, делать нечего, придётся обходиться урезанной шашлычной пайкой. А тут Сив с "Яиц" прибежал, потом Изя с "Очков". Зашли мы за кустики, по очереди прям из трехлитровой банки хлебнули пивка, подобрели и Колину недостачу простили.

Вдруг появляется Чернов. Да не один, а с Оленькой! Оленька была любимица нашего курса - все мы её знали и при всяком случае с ней заигрывали. Но Оленька была барышня крайне независимая и редко кому отвечала взаимностью. Мы не обижались, Олин снобизм терпели и всегда просили Чернова опять с ней приходить. А еще она была очень умной. И милой. И уже большой - ей уже два годика. Чернов, он ведь ещё на третьем курсе женился, вот к выпуску и подросла его дочка. Мы как

обычно самого Чернова проигнорировали, и сразу давай его дочке глазки стоить. А Чернов так по папачески и говорит: "Оленька, Оленька, попроси дядю Лома, дядю Милю и дядю Сива с тобою часок поиграть. Видишь каким они делом нехорошим занимаются - вместо работы пиво пьют. Хоть обстановочка тут крайне антипедагогическая, но пусть лучше дяди на этом субботнике хоть одно полезное дело сделают - за тобой посмотрят, а я пойду зачёт по ОТМС сдам!"

Оказавается у Чернова "висел хвост" по Организации и Тактике Медслужбы. А на этой злючей и самой милитаристской кафедре должников не жаловали и никаких поблажек им не давали. Явиться туда сдавать зачёт с дочкой было а) невозможно, б) крайне противопоказано. Это на Детских Болезнях можно было препода своим отпрыском умилить. На ОТМС бы просто гаркнули и выгнали без разговоров. А у Чернова действительно ситуация дурацкая получалась - жена его только-только отучилась и пошла работать учительницей, и у них там в школе в этот день тоже какое-то профсоюзно-активистское мероприятие с ударно-комсомольским уклоном проходило, на котором молодой учительнице присутствовать надо было позарез. Вот и пришлось Чернову наплевать на субботник и остаться дома с ребёнком. Но висела ОТМС с назначенной на сегодня пересдачей, а уж такое проигнорировать никак нельзя, и пришлось как-то выкручиваться.

"У-тю-тю-тю, смотри Оленька, сейчас дядя Миля тебе покажет, как на бизоне кататься!" С этими словами Чернов посадил Оленьку на Колину холку, и пока довольный Миляев носился с ребенком по кустам, тот по-английски тихо смылся. Не успели мы оглянуться - папашки и след простыл, хочешь, не хочешь юнное создание на наших плечах в прямом и переносном смысле. Оленьке кататься на бизоне скоро надоело, а Коле захотелось ещё пива. Пока бизон пошел на водопой, Оленьку пересадили на меня: "Смотри, Оленька, какой дядя Лом длинный, это ты сейчас на жирафике кататься будешь!" И я побежал кросс по пересечённой местноси. Потом подошла очередь Сива: "Оленька, садись на ослика!" Потом эстафету перенял наш тяжелоатлет Поляков: "Видишь Оленька, дядя Поль какой хороший слоник!" Слоника сменили на коня-Студента, а его в свою очередь на бегемотика-Батю. Оленька спросила: "Где бегемотик?" Как где? Кто самый упитанный, тот и бегемотик! Батя кряхтя загрузил Оленьку на шею. Оленька запротестовала: "Бегемотик не так!" Мы оторопели. Ух ты какая умная - разбирается! Оленька, а как бегемотик?

Оленька задёргала ручками и ножками, требуя, чтобы её сняли. Затем она стала враскоряку, упёрлась ладошками в землю и довольная сказала: "Бегемотик так!" Батю вмиг поставили раком и опять водрузили Оленьку. Бегемотик мелкой рысью засеменил к ближайшей мусорной куче. Оленька пришла в восторг, но одной верховой езды ей показалось мало: "Бегемотик, а песенку?" Батя попытался отмазаться, что бегемотики песенок не поют, а лишь оглашают пол Африки страшным рёвом, но такие зоологические подробности Оленьку не удовлетворили. Дитё нервно заёрзало на Батиной спине и весьма твёрдо повторило: "Хочу песенку!" Батя, словно настоящий гиппопотам, стал в задышке широко раскрывать рот и запел: "Курсанта-медика не трожь, в руке пинцет, в кармане нож, а в голове густой туман..." Оленька прислушалась, а потом недовольно скривилась: "Песенка фу-у-у. Про плохих дЯдьков! Хочу другую песенку!" Батя из последних сил нежно заблеял Гимн ВМА: "А-а-академия родная, мы всегда горды тобой..." Дитё захныкало. Батя перешёл на крупный галоп с латынью: "Гаудеамус игитур, ювенес дум суумус..." Дитё блаженно заулыбалось. Мы принялись подпевать. Видя такое всеобщее внимание, Оленька удовлетворённо захихикала. Батя пел и всё также бежал на четвереньках, но боялся уронить ребенка и как мог выкручивал шею, пытаясь заглядывать себе на спину. Тут бегемотик и налетел на мусорную кучу. С разбегу Батина голова ушла в мусор по самые плечи, Оленька слетела со спины, но к счастью приземлилась прямо на дурно пахнущую, хотя мягкую вершину. Раздался мелодичный звон, а потом детский плач.

Батя вытащил голову из мусора, подхватил ребёнка и посадил его на носилки. К нему подбежал Сив, и они вдвоём принялись раскачивать носилки на манер качелей, всё также напевая по-латыни старый студенческий гимн, правда теперь на мотив колыбельной. Дитё перестало плакать. К мусорной кучи задумчиво подошёл Хут, осмотрел всё вокруг, потом поковырялся в разбросанных бумажках и извлёк оттуда железный рубль: "Вот что звенело!" К дальнейшим поискам присоединились Шлёма и Изя, и вскоре они тоже раскопали железный рубль. К соседней куче подошёл Орел и безцеремонно расскидал её. И там оказалась монета рублёвого достоинства. Орел аккуратно зажал рубль двумя пальцами за краешек и победно потряс им над головой.

Сив остановил носилки-качели и внимательно уставился на монету: "Это мой рубль! Видишь на нём тётка с мечом - Родина-

Мать зовёт, а вот тут царапина. Монета редкая, юбилейная, я её полгода в кармане таскал, тратить жалко было, а сегодня Коле-Миле на шашлык сдал, так как других денег не осталось. Миляев, скотина, признавайся - ты на "Сайгон" через здесь бежал?!"

Подошёл Коля и подтвердил его догадку - чтобы срезать путь, он действительно побежал через стадион. Прямо через трибунки. Видать когда он по их лавочкам прыгал, то монетки вылетели вниз в траву, вот он звона и не услышал. Под этими сварными трибунками-этажерками было полно мусора, мы его оттуда выгребли, и заодно выгребли эти рубли. Теперь все накинулись на Колю, заставляя вспомнить точный маршрут его бега с препятствиями по трибуне. Он вспомнил. Добрая половина взвода снова полезла под трибуну. Вскоре ещё нашлись недостающие три рубля. Точнее, если судить по недостаче, то недостающими были только два рубля, а третий оказался "левым", да ещё и бумажным - его кто-то потерял без нашей помощи. Все обрадовались возвращению утерянных денег, а прирост капитала в виде одной ценной бумаги сочли законным банковским процентом. Миляеву же в назидание наказали сбегать ещё раз - теперь уже за пивом. Ну и опять же Сива к нему в помошники определили - пиво нести и контролировать, чтоб тот деньгами больше не разбрасывался.

Вскоре подошла машина, и мы загрузили вновь собранные мусорные кучи в её кузов. Потом пришли Коля с Сивом и принесли пиво. Мы выпили пиво и стали расходиться. А Чернова всё нет. И где этого папашку черти носят? Все вдруг вспомнили, что я у Чернова был свидетелем на свадьбе, а посему почти родственник - значит Оленька всецело передаётся в руки законного опекуна. Я взмолился и упросил Колю разделить со мною ответственность. Дитё захныкало и сказало, что хочет кушать. На счастье остался последний кусочек шашлыка и пива на донышке. Шашлык мы дали ребёнку, а вот поить пивом сочли несколько преждевременным. Оленька пожевала шашлык, а потом уставилась на Колю. Тот как раз допивал пиво. "Пить хочу, счастлык не хочу, хочу кашки!" Кашки у нас не было.

Тут видим из "Трвмы" Авицена выходит. Авицена - это Малик Халмуратов, курсант с пятого курса нашего Факультета, на год нас младше. Я с ним у одного научного руководителя занимался и поэтому знал его очень хорошо. Мы замахали ему рукой. Подошел Малик к нам, поздоровался и уставился на Оленьку:

- Лом, это твоя что-ли? Ты вроде холост, нагулял что-ли?

- Ну как тебе сказать, временно вроде моя, а вообще-то это Вовки Чернова дочка. Законная.

- А-а-а...

- Авицена, у тебя конфетка есть? Угости ребёнка!

Авицена полез в портфель. В портфеле среди учебников торчала бутылка простокваши и на дне завалялась пара конфет. Малик протянул конфеты Оленьке. Та взяла конфетку и сказала: "Пасиба дядя Ависен! Дайте кифичику тоже!" У Авицены аж челюсть от удивления отвисла:

- Я ж педиатрию только сдал - точно знаю, не положено ещё ребёнку в таком возросте так разговаривать!

- Авицена, да она мутант - шибко умная. Или может Чернов ей какой препарат для усиленного развития мозга даёт - у неё мозги на три года остальной организм обгоняют.

- Да гонишь! Ну пусть умная, но не с опережением биологического возраста в три года. Так не бывает.

- А вот бывает! Спроси её что-угодно, скажет как пятилетняя и не поперхнётся!

Авицена задумался на момент, а потом со своим мягким узбекским акцентом твёрдо так отрезал - "что-угодно" не может быть, потому что "что-угодно" даже пятилетние не говорят. Мы же говорим, что скажет. Малик не согласен. Ну тогда спорим на трояк, что скажет! Малик достаёт зелёную бумажку и махает ей перед моим носом: "Не скажет!" Я тоже достаю три рубля: "Скажет!!!" Авицена погладил Оленьку по головке:

- Дэвочка, а дэвочка! Скажи "муха-цокотуха" и "сульфодиметоксин"?

-Муха-каца-туха и суль-фоль-диль-мель-токсин!

Малик ещё раз потрепал Оленькины волосы, отдал нам трояк с простоквашей и ушёл. Мы напоили Оленьку, ещё немного посидели и решили дожидаться Чернова возле "Лобка". Точнее я с ребёнком будем внзу дожидаться, а Коля побежит по этажам "Лобка" искать заучившегося папашку. Подошли к "Лобку", а оттуда нам на встречу Чернов бежит. Мы, значит, на него в гневе: "Доколе?" А он и отвечает: "Мужики, поняньчитесь ещё - отвезите дочь ко мне домой. Ну пожалуйста! Жена уже поди вернулась, а мне ещё часа три тут торчать придётся - препод заставил карты рисовать". И гад такой, на всякий случай нам ключ от своей хаты суёт и объясняет, чем ребёнка кормить, если жена всё же не вернулась. Ну ладно, ведь и вправду не повторно же заваливать

практически сданный зачёт? Пошли мы к метро Оленьку домой везти. Перед тем как в метро зайти, как обычно решили перекурить. А папиросы кончились! Рядом с метро табачный киоск стоял. Коля стал в очередь на выигранный у Авицены трояк прикупить "Беломорчика".

Когда Коля подошёл к окошку, очередь застыла на месте - у киоскёрши инкассаторы забирали выручку. Наконец киоск опять открылся. Коля нетерпеливо протянул продавщице трояк: "Пачку "Беломора" и "Лигерос", пожалуйста". Киоскерша глянула на три рубля и обречённо вздохнула: "Курсантик, а мелочи у тебя нет - мне сдачу дать нечем, все деньги сдала". Мы порылись по карманам, мелочи не было. Продавщица высыпала остатки мелких монет из своей кассы и принялась их считать. На сдачу с трояка не хватало. Тогда продавщица жалобно посмотреля на Колю и умолящим голосом попросила: "Курсантик, на рубль возьми лоторею "Спринт", можь там тебе выигрыш!" "Спринтом" называлась только что вышедшая новая лоторея, где выигрыш узнавали сразу - он был напечатан на внутренней стороне хитро свёрнутого билета, для верности скреплённого специальным металлическим колечком. Киоскёрша положила билетик в чашку на кучу собранной мелочи. Коля гневно глянул на эту горку и разразился гневной тирадой: "Я с государсвом в азартные игры не играю - рубль давайте!" Ну чтож, хочешь рубль, тогда жди. Как назло у мужика, стоящего за Колей тоже мелочи не было, и ему была предложена таже самая лоторейка, так и лежавшая в тарелочке. Мужик похмурил брови, а потом махнул рукой и тут же разорвал билетик.

Киоскёрша без особого интереса бросила привычную фразу: "Ну в следующий раз повезёт". Мужик никак не прореагировал на эти слова и стоял не шевелясь, впившись глазами в билет. Киоскёрша поняла, что тут что-то не ладно, и по плечи высунулась из окошка своего киоска, а мы заглянули мужику через плечо. На развёрнутом билете красивыми буквами было напечатано "*Ваш выигрыш автомобиль "Нива". Для получения выигрыша или его денежного эквивалента обратитесь в ближайшее отделение Сбербанка СССР*". Вот это да! Мечта советского человека - малолитражный отечественный внедорожник, но уже в руках другого человека. Коля сглотнул слюну и грозно произнёс: "Мужик, это мой билет! Давай его сюда!!! Мне его первым дали!" Мужик медленно поднял глаза, а потом судорожно зажал билет в руках и со всей силы припустил прочь от киоска. Киоскёрша заверещала ему в след: "Гражданин,

гражданин! Куда же вы?! А сигареты? А садчу?" Мужик побежал ещё быстрее и не оборачиваясь крикнул: "Курсанту отдайте!"

Коля со слезами на глазах рассовал по карманам "трофейные" сигаретные пачки, ссыпал сдачу и "навар" от убежавшего счастливца. Настоение упало, даже Оленька поняла, что дядя Миля только что совершил непоправимую глупость. Я уже устал её таскать и передал ребёнка Коле. Она смиренно замерла у него на руках, скрорчив обиженную рожицу, вот-вот готовая расплакаться. Мы, чтобы не обкуривать ребенка табачным дымом, перекурили в сторонке по очереди и медлено поплелись в метро. На эскалаторе Оленька ещё крепилась, а вот как сели в вагон, громко расплакалась. Причём такими стрёмными для нас словами: "Ой где же моя мамочка! Ой папочка, ой папочка! Ой где же моя мамочка!" Народ вокруг нисколько не сомневаясь, что Коля и есть её "папочка", сочувственно вздыхал и пытался Оленьку успокоить. Коля, чтоб развеять всякие подозрения, достаточно громко сюсюкал ей, что мол сейчас папочка привезет Оленьку к мамочке. Оленька перестала реветь и серьёзно уставилась на Колю: "Ты сёдня и деньги и масыну потеяй! Молси поэтому!" И я, и Коля, и все ближайшие пассажиры ещё раз удивились этому ребёнку и его понимаю окружающей действительности. А потом Коля излил душу случайной попутчице - рассказал историю с лоторейным билетом какой-то сидящей рядом бабке. Бабка повздыхала, но вот и её станция. Бабка встала и на прощание бросила Коле: "Зато у тебя ребёнок очень умный, а Бог если где-то даёт, то где-то берёт! Так что не расстраивайся, солдатик!"

Мадам Черновой дома не оказалось. Пришлость лазить по шкафам и холодильнику, искать овсянку и молоко, чтобы сварить ребёнку кашу. Наконец Оленька поела и почти сразу уснула - видать субботники утомляют всех, включая младенцев. Там же в Черновском холодильнике мы нашли пол бутыли водки и решили, что Чернов на нас не обидется, так как он наш должник, а нам с расстройства от потерянной "Нивы" выпить для успокоения нервов не помешает. Мадам Чернова заявилась как раз в тот момент, когда Коля, подняв стакан, стоял в пафосной позе, желая "цирроза печени, острого панкреатита, камней в почках и прободной язвы желудка тому козлу и чмошнику, что убежал с его машиной". Увидев нас на кухне, Чернова спокойно спросила, где её муж. "Лен, да ты не переживай - сегодня за него одного нас двое!" Ленка побледнела и мигом побежала в комнату к ребёнку. Оленька мирно спала, сытая, довольная и переодетая

во всё чистенькое. Ленка вернулась к нам на кухню, спросила, что ребенок кушал, как писял и какал, а потом, уже окончательно успоковшись, выслушала наш рассказ о последнем курсантком субботнике. История с лоторейным билетом даже её проняла. Она достала маленькую рюмочку и чисто символически капнула туда водки: "Ну, Коля, машину ты потерял. Так выпьем же, чтобы тебе в жизни нашлось чего-нибудь получше, чем новая "Нива". Миля, скажи честно, ты чего хочешь иметь?" Коля не на шутку задумался и произнёс: "Оленьку! Ну, не твою, конечно, но такую же".

Чернова встала, нарезала хлеба, сыра и колбасы, наделала нам бутербродов на вечер. Всучила свёрток мне в руки, дежурно чмокнула каждого в щёку и выпроводила за дверь. А когда мы загремели сапогами по лестнице, она нам вслед громко сказала: "Жениться вам надо, мужики! Пора уже, пора!" И закрыла дверь.

На выходе из подъезда было три ступенки. На средней ступеньке лежал новенький металлический рубль. Коля остановился и гневно уставился на денежку. Потом поднял монету и злобно изрёк: "Ох и рублёвый сегодня день!" С этими словами он с силой зашвырнул находку в кусты.

МОТОЦИКЛ "МИНСК"

Это сейчас смешно, а тогда считалось круто! Одиннадцать лошадиных сил, один цилиндр, не то триста пятьдесят, не то пятьсот рублей цена - конечно советских рублей за маленький, но хороший мотоцикл. Хотя рассказ вообще-то не о мотоцикле. Рассказ о жизни нашей, жизни двух молодых оболтусов на выпускном курсе Военно-Медицинской Академии.

Нам после потери лоторейной машины почему-то очень захотелось обзавестись собственным транспортом. После истории с лоторейным билетом мы с неделю мечтали, что будь у нас "Нива" куда бы мы ездили и как хорошо бы проводили время. Правда очень скоро накал страстей упал, и желание потеряло свою актуальность. Иду я как-то по улице Боткинской и вижу картину: Коля Миляев пьяный идет. В одной руке фуражка, в другой сырая курица. Курицу он за шею держит и этой же рукою пытается голосовать - такси ловит. Сильно меня озадачило, куда же это Коля в таком виде и с таким предметом собрался? Озадачило потому, что жил я с этим организмом уже шестой год в одной комнате и за это время повадки его изучил. А до нашей

родной факультетской общаги всего три дома пройти оставалось. Тут какой-то таксёр останавливается. Коля с грохотом забрасывает курицу на крышу, склоняется к окошку, объявляет цену в рубль и называет адрес. Таксиста аж перекосило - дёрнул с места, только грязь по тротуару разлетелась. Коля, грозя курицей, вслед матюками посыпал. Надо бы подойти, разобраться:

- Привет, Колян! Ты чё буянишь?

- Привет Лом! Праздник у нас, а это чмо везти меня отказалось. Говорит, что близко, сам мол дойду. А мы с тобой с сего дня счастливцы - жилплощадь у нас появилась!

Оказалось вот что - Коля с Марией Васильевной познакомился. Ну при любом упоминании женского имени пусть даже с отчеством, но изреченном из его уст, обычно представлялось существо юное, в крайнем случае до 25, и обычно не слишком отягощенное строгими моральными нормами. Здесь же все оказалось иначе. Мария Васильевна была женщина строгих правил и 76-ти лет от роду. Познакомился с ней Коля в метро. Точных подробностей я не знаю, но общая картинка была весьма тимуровская - тащила бабка чемодан, а Коля вызвался помочь. Так как он был в форме, то у бабки в доброте его намерений никаких сомнений не возникло, и помощи она весьма обрадовалась. С метро нести было далековато, по пути Коля успел выяснить, что живет бабуля одна в своем доме. Дом под Ленинградом, в Шувалово, но отопления и воды нет. Вот и ездит баба Маша зимовать к сыну в Ленинград, уж очень ей трудно стало печь вытапливать, да воду таскать. Коля ситуацию смекнул, и не долго думая, предложил у нее в доме поселиться. За сто рублей до тепла - с первого октября до первого мая. Бабка для виду попричитала, что уж лет пять как ни дров, ни угля она не завозила, но согласилась. Коля занес чемодан, потом съездил в сберкассу и к вечеру имел на руках бабулин подарок в виде курицы и ключи от временно-собственной усадьбы. По этому поводу он и зашел в ресторан, да судя по его поведению, чуть лишку заказал там. С Колиных слов выходило, что в ресторане тоже работают одни сволочи, как и в такси - его курицу в гардероб брать долго отказывались.

Ну свою половину - пятьдесят рублей - я ему отдал минут через пять после встречи на Боткинской, какой же дурак откажется пожить в особняке! Еще с полчаса мы укладывали наши нехитрые пожитки. Минут двадцать ходили по общаге и хвастали каждому встречному и поперечному о свалившейся удаче. Потом тащились на Финляндский Вокзал и ждали электричку. А потом

минут сорок тряслись в ней и столько же добирались пехом от станции до "дачки". Уже тогда я понял, что путь туда-обратно - это проблема, много времени займет.

Дом оказался славным - три комнаты, две печки, во дворе туалет, сарай и банька. С отоплением проблема быстро решилась - ещё когда вдоль железки шли, приметили мы громадный бурт угля и штабель шпал рядом. В сарае нашлись две тачки и двуручная пила, а остальное было делом техники. Конечно грех это, воровство социалистической собственности, но холод не тётка. По ночам отправлялись мы на заготовки - насыпали тачку антрацита, да распиливали одну шпалу. Шпалы горели плохо, а уголь хорошо. Комбинация получалась что надо - не жарко и не холодно. А с банькой раз вообще прикол вышел - по первому снегу мы её натопили, напарились и выскочили остудиться голяком во двор. А из-за забора "хи-хи!" Две дамы стоят. Оказалось из консерватории - одна на скрипке играла, другая на виолончели. Нашли себе студентки квартирку как и мы - вдали от суеты, чтоб было им легче музыкой заниматься. Ух, мы потом до самого мая такие творческие вечера с ними закатывали! Да и не только с ними - пол нашего взвода и пол их группы к нам в гости заходило культурно отдыхать. Но это к слову просто вспомнилось.

Дня через три после заселения поняли мы, что дорожную проблему надо как-то решать - уж очень рано вставать приходилось и домой поздно возвращаться. Стукнула нам идея купить вскладчину собственное транспортное средство. Ну а самая дешевая техника, способная увезти двух человек, был мотоцикл "Минск". Судьбу его мы ещё до покупки определили - по выпуску кинем мы монетку на "орел-орешка", кому удача выпадет, тот мотоцикл себе и забирает. Да и после госэкзаменов решили мы билеты на поезд не брать, а приключение устроить - на мотоцикле своим ходом домой уехать и Союз посмотреть. Короче, полезное с приятным сочеталось во всех отношениях. На ближайшую пятницу мы "от школы" закосили и вернулись домой уже на мотоцикле. Правда вернулись далеко за полночь. С самого утра поехали в автомагазин (кроме "мотиков" и мопедов там ничего и не было, дефицит его мать), от туда сразу в ГАИ за номером, затем на заправку, ну а потом до темна катались по Ленинграду и окрестностям пока не замерзли, как цуцики.

Зато в субботу мы заявились на занятия уже своим ходом. А занятие было по Детским Болезням, что сбоку того же здания, где

и Военно-Полевая Хирургия. Сразу возникла другая проблема - куда девать мотоцикл, пока мы по кафедрам шляемся? В первый день мы опоздали, потому что пришлось упрашивать солдата открыть нам ворота парка, где можно было без забот бросить мотоцикл. Во второй день мы его отогнали чёрти-куда, аж за клуб, потом бежали в клинику и опять опоздали. А на третий день Коля решил проблему самым радикальным образом - ставить мотоцикл прямо перед кафедрами. Ну на Детских Болезнях было неудобно, так как тротуар узкий, а вот на ВПХ в самый раз.

У нас перед домом стояла пустая собачья будка, на которой висела толстенная цепь. Сарай мы не закрывали, но на дверях там был здоровый амбарный замок. Раз ни цепь, ни замок не использовались, то мы и решили из них сделать простейшее противоугонное устройство - привязывать мотоцикл за колонну, что держит козырек перед входом на кафедру.

Получалась довольно сюрреалистичная картинка - чуть поодаль стоят себе генеральские да полковничьи "Волги"-"Жигули", тут подъезжают на мотоцикле два хлюста в звании рядовых, достают тяжелую цепь с амбарным замком и цепляют свой мотоцикл прямо перед дверями. Потом идут в раздевалку и сдают там свои мотоциклетные шлемы. Недели две всё нормально было. Уж холодно стало - мы на зимнюю форму перешли. Стали в шинелях ездить. Подъезжаем как-то раз к хирургии, а из окошек половина больных, что в клинике лежала, нам гипсами да костылями приветственно машет. Должен вам сказать, что тогда война в Афганистане шла, и эту половину составляли раненные офицеры. Мы от такого внимания немножко обалдели. Оказалось, что припаркованный по наглому мотоцикл все кафедральное начальство страшно разозлил, ну а раненным наоборот такая курсантская борзость понравилась. Нам же никто ничего не говорит, ну мы и на следующий день опять под общее ликование прикатили.

После практических занятий была лекция. Только лекция закончилась, заходит замполит. Ну там, курс встать, смирно, все такие военные дела. Дальше замполит спрашивает, кто это у нас за рулем мотоцикла сегодня был? Коля честно отвечает, мол я был, товарищ полковник, а что нельзя - в Уставе об этом нет ни пол слова. Замполит задумался и говорит, да нет, всё можно, в армии на мотоциклах ездят. Но ездят без нарушения формы одежды! А Вы, товарищ курсант, её злостно нарушаете, и поэтому,

чтоб больше такого не было. Коля сразу всё понял, виноват, товарищ полковник, и под козырек - больше не повторится. Замполит довольный удалился. Коля ко мне подбегает, поедешь со мной завтра? Я ему и говорю, что он дурак, и чрезмерная борзость до добра не доведет. Он хмыкнул и ушел... На вещевой склад ушёл, где у кладовщика за четвертной кое-чего приобрел.

На следующее утро я встал пораньше и поехал на электричке. Наконец добрался до кафедры, а тут слышу в морозном воздухе треск нашего мотоцикла. В такую пору мотоциклиста редко встретишь в Ленинграде, а такого мотоциклиста вообще не встречалось с 1944 года, как немцев прогнали. Едет Коля - вместо пристегнутого на боку портфеля, за спиной висит военный вещмешок, на ногах начищенные сапоги, на руках краги, через плечо скаткой плащпалатка, а на голове - стальная зеленая каска со звездой! Ну звезду он дома сам трафаретом перевел, чтобы вид был 100%-но военный. На углу Карла Маркса и Боткинской какой-то мент-гаишник стоял, так тот Коле честь отдал. А как Коля до клиники подъехал, то все калечные опять у окон собрались и от восторга чуть стекла не выбили. Коля невозмутимо остановился и давай своей цепью вокруг колоны крутить, да амбарный замок цеплять.

Вдруг из хирургии выходит старший преподаватель, полковник Алексеев. Посмотрел на Колю и в смех. Достает из своего кармана ключ и дает его Коле. Говорит, молодец курсант, нашёл выход из положения. А ключ этот от ворот, что сбоку от кафедры, ставь свой мотоцикл на заднем дворе и не зли начальников. Коля поблагодарил и стал бросать мотоцикл за кафедрой, но недолго - зима пришла, и ездить на нем стало совсем холодно.

А потом... А потом пришла весна, потом лето - вот и кончился шестой курс, выпускным маршем отгремел в Парке Академии оркестр. Собрали два молодых лейтенантика самое необходимое во всё тот же вещьмешок, а остальные личные вещиели домой по почте отправили. А потом сели на мотоцикл "Мински" и покатили в Воронеж. Прощай Академия! Прощай наша любимая Мамка-кормилица! Впереди пара ночёвок в стогах, первый лейтенатский отпуск и взрослая жизнь.

* * *

Приложения:

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПЕРЛЫ

Замполит:

Надо создать на Втором Факультете "Комиссию по профилактике трезвости" (*по случаю горбачёвской антиалкогольной компании 1986г.)*

Попрошу без тишины.

У вас в одном ухе звенит, а в другом не переваривается.

У меня даже слезы изо рта потекли.

Я не спрашиваю, где вы задержались, я спрашиваю, почему вы опоздали.

Извращенцев у нас больше, чем отбавляй.

К этому нужно относиться с открытыми глазами.

Думаю, пока я говорил всякие слова, вы поняли, что же я хочу сказать.

Кто зевнул - выйти из строя! У вас, курсант, пасти не хватает чтобы показывать мне, как бегемоты зевают.

Большие фотографии сдавать не надо. Например, с ногами по пояс.

Я вообще-то курсантам говорил, у меня есть общие пределы.

Если бы вас послали прямо сейчас служить на Чукотку, что бы вы чувствовали - небось жарко было бы?

В этом отношении никаких претерпений нет...

Я памятью не страдаю.

Закройте рот! С той стороны.

Если ты закрыл рот и стоишь разговариваешь, это не значит, что ты самый умный.

Я что, должен вам вдвоем орать?

Веревку на шею - и в прорубь.

Буду наказывать как в детском саду, кого в угол, кого под трибунал, кого вообще на... э-э-э, ну на... м-м-м, короче, кого куда надо.

По вопросу о дисциплине старшины курсов бьются, как рыбы об лед. А вот командиры взводов уже не очень бьются.

Военные и военнослужащие пришли в определенную степень восторга.

Ваши часы спешат на пять минут назад.

Мужики, я вам как родным сыновьям скажу: мне ваша судьба пофигу!

Правила в курсантской столовой

Этот кладезь настенного официоза от капитана Таракана и прапорщика Ложки-Давай в столовке висел лет тридцать, а может и сейчас еще висит.

1. Прибытие на приём пищи осуществляется только организовано, строём.

2. В двери заходят по одному в обе створки цепочками с головы и конца строя только по разрешающей команде старшины после рапорта начальнику столовой, доклада дежурному/ помошнику дежурного или присутствующих во дворе старших офицеров.

3. Снег отряхают во дворе до ступенек. Грязную обувь протирают на входе.

4. Раздеваются в раздевалке. Шинели вешают единообразно, покурсно и повзвдно. Шапки тоже вешают, а не суют в рукав шинели. Приём пищи военнослужащим под головным убором в крытом помещении не допустим!

5. К столам подходят без шума, криков и суеты, но соблюдая воинский порядок.

6. За каждым столом назначается старший, который отвечает за соблюдение правил поведения, обеспечивает надлежащий акт приёма пищи, а также контролирует порядок и уборку стола после. Сержантский состав и другие младшие командиры осуществляют контроль старших столов. Общий контроль за мероприятим осуществляется старшиной курса или его заместителем.

7. Так же старшина или его заместитель подотчетен о точном количестве едоков, прибывших на кормление на момент реального времени, и о количестве едоков, столовующихся вне общего расписания.

8. Во время приёма пищи любые индивидуальные праздношатания между рядами, кроме специально назначенных лиц, дежурных и наряда, не разрешаются. Следует избегать оправления естественных надобностей в период приема пищи, в туалет ходят заблаговременно, не нарушая порядок и тишину между рядами во время еды.

9. Вставать из-за стола можно только одномоментно организовано всему курсу по четкой команде старшины или его заместителя. Черезмерного грохота лавок и стульев при этом положено избегать.

10. Во время приёма пищи не следует привлекать к себе всеобщее внимание остального личного состава: не говорить, не смеяться, не вертеться слишком громко, не жестикулировать слишком энергично и не чавкать жуя. Небрежная еда с открытым ртом и отрыгивание вслух могут испортить аппетит окружащих и свидетельствовать о низком культурном уровне. С полным ртом старайтесь не чихать, зевая и кашляя, рот прикрывают рукой.

11. Во время приёма пищи не рекомендуется сидеть слишком далеко от края стола или слишком близко и класть локти на столовую крышку.

12. Необходимо неотрывно следить за собой во время еды. Едя торопиться вредно и некрасиво.

13. Соль берётся на кончике ножа. В солонки не лазить пальцами и яйца туда не совать. Как будущий врач, помни - избытки перца, соли и сахара вредны.

14. При еде супа надо взять в ложку столько, чтобы можно было поднести ко рту, не пролив жидкости супа. Надо следить, чтобы суп не стекал с ложки обратно в тарелку. Суп едят тихо, бесшумно и равномерно - не следует поедать отдельно густую часть, а потом жидкую, или наоборот.

15. При приеме пищи столовым прибором стараются громко не клацать о днище тарелки.

16. При поедании конечных остатков жидкой пищи тарелку наклоняют от себя, а не к себе, при этом угол должен быть минимальным, чтобы не заливать стол и напротив сидящего.

17. Во время еды второго при использовании вилки и ножа, нож держат в правой руке, а вилку наоборот в левой руке.

18. Когда хлеб намазывают маслом, то кусок необходимо держать на ладони, а не ложить на поверхность стола. Хоть наряд и убирает, она может быть негигиеничной. Масло размазывается ножом, а не ручками столовых приборов.

19. Во время пития третьего губы не выгатигивают и не сёрбают. Если горячо, дуют без разбрызгивания на окружающих. После выпивания компота не следует, запрокинув кружку надо ртом, стучать по её днищу для извлечения вываренных сухофруктов, также не рекомендуется доставать густую часть компота руками, это можно аккуратно сделать ложкой.

20. Лавровый лист, плодовые и мясные косточки на стол класть запрещено, также там не оставлять хлебных объедков. Неиспользованные остатки пищи должны быть слиты/сложены обратно по соответствующим раздаточным бачкам. Третье с первым сливается в бачок из-под первого, второе - в из-под второго. Хлебные корки, другие твёрдые и салатные объедки складывать только во второй бачок.

21. Вынос хлеба по карманам строго запрещен! Абсолютно

недопустим также вынос кускового сахара, масла, яиц и любых необработанных продуктов из цехов. Наряду строжайше запрещсятся любая самовольная передача продуктов.

22. Приём в пищу дополнительных продуктов из домашних посылок и конфет в дни рождения возможен только коллективно с организованного разрешения командира взвода. Он же несет полную ответственность за их доброкачественность. Командир/ замкомвзвод обязан лично органолептически (вид, запах, вкус, консистенция) убедиться в пригодности такой еды к приёму в пищу военнослужащим. Занос несвежих и забродивших посылок в столовую категорически воспрещен. Недопустимо также поедание хоть каких продуктов с малейшими следами плесени. Нельзя есть увядшие плоды. После органолептического одобрения командира, распределение дополнительного продукта личному составу осуществляется хозяином посылки по столам. Воспитаный курсант уважает воинскую дружбу и распределяет доппаёк поровну.

23. Оставление бачковой пищи для вневременно столовующихся производится только под контролем дежурного и исключительно с разрешения начальника столовой или в его отсутствие с одобрения завпроизводства.

24. Дежурным самовольный розлив по термосам в караул запрещен.

25. Если на обмундирование попала пища, то её не следует солить. Соль, как и хлеб, следует беречь. Вопреки расхожему уличному мнению, соль плохо помагает от зажиренности ткани. При сильном загрязнении запачканное место лучше даже замыть, в иных случаях его просто протирают салфеткой, носовым платком или подручной бумагой.

26. Также салфетки и платок используют для протирания рук, вытирать руки об обмундирование или под стульями крайне бескультурно. В обязанности старшего по столу вменяется пресекать подобные действия

27. Закончив прием пищи, использованную посуду складывают стопкой на край стола по виду - в центре тарелки по сортовому разнообразию, отдельно справа ложки и вилки. Бачки выставляются слева по размерам - вначале большой от первого, затем меньший от второго, затем кружки.

28. При выстановке использованной посуды пролитие несъеденных остатков пищи на поверхность стола недопустимо. Старший по столу выходит из за стола последним, контролируя правильность расставки и надлежащую чистоту. В случае необходимости он занимается донаведением оставленного порядка.

29. По приёму пищи общее построение курса/полукурса во дворе столовой обязательно. Одиночные шатания по выходу должны строго пресекаться.

30. Личный состав убывает из столовой организованно по команде старшины при соблюдении надлежащих строевых команд перед провожающим в воротах офицером.

(Всего-то надо 30 заповедей исполнить, чтобы культурненько покушать...)

Общемедицинские:

Согласно западных источников вводят 15-50 биллионов клеток. Сколько это я не знаю, но вроде не мало. (*Трансплантация костного мозга в радиологии)*

На мотоцикле нужно ездить до 25 лет, пока хорошо срастаются кости (*Травматология*)

Уже сестра плачет - тонко работать надо, о больном заботиться! Чего у тебя пила дрожит? А ну отложи ее и возьми и инструмент понежней - большое широкое долото... (*Травматология*)

Нет выше поэзии, чем поэзия женского малого таза (*Анатомия*)

Если не знаешь чего назначить, назначай витамины - толку в общем то не много, зато прокурор не подкопается. (*Терапия*)

Гастрит легко ставится, но трудно распознается, и никто не докажет, что его там нет (*Пропедевтика*)

Хирургия - это терапия, доведенная до отчаяния (*Хирургия*)

Изредка наблюдаются у представителей вида Homo sapiens такие экземпляры, ради которых само существование этого вида может быть оправдано (*Биология*)

Заболевание аскоридозом заканчивается внезапно в случае выхода аскарид или смерти пациента (*Паразитология*)

Скажите мне, у кого, кроме реаниматолога, семь капель чужой мочи, капающие через катетер, могут вызвать счастливую улыбку? (*Реаниматология*)

Все в жизни вредно, даже вишнёвое варенье, если наложить его в гортань (*ЛОР*)

У больного произошло искривление носовой перегородки, в результате чего он перестал слышать на одно ухо *(ЛОР)*

При риновирусных инфекциях тяжесть заболевания определяется количеством израсходованных носовых платков (*ЛОР*)

При лечении антибиотиками температура быстро становится субфебрильной а затем и вовсе исчезает (*Инфекционные болезни*)

Больные, находящиеся в приемном покое называются "приемные покойники" (*Пропедевтика*)

Пальцевое исследование простаты через прямую кишку получило название "Сулико" *(Урология)*

Жалобы на боли внизу живота, частое болезненное мочеиспускание с резьбой (*Урология*)

С добрым моргом! *(утреннее приветствие паталогоанатомов)*

Лица, выкуривающие 25 сигарет в день, умирают в 30 раз чаще чем некурящие (*Гигиена*)

"ЖБЖ, кон. хир-тер" - *кратчайший эпикриз в мире при направлении солдата в госпиталь. Это означает: "Жалобы: болит живот, консультация хирурга, консультация терапевта".*

Врач столько раз может ощутить счастье, сколько раз он сделал счастливой женщину (*Гинекология*)

Сегодня я прочту вам лекцию о грустной истории человечества *(Вводная лекция по гинекологии)*

Месячные - это кровавые слезы матки о несостоявшейся беременности (*Гинекология*)

Женщина, которая ходит в джинсах, это интерсексуальное существо. Оно не может родить и быть нормальной матерью. Я знаю, я наблюдал (*Гинекология*)

Женское молоко, в отличие от молока других животных, имеет ряд особенностей (*Гинекология*)

Это же как дважды два: моногистиоцитарная периваскулярная инфильтрация! (*Патанатомия*)

Раковые метастазы - они как шпионы в Западном Берлине (*Патанатомия*)

Когда больной или человек... (*Пропедевтика*)

Конференция на тему: "Профилактика особокишечных инфекций" (*Эпидемиология*)

Вирусные болезни моделируют на свиньях, так как свинья наиболее близкое к человеку животное (*Эпидемиология*)

Единственным возбудителем сыпного тифа является человек (*Эпидемиология*)

Бруцеллезом заражаются через укус коровы (*Эпидемиология*)

Инициатором вспышки дизентерии явился хлеборез Нухаев (*Эпидемиология*)

Если человек проглотит металлический рубль, то есть надежда что он выйдет в неразмененом состоянии (*Хирургия*)

Больные с синдромом Клайнфельтера страдают варикозным расширением вен, низким интеллектом и длинными руками

(интересно, как они это делают? Медгенетика)

Если человек считает себя психически здоровым - это уже должно настораживать (*Психиатрия*)

Критерий излеченного слабоумия: "Больной стал хорошо соображать. Уже может считать деньги" (*Психиатрия*)

Боли в нижней челюсти при инфаркте пациент может относить за счет зубов, если они у него есть (*Терапия*)

Нарушение функции сохранено (*Патфизиология*)

У этого препарата такое длинное название, что и записывать даже не будем (*Фармакология*)

Осложнение препарата - расстройство менструации. Наблюдается только у женщин (*Фармакология*)

У нас все лекарства, кроме слабительных и снотворных, назначаются три раза в день (*Фармакология*)

Курсант Рябуха активно участвовал в 7 беременностях и 12 абортах и 19 родах (*Гинекология*)

Больной был спасен - он оказался здоровым (*Хирургия*)

Чем больше теорий вам читают, тем менее ясен этот вопрос (*Патофизиология*)

Панкреатит - помойная яма гастроэнтерологии. На него сваливают все, что не удается объяснить язвой, гастритом и холециститом (*Хирургия*)

Голова больного находится в каудальной части кровати (*Пропедевтика;по-латыни "каудальный" значит "хвостовой"*)

Из перлов п\полковника Федоткина на занятии по проктологии: "запоры социального плана.., внутренняя культура пищеварения.., позыв о помощи.., сходя в туалет, каждый интеллигентный человек обязан внимательно рассмотреть собственные каловые массы..." (*Хирургия*)

Пораженный жалуется на недостаточность по большому и

малому кругу кровообращения (*Токсикология*)

Вам нужно думать не только о себе, но и о ваших будущих плацентах *(лекция о работе женщин с токсичными веществами; читается сугубо мужской аудитории, Токсикология)*

Лучше взять больного на операционный стол без диагноза, чем отправить его с диагнозом в патанатомию (*Хирургия*)

Маленькие дети болеют чаще, так как тащат в рот все что им попадается на жизненном пути (*Детские Болезни*)

Для нас человек - это кусок мяса подвешенный к глазу (*Офтальмология)*

"Внимание! Курсанты, имеющие хвосты и не сдавшие язык будут повешены завтра по курсам." *(Кафедра Латинского Языка)*

Первокурсники на санитарной практике:

Эта старушка недоглухонькая

Моя больная пошла умирать, да где-то заблудилась *(о больной 96 лет)*

Больной сказал, что берёг свой кишОшник как святыню...

У больного ярковыраженные бронхоэкстазы (*вместо "бронхоэктазы")*

В каком кабинете записывают стенокардию? (*вопрос про кардиограмму*)

Уколы делаются попеременно в наружно-верхний квадрант каждого полужопия

Из курсантских историй болезней:

Больная предъявляет жалобы на головные боли в лобной части живота.

Больному необходимо проводить гастроскопию мочевого пузыря *(гастроскопия - исследование желудка)*

На грудной клетке часты флегмоны между большой и малой ягодичными мышцами

Позвоночный столб намного длиннее, чем позвоночник

Гипертоническая болезнь язвы желудка

Больная N. Возраст - 70 лет. Диагноз - холецистит. Сопутствующая патология - девичество. Состояние удовлетворительное, сознание ясное. В постели активна, но стула не было, был обход профессора.

У больного имеется жена, две дочери и прямая паховая грыжа.

Два года назад врачи обнаружили у больного Петрова нервную систему

Выписка из истории болезни. Дана гражданину Петрову И.П.. в том, что он считает себя больным в течение 18 лет...

Перевод больного из Травматологии в клинику Урологии: Причина: ушиб правой почки о самосвал

Живет с мужем и сыном и благоустроенным унитазом в однокомнатной квартире

На коже растут волосы и ногти

Глаза голубые, уши чистые

Больному рекомендовано вставать и уходить

... На груди и спине -- большая рваная кофта

У больного обнаружено несварение картошки

Температуру сбивали встряхиванием градусника

Диагноз: рваная рана пасти и колотая рана моргал

Больной был доставлен в травмпункт с многочисленными родственниками...

Больной считает себя Кутузовым на основании того, что так записано в его паспорте

Больной отказался закрыть один глаз под предлогом того, что не хочет спать...

Реакция Вассермана положительная, реакция больного -- нет

Больная чувствует себя хорошо, ей еще ни с кем так не было

Сердце больного и он сам ритмично бьется...

Флюорография больного выявила неисправность индукционной катушки рентгеновского аппарата

Больной заявил, что мочеиспускание у него в последнее время сопровождается нестерпимым удовольствием...

После осмотра больному было порекомендовано обратиться к нотариусу

Перестал ходить под себя. Ходит вокруг да около

Клизму переносит хорошо, матерится шепотом...

Больной думает, что он шибко умный, а мы нанимались тут его лечить за бесплатно

В районе копчика явственно прощупывается проход, ведущий в глубь больного. Проход хорошо просматривается, без отклонений, прямой, хорошо развитый. На ощупь длина кишечника больного составляет 10-14 метров. Это нормально

До поступления в нашу клинику больной проходил обследование у инопланетян. В выданной ими справке написано: Билет автобусный, проезд в один конец.

По словам больного, ему очень помогает настойка боярышника с морфином

После удаления из-под кровати больного ведра с краденой хлорной известью, у него пропали кашель и выделения изо рта и носа

Обратился с жалобой на острое, режущее похмелье, жар труб

Больная от лечения отказалась, мотивируя это слабым здоровьем, а также тем, что она не больная, а маляр...

На ощупь больной оказался ростом 150 см, девушка...

В последние две недели стул у больной нормализовался до частоты ноль раз в день

Перед смертью больной выглядел молодцом, ни на что не жаловался. Такое состояние продолжилось и после смерти больного.

Полсе проведенного лечения полностью восстановились мыслительные функции, на лбу появились нормальные морщины, проступили извилины...

... От лечебного ежедневного просмотра таблицы для проверки зрения отказался...

Обследование в приёмном покое подтвердило первоначальный диагноз: не к нам, а в горбольницу.

Три дня назад заметил темную мочу, светлый стул и от этого пожелтел

Пульс больного хорошего наполнения, ритмичный, 2-3 раза в день

При подготовке рефератов:

Традиционно составляется сборник ежегодных тезисов научных работ курсантов, где частенько закрадываются ляпы.

Исследовали влияние нового препарата на состояние летчика в полете - на такой-то высоте, при таком-то маневре у летчика возникла боль в ухе. Приходит ответ из Научного Отдела Академии, где сказано, что мы, конечно, все понимаем, мол, боль у летчика возникает, но вы, все-таки, используйте специальную терминологию, есть же латынь в конце концов... Видать набирая текст "боль в *ухе*" в типографии переставили местами буквы, и

боль стала возникать совсем в другом месте.

От туда же:

статически видимые изменения кровотока полового члена *(надо "статистически", а "статически" - вроде как руками пережали...)*

полдержания отхода кишечных газов (*поддержания*)

откосят сахарный диабет (*народная терминология?*)

выделение мочи ночками (*почками*)

гладкие мышцы сосунов (*сосудов*)

повышение проницательности сосудов (*проницаемости*)

История Партии:

Действовать надо тупо и это лучшее доказательство нашей чистоты и силы

Если вы будете сидеть тихо, будет слышно как мышь пролетит.

Его отец был сапожник, а мать - Коллонтай.

В центре фотографии изображен Ленин в лысом виде.

Заведите тонкую тетрадку на случай нужды.

Даже в критические дни Надежда Константиновна Крупская продолжала писать работы Ленина.

Я вот только не помню, забыл я это или нет?

Темой для работы может служить все, что относится к истории 23-го февраля: Троцкий, Ленин, карты, женщины...

Обвинили в грехах, которыми они не должны были заниматься.

А теперь приступим к нашему самому главному месту.

Труд из обезьяны сделал что? Человека! А такой труд над конспектом из вас сделает свинью!

Пирамиды строили не рабы, а египетские граждане, ходившие на субботники.

А на империалистов, которые только хапают, я бы и зарплаты не пожалел -- купил бы лицензию на отстрел. Вот примерный список...

Ты враг! Тебе бы автомат - ты и Ленина в Ленинской комнате застрелишь?!

Все, что Вы знаете про Октябрьскую революцию - это то, что она была в 17 веке...

Вы читали хоть половину этих книг? Ну ТЫ посмотрите - какое невежество! Без ПСС вам не понять даже элементарых азов мироустройства! Да с тебя за это скальпель (?) снять мало!!! *(речь идет о полном собрании сочинений Ленина - более 50-ти томов)*

Вы уловили самую основную суть? Суть, суть где? И не надо мне тут пошлые анекдоты вспоминать - я спрашиваю не про мочу!

Не бубните себе под нос, а бубните громко, ясно, чтобы все слышали.

Покопайтесь поглубже в своих аналах.

Физика-биофизика и всякие химиии:

Это - грдиент ионных концентраций; а это - клеточная мемебрана. Я ее даже заштрихую, чтобы она нам не мешалась. Получится концентрическая кривая. Ну, мазня какая-то вышла. Можете проверить мой ответ с помощью математики. Если выйдет не так, то вы не правы!

Максвелл увидел, что здесь сидит что-то нечто! Это известный физик позапрошлого века. Мы с ним теперь часто будем встречаться. Законы Максвелла гласят. Первый, по крайней мере, гласит...

Спросите химика-аналитика, что такое динамо-машина, и

первое, что он сделает - это растворит ее в серной кислоте.

Экспериментатор пробует ветчину, теоретик же на основании этой информации должен догадаться, как хрюкает поросенок

Как бы это доказать... или это очевидно? Чтобы суммировать было легче, мы сделаем сумму бесконечной, а дальше курсанты запросто сократят двойку с радиусом и не поморщатся!

Так, теперь создаём магнитное поле - помещаем два магнита, один южный, другой северный. Теперь сунем туда гвозди, из которых железо делают.

Тот самый Герц, которым частоту меряют.

Все это можно вывести на простых пальцах - я могу брать интеграл, а могу и подождать. Знаете, и интеграл получился какой-то вяленький... А здесь и доказывать-то нечего! Но я попытаюсь... Вот... Что я и доказал с присущим мне остроумием!

Эйнштейн, в принципе, сформулировал принцип относительности Эйнштейна...

Если я в окно полезу, то будет дифракция. По этому принципу, ваш глаз будет принимать фотоны испущенные одновременно в разное время. Поэтому обозначим спектральную мощность буквой икс-омега-квадрат-среднее...

Почему это Y более важный, чем X? Ничего подобного! И уж как пить дать, у этого гамма-кванта будет энергия E1. Ну-у-у... Это же так пОшло - делать замену переменных в таком уравнении, а потом дифференциально вертаться передом назад!

Ведь мы не будем доказывать это тождество, что мы сумасшедшие, что ли? Да и сами функции могут иметь производные, а могут и не иметь. Но лучше пусть имеют...

Дифференцировать каждая собака умеет. Даже я вот насобачился...

Это я распал одно ядро...

Сейчас вы сделаете эту задачу. Ну я сделаю... Но и вы могли бы. Я знаю, какие вы, курсанты... *(пауза)* Умные!

Отсчет энергии в Мега-Электрон-Вольтах можно вести от фонаря и из головы. Мы абстрагируемся и нарисуем этот вектор от фонаря. Становится понятным, почему, 10 в шестой степени равно бесконечности, а на маленький электрончик действует маленькая силочка.

В принципе, эти буквы для нас слабо различимы. Сначала ввели электродинамическую постоянную, потом обнаружили, что ее значение совпадает со скоростью света, а еще позже - что это она и есть!

Покойный электрон будет только в крайнем случае - если полетит в перпендикулярном направлении, и скорость, конечно, будет равна нулю.

На это уравнение можно смотреть плоскими глазами, а можно трехмерными. Возьмем сферу произвольной формы, заданного радиуса. И вот мы получили k функций, где k равно бесконечности.

Смотрим в книгу и видим... выражение для функции электрона в сферических координатах.

То, что на женском языке называется хрусталем, просто тяжелый флинт.

Есть два разноименных заряда: один, допустим, отрицательный, а другой - положительный.

Можно вообразить, что в этой задаче... Но воображать, конечно, не надо- просто две заряженные точки катаются на невесомой спице. Теперь определите путь, который кажется электрону. Представьте себе, что это представимо. Представляйте и помните - векторная составляющая меняется по двум причинам: по величине и по направлению. Поэтому-то Р-орбитали и имеют ушки, напоминающие нам о происхождении...

Уравнение состояния я написать не в состоянии. Да и это состояние военврачам не надо... Вообще доказательство этой главной теоремы квантовой химии я у курсантов редко спрашиваю, потому что она еще не доказана. Поэтому упрощайте

- базис линейно обволакивается и получается линейная оболочка ядра.

Мы расставили задачи в билетах по степеням сложности, как нам казалось. Ну как МНЕ казалось! Вот первая, самая легкая задача - в прошлом году она была в билете, чем шокировала всех курсантов. Эти задачи - все, что на сегодня я собирался сделать с вами, товарищи.

Раньше мы говорили только в вакууме, но это все фигня! Под давлением задача тоже решается быстро, просто довольно долго. Ну а для курсантов - на пальцах...

Воды нет, есть капельки и пар. Под действием воды сосуд начинает пропитываться ею. Только тогда надо писать жидкие и газообразные индексы - курсанты, внимание - тут на доске творятся прямо-таки серьезные вещи! Введем значок, который приведет нас к правильному ответу...

Теперь эти полуреакции теперь можно отбросить вместе с курсантамами, заменив последних простыми эквивалентами.

Гистология

Нарисуем большую клетку. О, Земной шар! Теперь нарисуем все хозяйство на ней потолще. Кому не видно, пусть сам нарисует картинку.

Ну чего, не нравится? Ну идите в казарму поплачьте! Ах какая я плохая! *(свирепо)* А вам понятно? Ну, и хорошо, пойдите возьмите в буфете пирожок!

Думаете, знаете гистологию? На кафедре Патанатомии вам покажут, что НИЧЕ вы не знаете! Они там год будут вас таскать за все главные места!

Метки созданы для того, чтобы посылать в одно определенное место. Понятно куда, да?

То, как я сейчас говорю - это уже почти двести лет.

Разницу можно сразу заметить - она бросается в невооруженный глаз.

Это я сказала?! Не верьте, это неправда! Хотя, может быть, это научное открытие.

А рибосом в этом гранулярном ретикулуме - Долгий Пруд пруди!

Этот препарат сделали? Да. А этот каким образом? Ах вот таким... А этот препарат нарисован? Да. А вот этот? И этот сделал... А этот не зарисовали, наверное? Ага, не сделал! *(Пауза)* Курсант, вы сами-то откуда? Вот туда и уедете. Я вам сокращу службу до первого приказа. Ничегошеньки он, понимаешь, не сделал...

Биохимия

Посмотрите на меня, на доску!

Ну вы меня простите, я доцент, я на этом собаку проела...

Нам с вами надо понимать... Вам особенно, я-то уже давно поняла.

Конечно, до вашего вопроса я этой формулы не знала, но вам советую!

Умный ты парень, но не герой. Отработка. А ты герой, но всё равно пересдавать. А ты умый герой, ну не могу же я одни двойки ставить - я вам поставлю точку, чтобы двойку поставить на следующем занятии!

Поярче на мел нажимайте! Какой плохой мел - скоро зубы от него заболят! Случайно никто с собой не носит хорошего мела? Правильно, он пачкается! *(Посылает за мелом)*... Ой, сколько ты мела принес! Будем теперь тут сидеть, пока не кончится.

Я советую вам не бросать столь полезное дело--конспектирование моих лекций.

Эта простейшая смесь полиэтиленгликольмоноалкилфениловых эфиров...

Итак, мы пришли к выводу, возбудившему тех, кто сидит на Камчатке.

Неразумное вмешательство врача в гомеостаз может привести к нарушению существующего дисбаланса.

Эту формулу вы может знаете, или даже помните. В общем у меня уже рука устала её писать - допишите сами.

Еще год-два и будете размножаться в геометрической прогрессии, как слоны.

Здесь два пуриновых кольца, а здесь три, или наоборот, четыре.

Я не помню, чему там равен коэфициент седиментации или какой там еще коэфициент, но помню, что он расходится!

А это надо знать - тут такая последовательность не знаю чего...

Ну, эта на лекциях тоже рассказывала про холестерин. Я, то есть.

Я же не цезарь, чтобы одновременно объяснять левовращающие незаменимые аминокислоты и орать на нарушителей.

Не смейтесь, это обезьяна, а не таракан! В нашем новом учебнике биохимии Б.Ф. Коровкина и Т.Т. Березова будет хороший художник. Он умеет рисовать и тараканов, и обезьян, и собак, и если потребуется и формулы, и таблицы...

Что вы мне тут нарисовали в Лабораторной Тетради? Это не опыт по выделению стероидов, а изображение свинарки, надоившей много молока.

Эй вы там, кто не пишет! Эти курсанты вообще не знают, зачем сюда пришли. Ну конечно, хожу тут, ерунду порю!

Пробирка займет полобъема.

А это цикл Кребса - внимательно на доске! Запоминайте ферменты и превращения. Тут правда среди всех этих формул я еще не выписала одну, не помню, сознательно это сделала или нет.

Приступаем к самому важному вопросу: э-э-э, во сколько перерыв?

Потейте, потейте! Сейчас вы, наверное, уже соображаете. Человек может выпотеть пол-литра за 10 минут!

Хоть оно и не нужно, но я напишу. Может об этом вообще говорить неуместно, но оно вам пригодится на сессии.

На моих занятиях просто - берёте учебник и вам все становится известно!

Это порфириновое кольцо, про него ничего такого плохого не знаем, поэтому шляпочек и галочек не ставим.

Ароматические кольца всегда отваливаются просто кусками...

Какой маразм - микроскоп на биохимии ему понадобился! Только при современных цитохимических методах он необходим. Для курсанта на нашей кафедре - это верх глупости, больной бред и полная чушь!

Курсант, ну что вы суете свой глаз в колбу! Я же вижу, что вы просто спите.

Фармация

Показания: укус энцефалита.

Противопоказания: Смерть родственников в анамнезе

Кинетика: ...Метаболиты выводятся с кишечником... После введения период полувыведения составляет 5 дней... Время полужизни - 8 дней.

Побочные действия: Похолодание... Сны необычного содержания... Беременность...

Меры предосторожности: ...Необходимо избегать беременности... Следует учесть, что может возникнуть отвращение к алкоголю...

Инъекцию сразу же прекратить, если в смотровом окне

покажется резиновый пистон...

С осторожностью применяют при сердечно-сосудистых заболеваниях - возможно повышение смертности...

Перед началом лечения бесплодия следует исключить беременность.

Передозировка: Лечение - принять лежачее положение головой вниз.

Способ птименения и доза:

Перед употреблением разжевать.

Суточную дозу за 30 мин до еды делят на 3 приема.

Обычная доза: 1 мл в одно место.

Поддерживающая доза: 2 вдоха в день.

Ввести одну свечу до предполагаемого полового акта. Если через 30 мин ожидаемого полового акта не наступило, ввести еще одну свечу. Количество свечей не ограничено.

Флакон перевернуть. Если нет капель, постучать по дну.

Срок годности: Израсходовать сразу после вскрытия

Условия хранения: В прохладном, защищенном от холода месте.

ОТМС *(организация и тактика медслужбы)*

Я буду читать лекцию, а всем вам необходимо подробно слушать

Нельзя заливать антифриз в бензин. Если это сделать - машина пойдет взад

Травмировать автоматом по голове.

У каждого своя специальность, и только в двух вещах каждый считает себя компетентным - в медицине и в управлении

государством

Противосанитарноэпидемический взвод

Своим присутствием вы отсутствуете на занятиях

Представьте: вы проглотили мышьяк, ваш труп попал на свалку, разложился, вывел яд в окружающую среду, в результате исчез какой-нибудь сорняк.

Представьте, что злые люди порвали трос лифта, в котором сидит простой советский военнослужащий.

Это было опубликовано и засекречено.

Почему-то перед стажировкой в войсках курсанты постоянно спрашивают - можно ли самому провести пуск ядерной ракеты? Отвечаю: нельзя, потому что там всё проектируется так, чтобы всякая возможность запуска была исключена. И кодов вообще никто, ни одна душа, не знает.

Это не трубочки, а ВПХР! Если вы прибором будете мерить кое-как, то он вам кое-что и покажет.

Кстати, я не сказал вам, что такое "Время-Ч". Это когда первый маслопуп отделится от самолёта. Впрочем неважно, вы все равно не слушаете. *(о начале десантной операции)*

Устно просьба не сокращать!

Я забыл, как там у меня в "Рекомендациях" написано, но сейчас объясню всё по-человечески.

Давайте возьмем сами какой-нибудь руководящий документ, нам ведь его никто не подаст. И не вздумайте думать на свою голову, когда документы есть...

Ну, товарищи, на эти вещи надо отвечать не успевши набрать воздух в легкие.

Майора сегодня нет, поэтому он не пришел.

Представьте, что мы втечение трехсот лет наблюдали за этими двумя зонами радиационного заражения.

Там они волосы на себе рвали, сейчас я вам это покажу.

Соображайте быстрее! Есть среди вас хоть один трезвый?

Удваивается не в четыре, а в десять раз!

По тому, как я покашливаю, хочется меня госпитализировать, но не потому диагнозу, на который вы намекаете.

Это неправда, что их военный бюджет растет неограниченно. Его величина ограничена сверху национальным доходом.

Это условие просто наложено руками!

Если искусственный прием применен дважды, то это уже метод.

Я рекомендую вам ходить на мои лекции. Сам я тоже буду на них ходить.

- Курсант, расскажите об этапах долговременной тыловой колонизации захваченной территории.
- Ну тыловая канализация...

Что в окно смотришь? Перископом станешь. Синичку он там увидел! Сперва поставленную задачу реши, а потом личной жизнью занимайся.

У вас, курсант, на карте хаос - все подразделения, как пчелы вылетают на охоту стадом.

Не изображай из себя плоскость на карте - я за вас свою работу делать не буду!

Прошлое занятие пропустил, а уже в туалет захотел!

Как собака, начинаю волком орать, чтобы вы поняли хоть что-нибудь.

Танго знаете? Вот рукопашный бой - это тоже самое, только лежа.

Вот вы жуете, поэтому и вопросов у вас нет.

У нас детские мясные консервы только один завод делает. Остальные из взрослых.

Поглощенная радиационная доза выражается в такой форме: число и четыре запятых...

Почему такая пассивность! А ну активней - быстрее кончим!

Если я ослаблю котроль за временем, то вы почему-то всегда умудряетесь перерывы делать частые но долгие, за счёт этого уплотняться и уходить пораньше.

Все спящие курсанты - ВСТА-А-АТЬ!!!

На карту наложим кучу многоугольников

А что это вы в разных местах одинаковые буквы пишете?

Нельзя открыть, что китаец желтый. Хотя их много.

Японцы ловят рыбу в советских нейтральных водах

При ядерном взрыве определить излучение очень просто - сечение рассеяния есть интенсивность без выкинутой из нее вероятности.

При Хрущеве крыша отъезжала, теперь ее поднимают *(о пусковой шахтной установке)*

Сегодня ты ручку сосешь, а завтра война! Тебя же расстреляют по приказу командира у заднего колеса собственного "Уазика"! Что тогда сосать будешь?

Я вообще-то это никогда не рассказывал на лекциях, но сейчас что-то совсем грустно - все ясно, кроме сути дела.

Я буду привирать, а вы помогайте.

Двух зайцев убить легко: если вы с ними на одной прямой, а у вас табельный пистолет.

Тяжелая пуля просто ломает кости руки и летит дальше; руке при этом ничего не будет.

Автоматов Калашникова сделано столько - по пальцам не пересчитать!

Танк "Т-80" умеет делать то, что забугровым танкам и не снилось.

Это в гражданских мединститутах на военных кафедрах есть вундеркинды. Так эти вообще курсе на третьем получают паспорт, и только тогда считаются полноценными.

В моё курсантское время, при Сталине, списывали только подлецы. А вы на экзамене даже шпаргалку то достать не можете. Мне что, еще и списывать вас учить? Как в молодые годы?

Ну мы же это уже делали! Или "мы" я сказал, немного погорячившись?

Размер человека и окружающих его предметов - порядка метра.

Белье сначала заледенеет, а потом всё испарится.

Сто Мегатонн для Земли совсем не много. Хотя если упадет, то засыпет изрядно.

Написать такое язык не поворачивается.

Приложение к "Приложению" (*краткий курсантско-русский словарь*):

Минус - первокурсник
Курок - курсант, слушатель младших курсов (с 1-го по 3-й)
Слушак - слушатель старших курсов (с 4-го по 6-й)
Кусок, прапор - прапорщик
Лейтёха - лейтенант
Старлей - старший лейтенант
Кэп - капитан
Подпол - подполковник
Полкан, полкаш - полковник
Начкар - начальник караула
Спланхи, требуха - спланхология, раздел нормальной

анатомии

Гиста - гистология, наука о тканях

Кирпич - занятия по анатомии и гистологии в один день

Топочка - топографическая анатомия

Оперативка - оперативная хирургия

Тактика - оперативно-тактическая подготовка (военная наука, не медицина)

Микробы - микробиология

Фарма - фармакология

Токса - токсикология

Патфиз - патологическая физиология

Патан - патологическая анатомия

Судебка - судебная медицина и экспертиза

Гина - гинекология

Детки - детские болезни с кратким курсом педиатрии для военных врачей

Психи, дурка - психиатрия

Лаба - лабораторное занятие

Мина - заранее написанный ответ на экзаменационный билет

Минирование - подтасовка билетов на экзамене

Бомбёжка, бомбометание - передача письменного ответа на экзамене

Банан - два балла, неудовлетворительно, незачёт

Пентагон - курсантское общежитие

Гарлем - общежитие для семейных

Лобок - учебно-лабораторный корпус

Прогары - флотские полуботинки

Гражданка - гражданская одежда

Антиматерия - водка

Тумбочка - вахта, наряд

Дебилы, помидоры, штирлицы, пеликаны, чилийцы и горбатые - клички целых курсов

Крокодильник - дискотека в Клубе Академии

Сангиг - Санитарно-гигиенический институт имени Мечникова

Обсералка - обсервационный роддом